

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

2(112)

Выходит 4 раз в год. Год издания 17-й

Апрель—июнь 2012

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

Т.И. Заславская
(председатель)
А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Т.Е. Ворожейкина
Л.М. Дробижева
Н.М. Римашевская
Т. Шанин
В.А. Ядов
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
А.И. Гражданкин
Б.В. Дубин
(зам. главного редактора)
Н.А. Зоркая
(ответственный секретарь)
М.Д. Красильникова
Г.А. Стерликова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	3
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО СЕГОДНЯ	
Лев ГУДКОВ. «Доверие» в России: смысл, функции, структура	8
Иван КРАСТЕВ, Стивен ХОЛМС. Странная смерть управляемой демократии	48
Марина КРАСИЛЬНИКОВА. Отношение к власти в структуре социального самочувствия	56
Олег КАШИРСКИХ. Публичная сфера и легитимность персоналистской системы власти в России	63
Денис ВОЛКОВ. Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 гг.: запрос на демократизацию политических институтов	73
Антон ОЛЕЙНИК. Кто эти мужчины и женщины на фотографии? Контент-анализ фотографий массовых протестов	87
Сергей МИЦЕК. Российский гражданин сквозь призму экономических показателей	103
Ольга КАРАЕВА. «Противоречивые инновации»: восприятие технологий генной инженерии в современном обществе	110
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Шестая научная конференция памяти Ю.А. Левады	116
Авторы номера	116
SUMMARY	118

Ответственный редактор
выпуска *Б.В. Дубин*

Редактор, корректор
В.Я. Мордерер

Компьютерная верстка
Г.И. Самарина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (495) 229 3810
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна
Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

2(112)

Quarterly

April–June 2012

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences
(InterCentre)

Members of the Editorial Council

Tatyana Zaslavskaya
(Chair)
Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Tatyana Vorozheikina
Leokadia Drobizheva
Natalia Rimashevskaya
Teodor Shanin
Vladimir Yadov
Yevgenii Yassin

Editorial Board

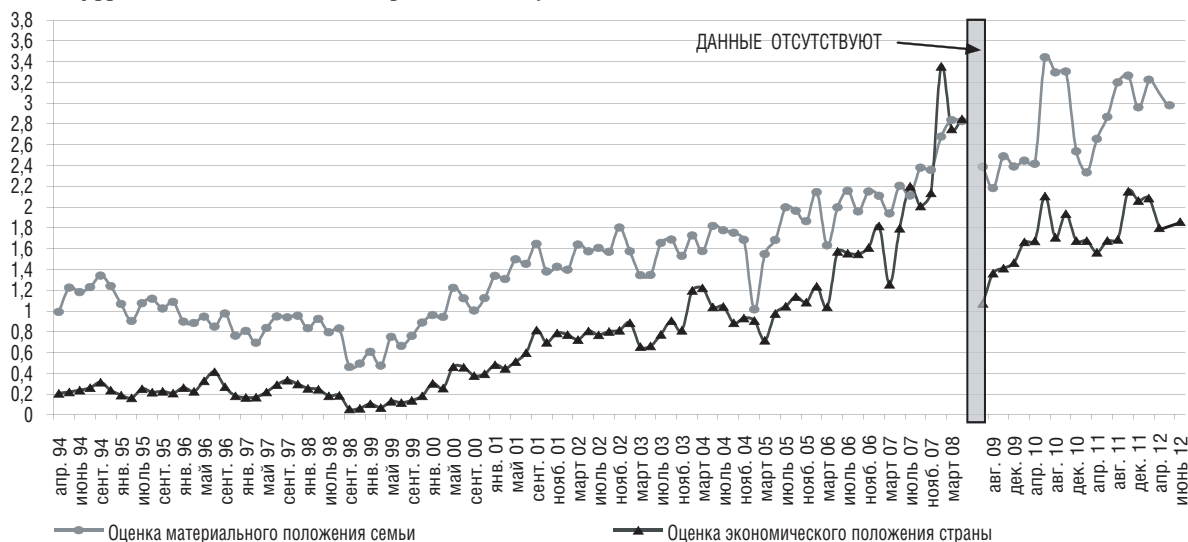
Lev Gudkov
(Editor-in-Chief)
Boris Dubin
(Deputy Editor-in-Chief)
Alexei Grazhdankin
Ludmila Khakhulina
(Deputy Editor-in-Chief)
Marina Krasilnikova
Galina Sterlikova
Natalia Zorkaya
(Executive Secretary)

CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS	3
RUSSIAN SOCIETY TODAY	
«Trust» in Russia: Meaning, Functions, Structure (by Lev Gudkov)	8
The Strange Death of Managed Democracy (by Ivan Krastev & Stephen Holmes)	48
Attitude to Authorities in the Structure of Social Being (by Marina Krasilnikova)	56
Public Sphere and the Legitimacy of Personalistic Regime in Russia (by Oleg Kashirskikh)	63
Russian Protests in Late 2011-First Half of 2012: Demand for Democracization of Political Institutions (by Denis Volkov)	73
Who are These (Wo)Men in the Picture? On Content Analysis of Images of Mass Protests (by Anton Oleinik)	87
A Russian Citizen in the Light of Economic Indicators (by Sergey Mitsek)	103
«Controversial innovations»: Public Attitudes Toward Genetic Engineering in Contemporary Society (by Olga Karaeva)	110
SCIENTIFIC LIFE	
Sixth annual Conference «Modern Russian Society and Sociology» in Commemoration of Yuryi Levada	116
Authors of the issue	116
SUMMARY	118

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1. ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАНЫ И СВОЕЙ СЕМЬИ (соотношение давших положительную — «хорошее» и «среднее» — и отрицательную — «плохое» и «очень плохое» — оценку; затруднившиеся с ответом не учитываются)

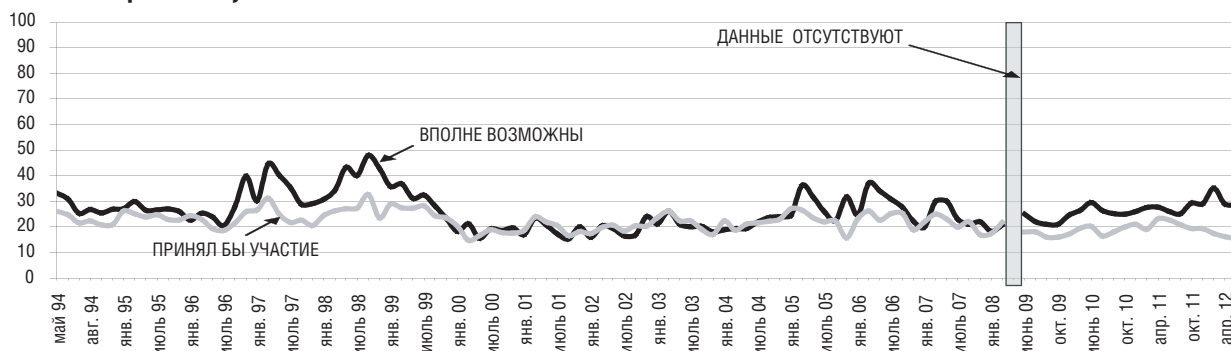

После довольно ощутимого роста оценок в период избирательного цикла 2011-2012 (в особенности — материального положения семьи) с апреля намечился спад.

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

2. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА

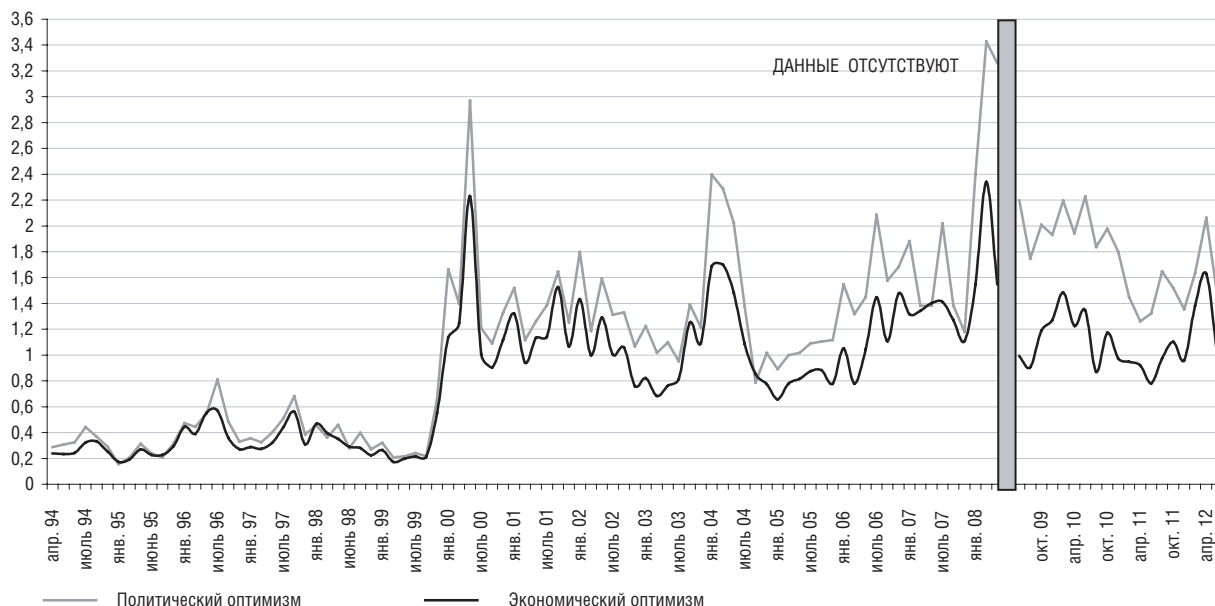
«Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни?»; «Если такого рода митинги или демонстрации протеста состоятся, Вы лично примете в них участие?» (в % от числа опрошенных)

С осени 2011 г. на фоне роста массовых протестов в Москве и других городах росла оценка вероятности социальных протестов, которая достигла своего максимума в феврале 2012 г., а после президентских выборов пошла на спад. Вместе с тем на протяжении всего этого периода постепенно падал показатель готовности принять участие в протестах.

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

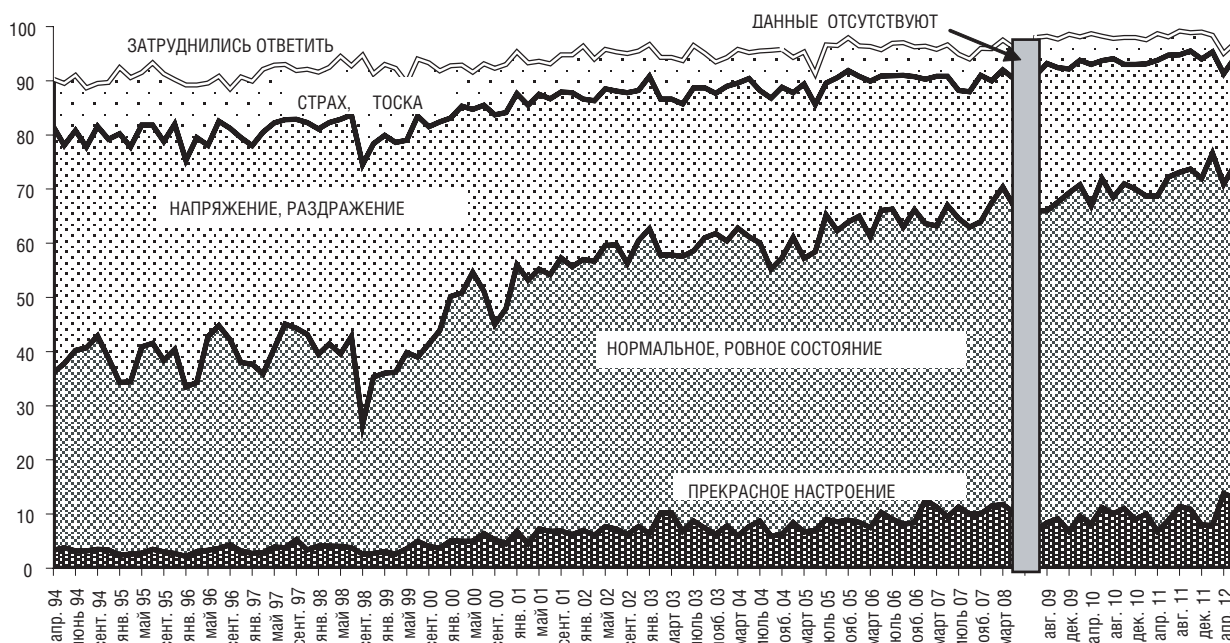
3. ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА (соотношение позитивных и негативных ожиданий)

После резкого подъема индексов политического и экономического оптимизма на волне президентских выборов к началу лета 2012 г. они резко упали, особенно глубоко опустился индекс экономического оптимизма. В этом избирательном цикле зафиксирована самая низкая мобилизация, связанная с выборами.

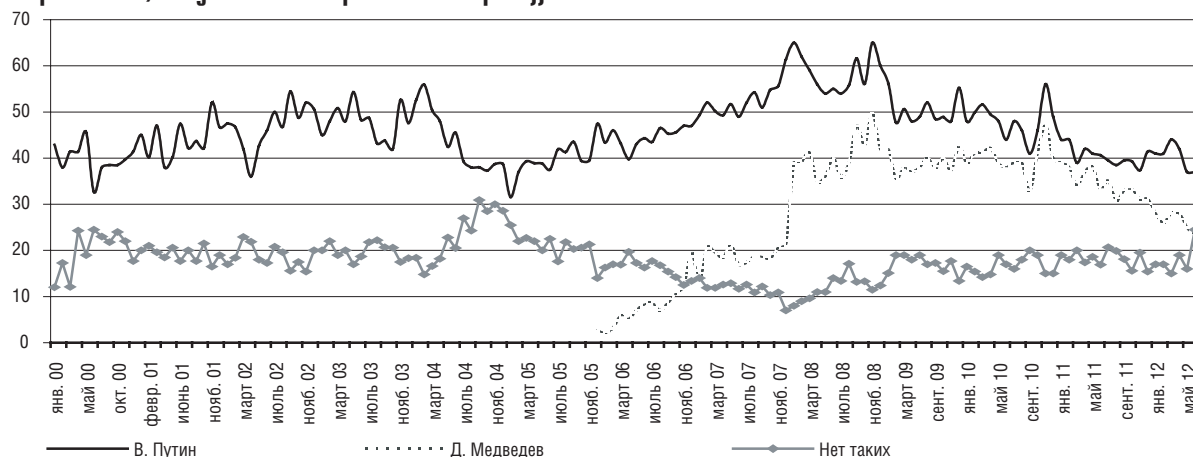
До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

4. ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ О СВОЕМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ?

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

5а. Доверие к Д. Медведеву и В. Путину среди других политиков ((в % от числа опрошенных, по данным «открытого» вопроса))

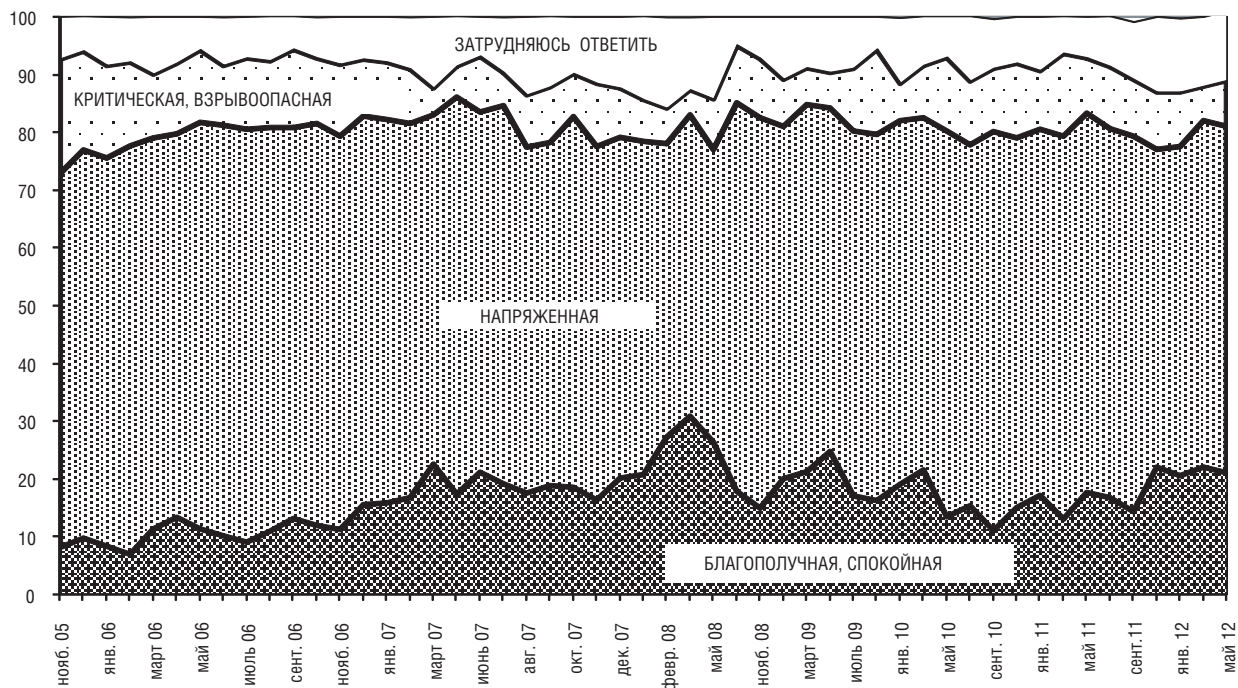

Начиная с 2008 г. идет постоянное снижение общего доверия к первым лицам государства. В июньском опросе зафиксирован заметный рост доли респондентов, считающих, что сегодня нет таких политиков, которым можно доверять.

5б. НАЗОВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, 5–6 ПОЛИТИКОВ, КОТОРЫМ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЕТЕ (в % от числа опрошенных, приводятся данные о доверии политиков, собравших хотя бы в одном замере не менее 3%, по данным «открытого» вопроса)

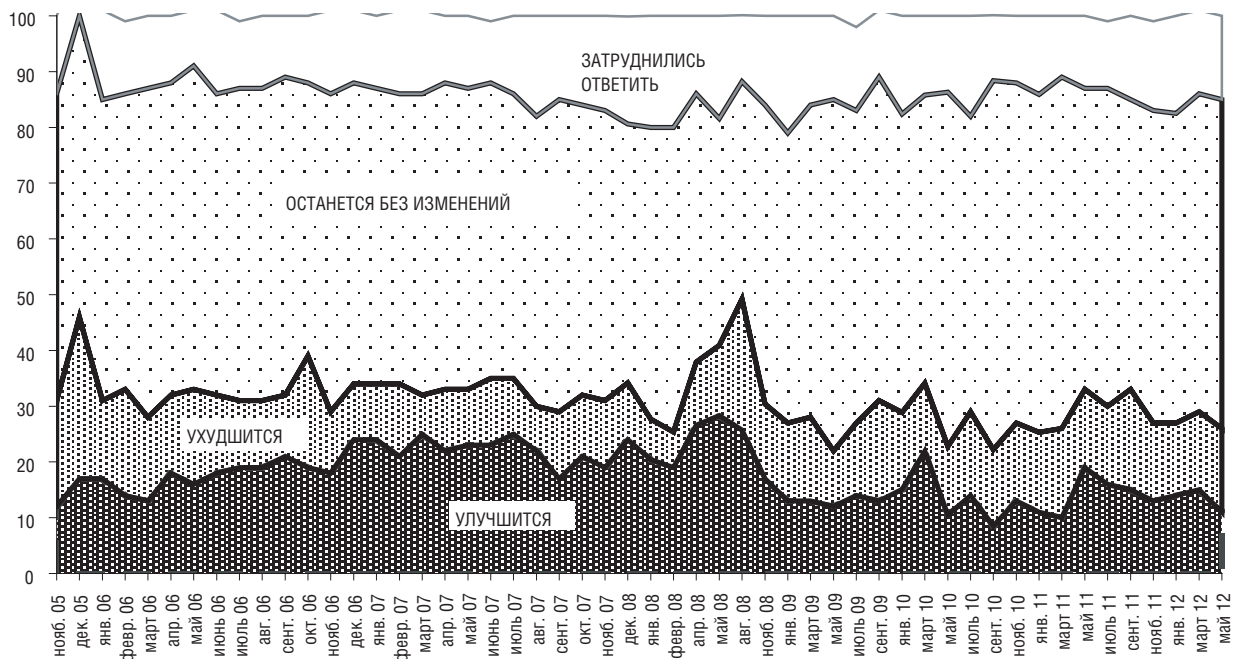
Вариант ответа	2008			2009			2010			2011			2012				
	I	VI	XII	I	VII	XII	I	VII	XII	I	VII	XI	XII	I	III	V	VI
Голикова Т.	1	1	2	2	2	4	2	2	4	3	4	3	2	2	1	2	–
Грызлов Б.	3	3	4	4	3	4	4	4	3	4	3	2	3	3	1	1	2
Жириновский В.	10	7	9	10	11	11	9	10	11	10	14	15	16	12	9	8	7
Зубков В.	14	6	2	2	2	2	2	3	3	2	2	2	2	2	1	1	–
Зюганов Г.	9	9	7	9	9	10	8	9	8	9	11	15	15	12	14	9	9
Иванов С.	23	13	7	7	6	4	3	6	4	5	3	1	2	3	1	2	–
Кудрин А.	1	1	1	1	3	3	2	3	3	3	2	2	6	5	3	3	2
Лавров С.	2	3	4	6	6	6	4	6	4	6	8	3	4	5	4	4	4
Лукашенко А.	2	4	5	3	4	4	2	2	3	2	2	2	2	1	2	2	–
Матвиенко В.	3	4	7	4	6	7	3	3	5	3	8	4	5	5	4	4	3
Медведев Д.	39	40	42	42	41	43	39	39	40	39	35	31	31	28	28	25	23
Миронов С.	5	3	4	3	3	5	4	3	3	3	5	6	10	8	6	6	4
Патриарх Кирилл	–	–	–	–	–	–	–	–	10	8	7	5	6	7	5	4	3
Примаков Е.	4	3	3	2	3	5	4	3	4	4	4	3	4	4	3	2	2
Прохоров М.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	5	8	8	5	6
Путин В.	65	55	60	56	53	55	48	48	49	44	40	37	41	41	44	37	37
Собянин С.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4	3	6	4	3	2	1
Тулеев А.	4	4	5	3	4	5	3	4	3	4	5	3	4	3	2	2	2
Хакамада И.	2	2	2	2	2	2	1	1	1	1	4	2	3	2	1	1	2
Шойгу С.	17	16	14	13	16	17	13	15	13	15	21	10	12	11	9	14	10
Нет таких	8	14	12	15	15	13	17	16	15	19	21	20	15	17	15	16	25
Не интересуюсь политиками, политикой	10	12	9	14	13	12	14	17	15	15	15	18	15	17	16	19	14
Затрудняюсь ответить	5	6	6	6	6	5	6	6	6	7	5	6	5	5	4	7	6

6.1. КАК ВЫ ОЦЕНИЛИ БЫ СЕЙЧАС ОБСТАНОВКУ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ?

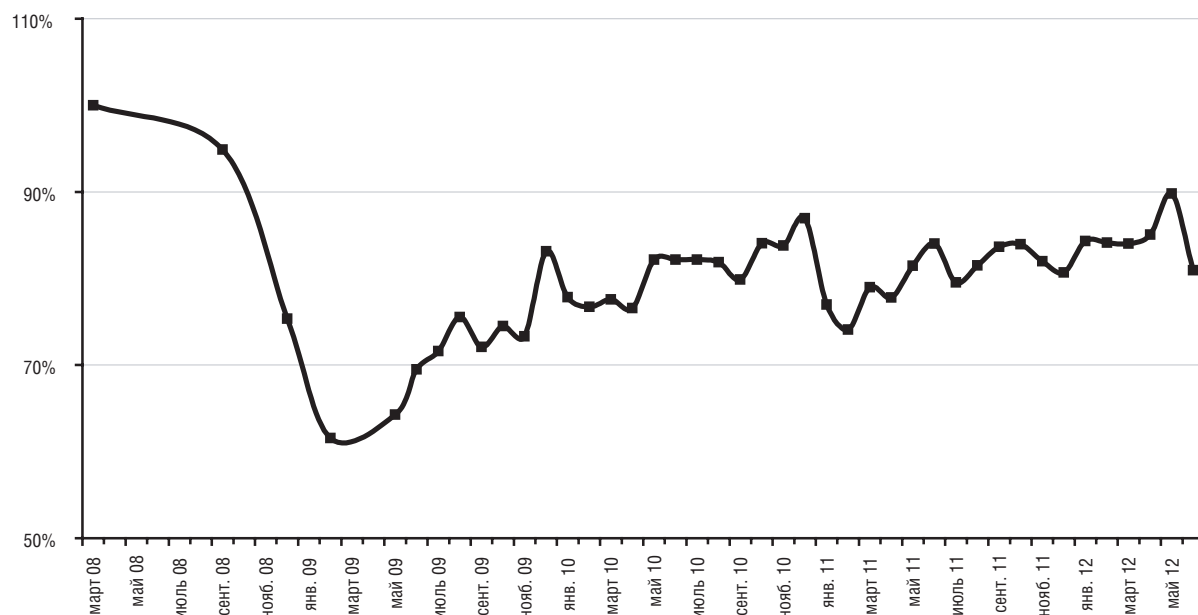
N=1600

5.2. КАК ИЗМЕНИТСЯ В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШЕГО ГОДА ОБСТАНОВКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ?

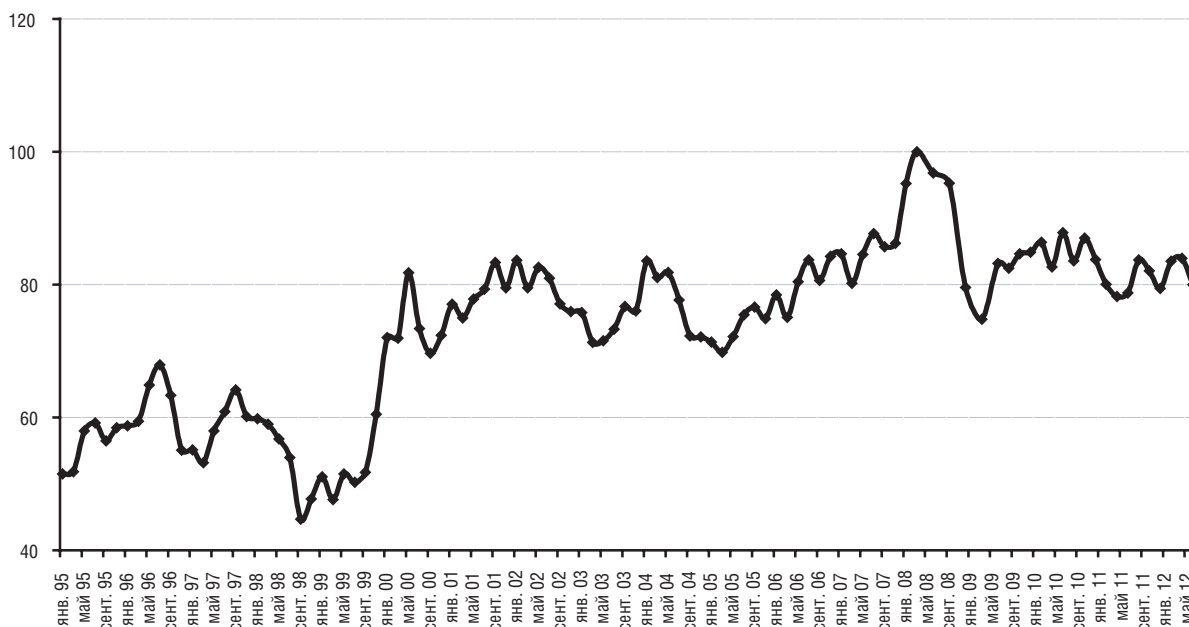
N=1600

6. ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ (ИПН), март 2008 г. = 100%

В первый месяц лета индекс потребительских настроений (ИПН) упал на 10% по сравнению с маем, тем самым откатившись до уровня полугодовой давности. Оценки текущего состояния и ожидания на будущее ухудшились примерно в равной мере. Пессимизм россиян в наибольшей степени проявился в отношении оценок перспектив экономического развития страны в ближайший год

7. ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ (ИСН), март 2008 г. = 100%

Первая половина 2012г., завершившая избирательный цикл, продемонстрировала существенные изменения в общественном сознании. В отличие от всех предыдущих выборных периодов, в современном обществе не происходит электоральной мобилизации сознания, приводящей к росту общественных настроений. Весной этого года Индекс социальных настроений (ИСН) лишь кратковременно незначительно рос, причем очень быстро улучшения настроений сменялись падением. В итоге к концу первого полугодия ИСН по-прежнему остается на том же уровне, что и год-полтора назад – в июне 2012 ИСН составил 109 пунктов.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО СЕГОДНЯ

Лев ГУДКОВ

«Доверие» в России: смысл, функции, структура¹

Предварительные замечания. Явное исчерпание больших идей в современной социологии, связанное с концом модернизационной парадигмы и завершением институциональной трансформации в западных (национальных) обществах, заставляет думать уже не о внутридисциплинарном кризисе, а о переходе социологии в разряд социально-прикладных разработок, то есть о ее приближении к состоянию, которое можно считать конечной стадией всякой (классической) науки. Социология здесь не уникальное явление. Еще раньше, задолго до социологии, говорили о кризисе европейской философии, культуры, искусства, религии. Конец модерна как завершение эпохи Просвещения или большого европейского проекта Культуры сопровождался множественными явлениями распада больших онтологических конструкций и идей единства универсума, истории, общности человеческой природы, законов социального развития, а соответственно, и падением интереса к большим теориям общества, социальных систем и т.п. Критики говорят о самоедстве и культурном мазохизме современного общества, об эрозии тех ценностных оснований (веры в исторический прогресс), на которых строился современный социальный порядок и социальное знание. Появление мощных супербюрократий, вроде ЕС, транснациональных корпораций, международных организаций и т.п. оказало заметное унифицирующее влияние на национальные социальные и правовые практики и локальные культуры. Политика как сфера проявления харизматиче-

ских фигур, предложения великих национальных идей или воодушевляющих массы целей общественного развития постепенно все сильнее и сильнее ограничивалась парламентской регламентацией, стерилизовалась практикой бюрократического администрирования, подчиняясь долгосрочному социальному планированию, экспертизе специалистов, массмедийным технологиям. Повседневная жизнь в современных обществах стала более упорядоченной, чем в первой половине 20-го века, обеспеченной, безопасной, комфортной, предсказуемой и скучной, если судить по доминирующему тону в современном искусстве и литературе, озабоченных неясностью или дефицитом экзистенциальных ценностей.

Такой идеологический или интеллектуальный климат оказывается не слишком благоприятным для развития социологии как науки о меняющейся социальной действительности, науки, озабоченной вопросами понимания Другого или последствиями взаимодействия с ним. Кризис социологии (если, конечно, согласиться с тезисом, что он действительно имеет место) не носит драматического характера и проявляется довольно вяло, поскольку смутное недовольство, вызываемое отсутствием новых значительных теоретических идей и направлений, сопоставимых со структурно-функциональным анализом или с символическим интеракционизмом, систематизировавших оригинальные идеи основоположников дисциплины, компенсируется удовлетворением от все умножающейся массы прикладных исследований и предметных разработок, ведущихся по самому широкому кругу тем. Нет сомнения, что мы стали больше знать о тех обществах, в которых мы живем, но это не прибавляет радости и во многом перестало быть *интересным*. Дисципли-

¹ В основе статьи лежит доклад автора «Trust in the post-soviet Russia» на конференции: «Trust and Distrust in the USSR» (17–18 февраля 2012, School of Slavonic & East European Studies, University College London), организованной профессором Дж.Хоскингом.

на давно потеряла не только свой начальный энтузиазм и эпистемологический идеализм, но и четкость парадигмальных разграничений среднего периода своего развития (1940-1960-х годов), зато приобрела солидность практической, почти инженерной, науки, к которой обращаются многие заинтересованные лица, включая и представителей смежных дисциплин — экономисты, историки и другие. Этому упрочению статуса социологии отчасти способствовал процесс неизбежной «эклетики», позитивного соединения разных теоретических и методологических подходов для решения аналитических или дескриптивных задач среднего и микроуровня социального взаимодействия. Критика 1970-80-х годов прошлого века, исходившая из разных ценностных оснований, проделала чрезвычайно важную работу: она отделила философские элементы, исходные резидуумы знания, онтологические основания знаниевых парадигм от техники описания и объяснения. Благодаря этому стала возможной инструментализация процедур анализа и объяснения, использование отдельных элементов структурно-функционального, системного или какого-то иного из имеющихся теоретических подходов в качестве эвристических приемов или готовых «ключей» для решения частных контекстуальных задач. Сочетание разных понятийных средств для работы с разнородным предметным материалом получило теперь уже методологическое узаконение в эмпирической практике и в идеологии «постмодернизма».

Сама по себе потребность в «синтетическом» рассмотрении социальных явлений и процессов стала ощутимой после успеха структурно-функционального анализа (в 1960-х годах) и последовавшей реакции на него в виде методологической критики, опиравшейся на самые разные идеологические и ценностные основания. Критика стала условием и формой рецепции структурного функционализма, освоения его потенциала. Особую роль в этом деле сыграло появление «феноменологической», «гуманистической», «радикальной» и т.п. социологии, включая обращение к драматургическому или сценарному подходу И. Гофмана, а затем и к этнометодологии. В этом же контексте имеет смысл рассматривать и попытки возродить «понимающую социологию» культуры¹ в духе

¹ Гудков Л. Социология культуры: научно-аналитический обзор тематического номера «Кёльнского журнала по социологии и социальной психологии», посвященного восстановлению идеи социологии культуры (1978) // Культурология. М., ИНИОН, 2012, №1 (60) (серия «Теория культуры»), с. 40–115.

Вебера или Зиммеля, предпринятые в конце 1970-х — начале 1980-х годов в Германии, либо стимулировать «culture studies» в англоязычных странах, моду на постмодернизм и т.п. Критике удалось стимулировать интерес к смысловому (культурному) бэкграунду социальных институтов, историзировать саму суть социологической проблематики, связав те или иные постановки вопроса исследования с конкретными институциональными или групповыми интересами и проблемами, насытить социологические схемы историческим материалом и многое другое в том же роде. Это дало сильнейший импульс к расширению предметной социологической тематики, привлечению внимания к проблематике повседневного «жизненного мира», но одновременно таило в себе опасность размывания границ социологической работы.

Как обычно бывает в таких случаях, последствия подобной работы с универсальными теориями (Т. Парсонса и его многочисленных последователей, Н. Лумана и других) были непрямыми и весьма неоднозначными. Для самой социологии это вылилось в утрату большой перспективы дисциплины, в зарастание предметного поля «мелкотемьем», но размывание дисциплинарных границ социологии стимулировало рецепцию смежными дисциплинами отдельных идей и приемов социологии, осознание новых возможностей для объяснения уже своего материала и появление новых точек зрения на старый, короче — для формирования новой проблематики в рамках своего предмета. Так, в экономике, едва ли не впервые после Вебера, была осознана значимость не только институционального анализа (неоинституционализм), но и «культуры», со всем спектром вопросов человеческого существования — доверия, веры, образования, семейного воспроизводства (цены социализации) и т.п. аспектов «человеческого капитала».

Нельзя сказать, чтобы подобная «экономизация» традиционной социологической тематики («перевод» неэкономических форм поведения — традиционного или ценностно-рационального действия, например, воспитания детей, семейных отношений, политики и проч. — в категории целерационального действия, то есть их интерпретация по образцу других экономических отношений) была очень уж успешной в теоретическом плане, скорее нет; однако сама грубость или простота подобных аналогий экономизации неэкономической сферы (например, у Г. Беккера), была предпосылкой расширения предметного поля эконо-

мической науки. Нечто подобное происходило и в других дисциплинах.

Для российской социологии эти перипетии внутридисциплинарной эволюции докатились с большим запозданием, с искажениями и никак не отразились на теоретическом качестве ее общих интерпретационных схем. Догоняющий характер российской модернизации и ведомственный характер социологии в России, ее финансовая и организационная зависимость от государственной бюрократии обернулись утрированным копированием новейших авторов (скорее даже – модных образцов), эпигономством и некритическим заимствованием западных подходов, ставших обязательными для подражания. Организация социологии в России почти не допускала появления независимых научных позиций и научных авторитетов. Следствием этой интеллектуальной зависимости и слабости стало затянувшееся влияние транзитологических концепций, а затем и угасание общего интереса социологов к текущим процессам в стране, который был так ощутим в 1960–1970-е годы, во время становления советской социологии и при первых симптомах разложения тоталитарного режима.

Однако в интеллектуальной истории российской социологии было одно, но настоящее исключение: Ю.А. Левада, который еще в конце 1960-х годов в рамках программы сектора «Методология исследования социальных процессов» ИКСИ, поставил задачу не просто осмысления опыта и границ применения западной социологии, в первую очередь – структурного функционализма, но и соединения его концептуальных и теоретико-методологических возможностей с арсеналом других дисциплин, включая сюда исторические науки, науки о культуре, антропологию, политологию и проч. Он выдвинул методологическое требование выявлять в каждом конкретном случае социологического описания или анализа социального явления не только актуально значимые институциональные или групповые рамки поведения, но и указывать на историчность или гетерогенность их смыслового обоснования, наличие разных по глубине культурных слоев (включая пространственные и временные характеристики действия), определяющих сами нормы и правила социального поведения. По существу, это было чем-то вроде возвращения к исходным или собственным задачам социологии, которую, например, Вебер формулировал для себя как анализ взаимодействия «идей» (культуры) и «интересов» (социальной системы), определяющих социальные

структуры повседневности. Такая программа по своим интенциям была прямо противоположна тому, что предлагал, например, тот же Г. Беккер – автор, весьма авторитетный среди экономистов и популярный у нас в стране. Левада настаивал на необходимости расширения интерпретационного контекста экономического поведения или урбанизационных процессов, снимая тем самым идеологические и дисциплинарные барьеры с понимания многослойности структур «современности»¹. Его подход можно описать следующим образом: то, что нам представляется самоочевидным, естественным, само-собой-разумеющимся и не требующим специального разъяснения или обоснования, представляет собой не просто результат синтеза разных культурных форм (а значит – итог длительного исторического формирования или развития, трансформации больших ценностных идей и их снижения), но и закреплено особыми нормами «очевидности», защищающими подобные смысловые значения от рационализации и «расколдовывания». Чаще всего в качестве подобной нормы самоочевидности выступает форма целерациональности или инструментальности действия как «естественной» характеристики современности. Другими словами, институциональное принуждение к дисциплине и самоотчету, самоконтролю и ответственности индивида в современном обществе выступает в качестве императива инструментальной рационализации поведения, включая и свое собственное, и нормативные ожидания аналогичного поведения от любого другого. Именно эта норма навязываемой различными доминантными социальными институтами ответственности делает «непроблематичными», самоочевидными формы современности, вытесняя (а иногда и запрещая) любые другие варианты мотивов действия или их интерпретации как девиантные. Инструментальная рациональность становится образцом антропологии современного человека, что во многих случаях приводит к массе недоразумений и к ошибкам в интерпретации социального поведения при анализе экономических явлений, электоральных процессов, политики, этнических фобий, национальных конфликтов и т.п.

¹ См. его статьи: «Проблемы экономической антропологии у К. Маркса»; «Культурный контекст экономического действия»; «Социальные рамки экономического действия» и др. – В кн.: Левада Ю. Статьи по социологии. М., 1993, с. 61–123 (перепечатаны в сборниках работ Ю.А. Левады и воспоминаний о нем, составленных и изданных Т.В. Левада: «Памяти Ю.А. Левады», М., 2010, с.367–380; Левада Ю.А. Проблема человека. Очерки и статьи. М. 2011, с. 8–28 [все 6 сборников вывешены на сайте Левада-Центра в разделе «Книги и отчеты»]).

Направленность исследовательских интересов Левады явно противоречила общему духу нынешних социальных наук — процессу тривиализации знания¹ (и не только в России), но оказалась, по-моему, чрезвычайно плодотворной для всего круга исследований, начатых им в рамках проектов старого ВЦИОМ, а потом Левада-Центра и представленных в его сборниках статей². Я имею в виду прежде всего проблематику программы «Простой советский человек» и примыкающих к ней исследований структуры массового сознания, отношения к власти, к социальным переменам, проблематику национальной идентичности. Особенность работы Левады заключалась в том, что он развертывал текущие явления, схватываемые в языке повседневного опыта (в нашем случае — языке опросов общественного мнения), в контексте тектонических изменений, происходящих в тоталитарном, а затем и посттоталитарном социуме, а потом переводил их на язык соответствующих концепций и теорий культурно-исторических процессов, позволявших интерпретировать их в категориях и понятиях «большого времени». И этого же он ожидал от своих сотрудников.

Следуя намеченному Левадой методологическому направлению работы, я в своих статьях по проекту «Советского человека» старался разобрать и показать, как в обыденном, не специализированном языке свернуты социальные характеристики различных структур взаимодействия, включая институциональную организацию постсоветского общества. Первым опытом такого рода был анализ «простоты» (одного из ключевых самоопределений советского человека) как отражения примитивной и репрессивной организации общества. Приемы подобной интерпретации модернизационных элементов в структуре национальной идентичности, полученные в ходе разбора стереотипов этнического самоописания у русских, позднее были инструментализированы и применены уже более осознанно для анализа феноменов «зависти», национальной «гордости», «страхов» и фобий разного происхождения, апатии и других квазипсихологических явлений, характерных для постсоветского массового человека. Продолжением этой линии работы (в той мере, в какой мы можем соответствовать за-

мыслу Левады), я хотел бы считать и данный разбор феномена «доверия»³.

1. Общие характеристики институционального «доверия» в России. Социологические исследования в России, проводимые на протяжении более 20 лет Левада-Центром, показывают двойственный характер явлений «социального доверия» в российском обществе. Повседневное практическое недоверие, высказываемое по отношению к окружающим (малознакомым) людям, сопровождается, или компенсируется, высоким декларативным доверием к трем особо значимым символическим институтам: а) к главе государства; б) к церкви и в) к армии.

Самые высокие значения «доверия» относятся к персонификации полноты власти — тому, кто считается хозяином страны, кому пропаганда старается придать черты то ли «царя», то ли «национального лидера». В первых замерах это был М. Горбачев, затем, после неудачного путча, его сменил Б. Ельцин, теперь — Путин, сохранявший максимум «доверия» населения даже во времена, когда власть, пусть номиналь-

³ В советское время никаких, а не только что надежных, данных об отношении населения к власти или доверии к институтам не было и быть не могло, поскольку сам вопрос такого рода отдавал идеологической крамолой. Практика социологических исследований полностью контролировалась партийными органами и КГБ. О характере доверия мы можем судить по косвенным признакам, тематизации этих напряжений в художественной литературе или кинематографе, дневникам или воспоминаниям, что лишает их сравнительной значимости. Литература и искусство в силу их специфики могли лишь подчеркивать значимость идеологической нормы «доверия» обывателей к власти или тематизировать культурные и социальные напряжения, возникающие в тоталитарном обществе, но оценивать их силу и функциональную роль в строгом смысле крайне сложно. Тема собственно «доверия» в советском искусстве и литературе никогда не была в центре внимания. В 1920-е - первой половине 30-х годов проблематика человеческого доверия возникает лишь у писателей и драматургов «второго» плана (А. Афиногенов, Н. Островский), полупризнанных, скорее даже - путчиков (В. Шкваркин, М. Булгаков, А. Платонов, Ю. Олеша), а затем уходит до конца сталинского периода и хрущевской «оттепели». На первом плане с конца 1920-х годов будут стоять идеологически проверенные сюжеты, связанные с идейной бдительностью, с паранойей тотального недоверия всех ко всем (кроме навязанного и принудительно доверия к руководителям «партии и правительства»), выявлением классовых врагов, разделением на «своих», или «социально близких», и «чужих», «предательством» и т.п. И лишь с началом осмысления опыта репрессий, Второй мировой войны, разложения советской идеологии постепенно в литературе и кино предпринимаются попытки как-то затронуть эту тематику вне идеологических параметров (К. Симонов, П. Нилин, Ю. Трифонов, Ф. Искандер, Ч. Гусейнов, Л. Петрушевская, К. Воробьев, В. Тендряков, В. Арро, В. Быков, В. Астафьев, А. Солженицын и другие). Чаще это связано со стремлением понять природу советской «морали» и корни повседневной жестокости. Но анализ этих аспектов проблемы доверия выходит за рамки данной работы и заслуживает отдельного, самого тщательного исследования.

¹ Tenbruck F.H. Der Fortschritt der Wissenschaft als Trivialisierungsprozess. — In: Wissenschaftssoziologie. Studien und Materialien. — Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, Opladen, 1976, SH.18.

² Левада Ю. От мнений — к пониманию, М., 2000; Левада Ю. Ищем человека. М., 2006.

но, принадлежала его «дублю» – суррогатному президенту Д. Медведеву.

Другие социальные институты – СМИ, правительство, политическая полиция и спецслужбы, региональная и местная администрация, российский псевдопарламент, система правосудия, силовые структуры (полиция, прокуратура), бизнес, финансовые организации, местные власти, политические партии и профсоюзы и т.п. – находятся в зоне полудоверия и большего или меньшего недоверия населения (табл. 1). По отношению к этим институтам, определяющим общественную и повседневную жизнь россиян, проявляются устойчивые негативные установки – подозрительность и отчуждение, смесь страха и отвращения (особенно – к полиции, суду, но также и к депутатам, политикам), нежелание иметь с ними дело, кроме как в случаях крайней нужды или в чрезвычайных обстоятельствах¹.

За выражением «доверия» россиян к опорным институтам можно видеть сохраняющиеся

радикалы или остатки «тоталитарного синдрома», описанного когда-то К. Фридрихом и З. Бжезинским, признаки уходящей либо распадающейся, но когда-то единой, структуры государственного идеологического и террористического господства. Сегодня от прежней организации общества остался лишь фантом патерналистской власти, претендующей на то, чтобы, как и раньше, быть тотальной, но фактически лишь имитирующей некоторые черты «партии-государства». Лишившись коммунистической идеологии, режим утратил характерную для советской эпохи легитимацию, частью которой был заботливо поддерживаемый пропагандой социальный оптимизм, обеспечение массовой уверенности в «лучшем будущем», то есть довольно умеренном, но гарантированном улучшении повседневной жизни. Когда эта уверенность или иллюзия обеспеченного будущего, разрушенная чередой социальных и экономических кризисов и потрясений 1990-х годов, у населения исчезла, институциональная

Таблица 1
ДОВЕРИЕ К ОСНОВНЫМ СОЦИАЛЬНЫМ И ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ

	Полное доверие	Неполное доверие = частичное недоверие	Полное недоверие	Затруднились ответить	Индекс доверия*
Премьер-министр (Путин)	52	31	9	8	42
Президент (Медведев)	50	34	9	7	41
Церковь, религиозные организации	49	25	10	16	39
Армия	37	36	13	14	24
СМИ	30	47	16	7	14
Правительство	30	45	17	8	13
Органы госбезопасности, спецслужбы	26	37	16	21	10
Региональные власти	28	40	22	10	6
Российские коммерческие банки	24	39	18	19	6
Малый и средний бизнес	23	39	18	20	5
Совет Федерации	22	44	17	17	5
Прокуратура	22	37	21	20	1
Госдума	21	47	22	10	-1
Местные власти	23	41	26	10	-3
Суд	19	43	22	16	-3
Милиция/полиция	20	40	29	11	-9
Крупный бизнес	16	37	26	21	-10
Профсоюзы	16	31	26	27	-10
Политические партии	10	44	30	16	-20

* Индекс доверия построен по формуле: ответы «полное доверие» + ½ «неполного доверия» минус ½ «неполное доверие» + «полное недоверие»

Ранжировано по индексу доверия. Октябрь 2011; в % к числу опрошенных. N=1600

¹ Levada Yu. The Problem of Trust in Russian Public Opinion // Trust and Democratic Transition in Post-Communist Europe. Proceedings of The British Academy, 2004, vol. 123, p.157-172.

система предстала в обнаженном виде — авторитарного и коррумпированного режима, пытающегося навязать представление о своей безальтернативности, опираясь, главным образом, на силовые структуры (включая суд) и пропаганду.

Такая композиция доверия, как показывают наши исследования за длительный период наблюдений (начиная с февраля 1993 года), очень стабильна¹ (см. Приложение, табл. 1-3). Это означает, что распределение мнений не зависит от интересов отдельных групп в обществе, а отражает более глубокие слои массовых представлений, слабо реагирующие на актуальные изменения. Устойчивость массовых установок указывает на то, что подобные представления и стоящие за ними мотивы социального поведения выведены из сферы текущих политических и социальных конфликтов, что это *институционализированные* отношения, а стало быть — они воспроизводятся в полном объеме, несмотря на смену поколений и приход новой генерации, заменяющей уходящих «советских людей» и «людей эпохи перестройки». Условиями подобного воспроизводства следует считать процедуры массовой социализации и правовую закрепленность таких механизмов воспроизводства (санкции обычного права и формальная судебная практика).

В отношении к властным институтам, включая и высших представителей власти, прослеживаются два противоречивых плана: первый указывает на признание важности соответствующего института (его места в ряду других институтов), второй — на практическую оценку деятельности функционеров этого института (или степени адекватности того, чем они занимаются, относительно идеальных представлений о том, как и чем они должны заниматься)².

¹ Единственным значимым отклонением на протяжении почти 20 лет была смена знака в отношении населения к Ельцину с плюса на минус и последующее восстановление символической значимости позиции президента уже при Путине. В 1990-1992 гг. рейтинг Ельцина составлял 65-75%, то есть столько же, сколько Путин имел в 2000-е годы, но, начиная с 1993 года и до своего ухода в 1999 г., Ельцин терял доверие населения: уже в 1994 году у него было 16%, в 1996 — 22-32% (электоральная мобилизация на президентских выборах), в 1999 г. — 2%.

² Ю.А. Левада так раскрывал спектр значений доверия к институтам и отдельным политикам: «Доверие к властным институтам предполагает делегирование полномочий, одобрение курса, лояльность, надежду на достижение каких-то позитивных изменений, готовность дожидаться этих изменений и т.д. Далеко не всегда о характере общественного доверия можно судить по соответствующим заявлениям опрошенных. <...> За показателем доверия к отдельным деятелям можно разглядеть такие феномены, как персонализация института (отождествление исполнителя с должностью; в нашей реальности это относится к должности и персоне президента), отношение к имиджу, признание заслуг,

Большинство государственных институтов россиянами по инерции воспринимаются как продолжение или вариации прежних (советских) органов репрессивной, бесконтрольной, государственной власти. Они, по мнению респондентов, не ориентированы на защиту интересов обычных людей, населения страны, поскольку, как полагает основная масса населения, предназначены исключительно для защиты интересов высшей власти или обслуживающей ее коррумпированной бюрократии (см.: Приложение, табл. 3, 7-9). Именно поэтому «неполное», или частичное, доверие, точнее, смесь принудительного, вынужденного доверия с настороженностью и латентным недоверием является социальной доминантой практического поведения абсолютного большинства россиян в постсоветское время. Предполагавшаяся в начале реформ 1990-х годов транзитологическая схема эволюции социального доверия (перераспределение мнений от «значимости» к «адекватности» функций институтов запросам и представлениям населения и, соответственно, усиление доверия им в силу растущей эффективности обеспечения ими подобных запросов) не осуществилась в реальности. Поэтому большая часть показателей доверия (неполное доверие) по-прежнему включают обе эти составляющие отношения к институтам, однако, удельный вес каждой из них — разный: в отношении к доминантным институтам (президент, церковь, армия) преобладает признание символической значимости института (при низкой латентной оценке их практической эффективности в выполнении задач управления, религиозно-этической работы в миру, боеспособности и морального состояния рядового состава); в отношении же к прочим институтам (парламенту, суду, местной власти, полиции, партиям, профсоюзам) их символическая значимость (идеальное представление об их функциях) снижается пропорционально усилению негативной оценки их практической деятельности, степени несоответствия эмпирического функционирования идеальным представлениям граждан о том, что и как должны делать

харизматические надежды, сопоставление с другими по принципу «меньшего зла» и пр. В минимальной мере присутствуют в таких показателях реальные оценки реальных действий определенных политических фигур и должностных лиц. Тем более что подобные оценки зависят от масштаба ожиданий в отношении этих лиц. Массовые ожидания, в свою очередь, определяются характером общественной системы, историческими обстоятельствами («норма» или «перелом»...). — Левада Ю. Механизмы и функции общественного доверия — В кн.: Левада Ю. Ищем человека. Социологические очерки. 2000-2005, М., Новое издательство, 2006, с. 177.

функционеры данного института, привычному разочарованию от характера их исполнения. Этот внутренний диссонанс и составляет двойственность представлений о социальном порядке посткоммунистического социума. Проблема усугубляется тем, что меняются (особенно в наиболее модернизированных социальных средах, ориентированных на западные образцы) и сами основания для признания символической значимости доминантных институтов. Но об этом ниже.

Общие показатели институционального доверия к властным структурам распределяются следующим образом: степень доверия (= признание значимости) снижается от самых молодых, а также низко образованных респондентов, демонстрирующих наибольшую поддержку власти в целом и конкретно В. Путину, к 30-летним россиянам, более зрелым и более образованным (минимум доверия); от жителей провинциальных, средних по численности населения городов (максимум доверия) к москвичам (максимум прагматического недоверия к власти), от неинформированных групп к самым информированным гражданам, использующим все каналы получения информации и имеющим доступ к интернету. Хотя размах колебаний здесь не слишком велик, но он устойчив и статистически значим.

2. Доверие в структурах неформального взаимодействия. Реальные (практические, а не декларативные), постоянно подтверждаемые доверительные отношения возникают и фиксируются лишь в очень узких пределах: только внутри малых коллективов и сообществ, прежде всего – в семье или в кругу близких родственников, среди коллег по работе, в дружеских компаниях¹. В сельской местности или в фабрично-слободской среде (характерной для малых городов и ПГТ) отмечается также и

¹ Специальный анализ, например, семейных отношений свидетельствует, однако, о том, что и внутри семьи воспроизводятся все те же проблемы, что и в «большом сообществе», что и здесь обнаруживается острый дефицит доверия и солидарности, что и семья переживает тяжелые конфликты, связанные с неясностью принципов распределения ресурсов, эрозией авторитета или неупорядоченностью социальных ролей, в особенности, между поколениями. О сплоченности и доверии в подобных группах можно говорить только в сравнении с аморфностью и слабостью социального доверия в больших ассоциациях и институциональных структурах. – См.: Зоркая Н. Проблемы повседневной жизни семьи. "Бедность" как фокус восприятия повседневных проблем // Вестник общественного мнения, 2003, №1 (63); Зоркая Н., Леонова А. Семья и воспитание детей: частные изменения или системный сдвиг? // Отечественные записки, 2004, №3 - http://magazines.russ.ru/oz/2004/3/2004_3_5.html

более высокое доверие к соседям. Здесь формальные структуры институционального взаимодействия соединяются с неформальными отношениями, что придает им особый характер и прочность².

Доверие в структурах отношений неформальных или традиционно регулируемых институтов радикально отличается от «доверия» в формальных институтах, поскольку оно предполагает разные смысловые основания взаимоотношений «доверия» (в том числе – специализированные роли и нормы отношений в одних и недифференцированные отношения в других). В зонах этого типа доверия действуют своеобразные, партикуляристские формы социального контроля и взаимной ответственности, предполагающие солидарность лишь со «своими», нормы которой не распространяются на «несвоих» и «чужих».

Различия (и национальная специфика) «социального доверия» отчетливо проявляются лишь при международных сравнительных исследованиях, при сопоставлении российских данных с распределением ответов в других странах, полученных в ходе социологических опросов, проведенных по общей согласованной методике (табл. 2).

Из приводимых в табл. 2 распределений следует, что самый высокий уровень социального межличностного (но не психологического) доверия мы наблюдаем в странах завершенной модернизации, с доминированием западных ценностей, имеющих своим источником протестантскую культуру методического самоконтроля и самодисциплинирования, индивидуализма, ответственности³. Именно там сложилась сеть организаций гражданского общества и высокий уровень муниципального самоуправления, именно там государственный

² Само по себе соединение формальных и неформальных структур взаимодействия – одна из самых разработанных тем в социологии (социологии труда, организаций, военной социологии, исследований семьи и т.п.). Для постсоветской социологии эти проблемы интересны лишь тем, что очень часто формальные и неформальные структуры взаимодействия имеют идеологически и культурно разнонаправленный и противоречивый характер, то есть функциональная роль их существенно различается, что заставляет подключать для их интерпретации разный понятийный аппарат, в том числе – и теории тоталитаризма.

³ Другие межстрановые исследования, аналогичные указанному, могут расширять и дополнять сам список стран с высоким уровнем доверия, однако их результаты повторяют общие закономерности приводимых здесь распределений. – European Social Survey (ESS) 1999; 2007 (www.europeansocialsurvey.org); Белянин А.В., Зинченко В.П. Доверие в экономике и общественной жизни. М., Фонд «Либеральная миссия», 2010.

Таблица 2

ИНДЕКС МЕЖЛИЧНОСТНОГО ДОВЕРИЯ¹Распределение ответов на вопрос: **С КАКИМ ИЗ СУЖДЕНИЙ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?**

А – Людям почти всегда следует доверять

В – Людям обычно можно доверять

С – С большинством людей в отношениях следует быть осторожными

D – Почти всегда в отношениях с людьми надо быть осмотрительным, людям нельзя полностью доверять

2007	A +	C +	«доверять» / «не доверять»	2008	A +	C +	«доверять» / «не доверять»
	B	D			B	D	
В среднем по 24 странам	42	58	0.73	В среднем по 29 странам	45	52	0.86
Норвегия	81	19	4.26	Дания	79	20	3.95
Швеция	74	26	2.84	Швеция	69	30	2.3
Новая Зеландия	69	31	2.22	Австрия	59	38	1.55
Швейцария	68	32	2.12	Финляндия	59	39	1.5
Финляндия	67	33	2.03	Австралия	55	44	1.25
Австралия	64	36	1.77	Сев. Ирландия	50	47	1.06
Япония	61	39	1.56	Великобритания	48	50	0.96
Фландрия	48	52	0.92	Чехия	45	54	0.83
Чехия	48	52	0.92	Германия	43	57	0.75
Южная Корея	46	54	0.85	США	42	57	0.74
Израиль	43	57	0.75	Венгрия	41	58	0.71
Словения	39	61	0.63	Тайвань	39	58	0.67
Тайвань	39	61	0.63	Израиль (евреи)	34	65	0.52
Франция	39	61	0.63	Франция	31	66	0.47
Латвия	34	66	0.51	Словакия	29	70	0.41
Польша	30	70	0.42	Россия	27	68	0.40
Уругвай	29	71	0.40	Польша	27	72	0.38
Россия	28	72	0.38	Латвия	24	72	0.33
Доминиканская республика	27	73	0.36	Уругвай	23	77	0.30
Мексика	26	74	0.35	Италия	22	78	0.28
Хорватия	19	81	0.23	Доминиканская республика	20	80	0.25
Филиппины	17	83	0.20	Израиль (арабы)	18	80	0.23
Чили	13	87	0.14	Кипр	17	81	0.21
				Чили	16	83	0.19
				Хорватия	15	84	0.18

2007, 2008, ISSP, в % к числу опрошенных; в России N=1000 (приведены не все страны)

¹ Международный проект ISSP «Доверие», реализованный по общей программе и согласованной анкете в 2007 году консорциумом исследователей из 24 стран. В России опрос был проведен Аналитическим центром Юрия Левады (руководитель проекта – Л.А. Хахулина) по общероссийской репрезентативной выборке (N=1000). Годом позже, в рамках следующего проекта ISSP - «Религия», этот же вопрос был повторен. Полученные результаты подтвердили вывод об устойчивости подобных установок и их распределения в странах с аналогичным типом культуры. Последний раз этот вопрос задавался в регулярном опросе Левада-центра (июнь 2012, N=1600) и показал точно такое же распределение мнений: 28/70 (=0.40).

аппарат находится под постоянным контролем СМИ и парламента. Основа этой организации общества — общественный идеализм (разделяемые большинством граждан представления об «общем благе») и более или менее устойчивый общественный консенсус относительно целей и средств социальной политики государства¹. Это накопленное, институционализированное доверие к неопределенно многим другим, партнерам или участникам социальных взаимодействий является важнейшим показателем социального капитала данного общества, его способности к самоорганизации (без использования инструментов sporadического насилия или, напротив, организованных репрессий и систематического принуждения для достижения коллективных целей). Как раз из сопоставления подобных данных видно, что доверие — не «спонтанно» возникающий эффект актуального взаимодействия, как обычно его трактуют в социально-экономических исследованиях, что «доверию» обучаются, что оно входит в качестве составной части в общую систему социализации в данном обществе. Это значит, что человек в традиционном обществе или в группах с соответствующим типом культуры доверяет только тем, кому предписывает доверять традиция или обычай и в соответствии с предписаниями этой традиции, в то время как человек в современном обществе доверяет другим в соответствии с обобщенными правилами взаимодействия, которые заданы доминантными в этом обществе институтами².

Как утверждает Кеннет Ньютон, в тех странах, где выше уровень взаимного доверия, люди живут здоровее, дольше, счастливее и более успешно. Такие общества являются экономически более продвинутыми, в них меньше коррупции и больше демократии и оптимизма. Здесь меньше совершается уголовных преступлений и лучше результаты школьного обучения. Доверяющие в большей степени включены в общественную и публичную жизнь, чаще вступают

в солидарные отношения помощи ближнему, чаще участвуют в акциях благотворительности и более удовлетворены своей жизнью³. Именно эти обстоятельства позволяют считать доверие эквивалентом социального капитала. Доверие закреплено в образах жизни, в системе aspirations (а значит — в структуре социального времени, в представлениях о собственных возможностях индивида и в способностях к рационализации своей жизни, планированию на длительный срок). Такое понимание доверия как проявления социальности идет от работ А.де Токвиля, который рассматривал «общество» как союз добровольных ассоциаций, построенных на взаиморасположении людей и вере друг другу, совместных интересах и тесном взаимодействии⁴.

³ Newton K. Taking a bet with ourselves. Can we put trust in trust? // WZB Mitteilungen, 2012, März, № 135, S.6-9.

⁴ В русском словоупотреблении это значение понятия «общество» (= совокупность отношений, основанных главным образом на солидарности или взаимных интересах) за время советской власти практически стерлось, слившись, с одной стороны, с понятием «население», а с другой — с государством (образовав специфический язык официоза). Идеологическая игра властей и оппонировавших им (иногда) экспертов на разнице этих значений убило исходную семантику самоорганизации и выражения воли людей, противостояния государству как суверенному или автократическому господству. Искусственно воссоздать прежнюю семантику «общества» (не совокупности поданных, а системы отношений, в которых нет господства и подчинения) достаточно трудно, поскольку этого нет в повседневном опыте абсолютного большинства людей. Российское общество не может отделиться от государства, от машины принуждения, монополизировавшей средства насилия. Общество в России, исторически формируясь внутри господствующего сословия, крайне медленно эмансипируется от власти (от господства, в повседневности являющегося бюрократической машиной массового управления), в свою очередь, почти неотделимой от частных интересов правящей группировки. И такое положение вещей сохраняется вне зависимости от идеологии, способов прихода к власти или характера легитимации власти. Технология господства в настоящее время сведена к устранению каких-либо возможностей контроля или давления общества на приватизированную власть кланов и группировок, узурпировавших средства насилия и административного управления, а также ресурсы и каналы социальной мобильности. В таком «обществе» нет и не может быть социального доверия людей ни друг к другу, ни к власти, которое мы наблюдаем в демократических и правовых странах или странах с традиционным социальным укладом. Индикатором автономности общества от государства может служить отношение к «налогам»: либо индивид сам платит их, сознавая это как более или менее вынужденный, но необходимый и добровольный акт солидарности, либо это происходит автоматически, как вычеты из зарплаты и других доходов, производимые помимо воли самого индивида. В последнем случае это экспроприация (публично не обсуждаемая) доходов населения бесконтрольной властью в свою пользу, своего рода «дань» населения государству, поскольку никакого контроля или даже знания о том, как в дальнейшем распределяются собранные средства, население не имеет. Политико-правовой принцип «No taxation without presentation» в России неизвестен. Соответственно, по-разному в разных социальных средах воспринимается и оценивается степень социальной дифференциации, величина разрыва между бедными и богатыми. В России сильнейший

¹ Появление Японии в этом ряду не кажется чужеродным, поскольку известно, что отношения между централизованным государством и индивидом в Японии опосредованы многообразными промежуточными институциональными структурами. Эти образования могут быть традиционного рода или принадлежать к современному civil society, но во всех случаях — это самоорганизующиеся и самоуправляемые организации, определяющие нормы и правила социального поведения, а стало, быть, задающие предвидимый, предсказуемый и надежный порядок взаимодействия.

² Ср. психологические трудности у людей старшего поколения при освоении новых форм генерализованного взаимодействия, предлагаемых как бы лишь «техническими» посредниками: пластиковыми карточками, автоответчиком или ранее — сложной бытовой техникой — посудомоечной машиной, компьютером, интернетом и т.п.

Страны с низким уровнем социального капитала (узким радиусом социального доверия), напротив, отличаются высоким уровнем внутреннего насилия. Преимущественно это страны, находящиеся в процессе незавершенной модернизации, с сильнейшей гетерогенностью институциональной системы, сочетанием современных, но слабых формальных институтов и сильных традиционных или консервативных форм организации жизни. Как правило, такие общества характеризуются наличием политических систем, которые блокируют процессы модернизации (либо консервативные авторитарные режимы), или эти страны имеют в недавнем прошлом опыт существования в условиях тоталитарных режимов, опыт гражданских войн или длительных (иногда — хронических) межэтнических, межконфессиональных или социальных конфликтов. Другими словами, это страны с высоким уровнем аномии и социальной дезорганизации.

В России низкое межличностное доверие («большинству людей доверять нельзя, к ним следует относиться с осторожностью») коррелирует с низким уровнем признания индивидуальной ответственности, гражданской солидарности, недоверием к политике или общественной деятельности, отчуждением, дистанцированием от политики, негативным отношением к правительству и местной власти, депутатскому корпусу, сознанием собственной невозможности влиять на принятие решений властями разного уровня, а также неготовностью участвовать в общественных делах или в акциях, выходящих за рамки проблем повседневной жизни или партикуляристских связей (семья, родственники, друзья, коллеги, соседи).

В то же время ценность межличностного неформального доверия котируется настолько высоко, что «доверие» уже в качестве собственно этнической характеристики входит в набор признаков или элементов этнонациональной самоидентификации «русских» («мы — простые, открытые, верные, надежные, готовые прийти на помощь, терпеливые, миролюбивые» и т.п.¹). Подчеркну, что в этом последнем случае «доверие» относится преимущественно к низовому

перепад между крайними доходными группами расценивается как несправедливый, а само богатство и благосостояние вызывает подозрение в криминальности своего происхождения и стойкое недоверие, поскольку в обществе нет средств публичного контроля за источниками его приобретения. На этом в первую очередь работает зависть и рессантимент бедных, становясь одним из факторов общего недоверия в обществе и сознания несправедливости социального порядка.

¹ Гудков Л. Комплекс «жертвы». Особенности восприятия россиянами себя как этнонациональной общности. // Мониторинг общественного мнения, 1999, № 3, с. 46-64.

уровню институционального взаимодействия (партикуляристскому взаимодействию «своих со своими»), противопоставляемому любым вертикальным отношениям (как отношениям «мы/они», взаимодействие «своих» с «ними», с «чужими») или отношениям универсалистского плана, предполагающего ориентацию актора на обезличенные нормы формальных, прежде всего — правовых, институтов.

Распределение разных видов доверия в социальных средах может служить индикатором не только солидарности в обществе, но и процессов социального изменения. Анализируя данные уже упомянутого исследования ISSP-2007, можно отметить повышение показателей доверия в противоположных по образу жизни социальных средах — в мегаполисах и в селе (табл. 3). В крупных городах уровень межличностного доверия несколько выше, чем в средних и малых, остающихся резервацией советского социализма. В крупных городах сильнее ощущается запрос на трансформацию нынешней институциональной системы в сторону ее соответствия западным стандартам универсалистского и правового типа (о чем, в частности, свидетельствуют протесты оппозиции), но формирование подобных структур явно затягивается из-за сопротивления коррумпированной власти. Если судить по показателям доверия, то мегаполисы стоят ближе к развитым странам (см. табл. 3), а средние города — к странам третьего мира. Социальный капитал, возникающий в мегаполисах, принципиально иного рода, чем доверие давно знакомым, понятным и предсказуемым окружающим людям в традиционалистской и деградирующей деревенской среде. Самое низкое доверие фиксируется в средних городах, являющихся основой «индустриальной России» (советского варианта модернизации), настроенной весьма консервативно, ориентирующейся на советскую модель планово-распределительной государственной экономики и соответствующие этим образцам отношения власти и поданных, поданных между собой.

В таком контексте экономизированная трактовка доверия как рационального расчета и «редукции рисков» не имеет смысла, поскольку модель экономически рационального поведения работает здесь очень слабо (даже в мегаполисах этот тип поведения не является преобладающим и должен сочетаться с массой ограничивающих его условий), нет общезначимых образцов доверительного поведения², признание которых

² Ср.: Бондаренко Н., Красильникова М., Юдаева К. Инновационный и предпринимательский потенциал общества // Вестник общественного мнения, 2012, №1, с.75-99.

Таблица 3

МОЖНО ЛИ ДОВЕРЯТЬ ЛЮДЯМ ИЛИ В ОТНОШЕНИЯХ С НИМИ НАДО ПРОЯВЛЯТЬ ОСТОРОЖНОСТЬ?

	Людам (почти всегда + обычно) можно доверять	Людам не следует доверять, в отношениях с другими людьми почти всегда надо проявлять осторожность	Соотношение доверяющих/ недоверяющих
Большой город (более 1 млн. жителей)	38	52	0.73
Средний город (от 0.5 млн. до 1 млн. жителей)	20	80	0.25
Небольшой город (от 20 тыс. до 0.5 млн. жителей)	24	76	0.32
ПГТ, село	28	72	0.39

ISSP, 2007, Россия, N=1000, в % к числу опрошенных

является принятым, понятным и закономерным фактом в западной науке. Более продуктивными были бы здесь модели «человека советского» (с присущими ему свойствами двоемыслия, лукавности, демонстративной лояльности, пассивной адаптации) или традиционалистского, ксенофобского, настороженно относящегося ко всему новому и незнакомому.

3. Феномен «доверие» в социологической перспективе. Проблематика «доверия» в последние десятилетия снова стала привлекать внимание социальных исследователей после долгого отсутствия к ней интереса. Как раз в период формирования социологии как дисциплины (1900-1920-е годы) «доверие», наряду с другими социальными формами взаимодействия (борьба, господство, обмен, традиция, социальная дифференциация, рессантимент, мода, кокетство и т.п.) было одной из важнейших социальных категорий, используемой при интерпретации социальных структур¹. Нынешний интерес к теме связан не столько с запросом на более точное понимание природы этого явления, сколько с потребностями причинной интерпретации взаимосвязи или взаимообусловленности особенностей доверия и институциональных структур в разных странах, включая сюда экономику, политику и т.п. сферы. (Доверие здесь стоит в общем ряду других, трудно формализуемых феноменов социальных отношений, таких как родительская любовь, вражда, солидарность и прочее, что в социальных науках скорее проходило по департаменту

исследований культуры, то есть предполагало использование идеографических, а не номотетических методов.) В случае успеха подобных попыток интерпретаций появлялась надежда на разработку новых средств понимания и учета влияния культуры (или культур) на характер эволюции политических и экономических отношения в разных странах, что имело бы уже не только теоретический интерес.

За два десятилетия подобной работы получен значительный материал, показывающий роль доверия в практике социально-экономических отношений, проведены широкомасштабные сравнительные исследования уровня доверия в разных институциональных контекстах и предложены некоторые рационалистические теории доверия².

Вместе с тем, использование понятия доверия в сравнительно-типологических исследованиях в разных странах наталкивается на ряд ограничений, связанных с тем, что «доверие» рассматривается преимущественно как психологическое явление, как целостный и однозначный феномен (*Gestalt*), как аффект, «иррациональный» по своей сути. Попытки, предпринимаемые экономистами или социологами для того, чтобы выйти из этой старой методологической ловушки в социальных науках, нельзя признать особенно удачными. Стремясь формализовать понятие доверия и уйти от психологизма, аналитики в таких случаях обычно впадают в другую крайность: интерпретируя доверие по модели инструментального действия (рационального, а потому легче всего понимае-

¹ Сама по себе тема доверия, конечно, гораздо старше: она образует сквозной мотив в сочинениях многих политических философов, начиная, по крайней мере, с Т. Гоббса или Дж. Локка. Предметом их анализа были условия, при которых можно было ожидать возникновения справедливого социально-политического порядка в государстве, основанного на доверии поданных к правителю, соответственно, на моральных отношениях власти и подчинения, принципах всеобщего блага.

² *Fukuyama F.* Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. New York. Free Press 1995. (Русский пер.: *Фукуяма Ф.* Социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: АСТ, 2006); *Sztompka P.* Trust: A sociological Theory. Cambridge: Cambridge University Press 1999; *Noteboom B.* Trust: forms, foundations, functions, failures and figures. – Cheltenham: Edward Elgar, 2002; *Luhman N.* Vertrauen: Ein Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexität. Stuttgart: Enke. 1968; *Хоскинг Дж.* Почему нам нужна история доверия // Вестник Европы, 2002, №7-8.

мого), они «экономизируют» подобные отношения, что, на мой взгляд, не просто упрощает, но искажает характер реальных взаимодействий людей, привнося чужеродный исследовательский телеологизм в смысловую структуру действия доверия. Функция доверия в подобных схемах интерпретации сводится лишь к оптимизации издержек выбора, к снижению рисков и возможных потерь, к «редукции сложности», к установлению определенных моральных рамок («добродетелей») или культурных предписаний для целерациональной структуры социального действия, якобы снимающих неопределенность ситуации для действующего (П. Штомпка, Н. Луман, Ф. Фукуяма, теория «рационального выбора» и другие подходы).

Несмотря на потери, неизбежные при такой сильнейшей генерализации элементов объяснительной процедуры, несомненным выигрышем при этом оказывается возможность использовать схему причинного объяснения. Но опасность утраты своеобразия (или неопределенность) самого феномена «доверия» остается, она заключается в неконтролируемой подмене смысла действия (ценностной рациональности, обычая или традиции как обеспечения ожиданий партнеров) хорошо отлаженной схемой целерационального действия.

Не умаляя эвристической ценности названных подходов, я предпочел бы интерпретировать доверие как сложный социальный феномен (как закрытое социальное взаимодействие), структура которого представляет собой соединение разных смысловых оснований. Когда мы говорим, что «доверяем» врачу, учителю, профессору в университете, кассиру в магазине, информации о расписании рейсов в аэропорту или на железнодорожном вокзале, другу или коллеге по работе, жене/мужу, членам семьи, банкам, иностранной валюте, вообще — деньгам, науке, метеопрогнозам, политикам, газетам, интернету и т.п., мы редко сознаем, что в каждом подобном случае наше «доверие» будет опираться на разные смысловые основания и, соответственно, определяться разными нормами ожидания и характера исполнения действия. Ничего «психологически простого» и «очевидного» здесь нет. Супружеская верность (взаимное доверие супругов друг другу, имеющее среди прочего символический характер парной солидарности) принципиально отличается от веры врачу, к которому вы обратились, или фармацевту, которому вы предъявляете рецепт на выписанное вам лекарство, а доверие банку — от доверия школьника учителю или

старшему брату. Но во всех этих случаях имеет место пред-понимание ситуации (ее определение и схематизация действия), то есть актуализация горизонтов действия и возможных способов поведения — своего и партнера.

В доверии нет ничего от слепого шага навстречу неизвестности. Доверие это способность актора схватывать выражение имплицитных кодов и правил поведения одних институтов или социальных групп в зонах действия других институциональных или групповых правил, это восприятие действующим «шифром» не называемых, но предполагаемых, подразумеваемых в конкретной ситуации взаимодействия норм институционального действия, которыми будет руководствоваться партнер, поскольку предполагается, что он должен, обязан это делать. В семантике, смысловой структуре рассматриваемого или описываемого исследователем действия (целевого или ценностного) эти нормы принципиально не могут быть артикулируемы, содержательно представлены в категориях мотива, цели или средств данного действия. Их семиотическое «присутствие» или значимость в ситуации взаимодействия обозначено признаками разной модальности поведения акторов (возможности, вероятности, долженствования), а выражено лишь как «психологическое качество» поведения, как известного рода «иррациональность» установки и действия, поскольку то, что вызывает «доверие», лежит вне логики маркированной структуры целевого поведения. Таким образом, речь не идет о «неполном знании» обстоятельств или мотивов поведения партнера, условий взаимодействия, последствий поведения и т.п., риски которого, как часто подчеркивают сторонники «экономизации доверия», феномен «доверия» может компенсировать так или иначе¹.

Доверие как тип социальной регуляции (правил взаимодействия) обеспечивает взаимосвязь принципиально разных институциональных систем, согласованность между разными институтами или группами, разными по глубине слоями культуры. «Доверие» определяет границы индивидуальной или институциональной рациональности, раскрывая ее смысл, и соединяет между собой ту и другую, позволяя

¹ Следует подчеркнуть, что ни в каком случае, даже в самых рационализированных отношениях, например, экономических или научных, знание мотивов партнера или последствий взаимодействия с ним не может быть принципиально полным. В этом плане имеет смысл рассматривать «доверие» по аналогии с метафорой, синтезирующей разные смысловые планы в одно семантическое образование, рассматривать его как шарнир, соединяющий регуляторы действия разного уровня, включающий одни системы социальных отношений (институтов, групп) в управление другими социальными императивами или нормами.

учитывать последствия взаимодействия актора с институтом, группой или иными индивидами. «Доверие» продуцирует смысл будущего, как бы проектируемого взаимодействия партнеров или действующего с различными и неопределенно многими акторами, включая взаимодействие индивида с институциональными порядками или его представителями, как это имеет место, например, в актах использования денег: обмен символическими средствами выражения ценности здесь производится с расчетом на то, что их примут в адекватное обращение неопределенно многие третьи лица.

Исходя из сказанного, я определил бы «**дове- рие**» как **социальное взаимодействие, ориентированное на высокую вероятность (шансы) того, что действия партнеров** (а ими могут быть не только отдельные индивиды, но и социальные группы или институты) **будут протекать в соответствии с ожидаемым субъектом действия порядком, основанным на взаимных моральных или ценностных обязательствах, принуждении, обычаях, традициях, социальных конвенциях, идейных убеждениях, материальных интересах, общепринятых или вменяемых всем членам сообщества антропологических представлениях.** Эта уверенность (confidence, Sicherheit) должна быть проявлена (манифестирована) действующими не только в различного рода заявлениях, но и в совместных церемониалах (ритуалах, праздниках, выборах, референдумах, митингах, масскоммуникативных и групповых акциях), а также обозначена особым языком или семиотикой поведения, а значит – подтверждена и гарантирована различными **санкциями** за нарушение ожиданий или несоблюдение общепринятых обязательств, имеющих нормативный или правовой характер. Ценностные обязательства (включая коммуникативную этику) могут включать согласие по поводу общих правил действия в той или иной сфере коллективной жизни – поиска научной истины, честного соревнования в спорте или поведения на дуэли, в бизнесе, в любви, в воспитании детей, в работе, в моральном облике священников и т.п. Обязательства предполагают высокую вероятность наступления ответственности за нарушение этих правил, причем не только со стороны пострадавших от нарушения, но и всего социального окружения, поставленного в известность об этом деликте. Коллективный характер обеспечения доверия означает, что доверие, вне зависимости от его конкретных смысловых оснований, входит в состав общего набора институциональных и групповых норм поведения, социального по-

рядка, общих представлений, образов жизни, опыта прошлого, горизонтов притязаний группы (ее интересов) или аспираций отдельного индивида, границ возможного отклонения от нормы и т.п., совокупность которых и образует то, что стало с недавних пор именоваться накопленным и передаваемым от поколения к поколению «социальным капиталом» того или иного сообщества¹.

Внутренние границы доверия очерчены (вероятностью) неисполнения взаимных обязательств. Нарушение обязательств может оправдываться субъектом действия (неисполнения) определенными условиями, прекращающими действие общих обязательств и правил, либо связываться с высшими обстоятельствами (ценностным конфликтом, наличием других ценностных порядков). Но в любом случае вероятность нарушения доверительных отношений принимается во внимание действующим и задает предел доверия. Сама по себе эта граница становится очень важным символическим барьером, тематизация которого продуцирует в культуре множество сюжетов в литературе и искусстве, игровых ситуаций, экспериментов и т.п. Таковы темы «лицемерия», «предательства», обмана, соблазна, лукавства, паразитирования на доверии, несостоятельности того, кому доверяют, безответственности, а также выгод, которые приносит нарушение правил доверительного взаимодействия, образующее определенный оперативный и всегда ситуативный ресурс для нарушающего, его преимущество перед всеми соблюдающими эти правила². **Граница доверия**, обозначенная соответствующим ритуальным жестом или процедурой, указывает на (предположительное) переключение одной модальной системы доверия на какую-

¹ В самом понятии «социальный капитал», введенном экономистами, нет ничего нового по сравнению с обычными понятиями культуры и ее институционализации, но оно позволяет оперировать с доверием по аналогии с другими видами капитала. Социальный капитал (=межличностное доверие) в социально-экономических работах представляет собой новейший функциональный инвариант понятия «культура» или «цивилизация», суженного настолько, что оно становится доступным для операционализации и измерения.

² О подобном ресурсе блатных в лагере много писал В.Шаламов в «Колымских рассказах», распространяя эту этику блатных на всю советскую «общую зону». Но, конечно, тема обмана доверия – образец игровой социальной тематизации отношений во многих культурных ситуациях, бесконечно заимствуемый и варьируемый в зависимости от «вводных» характеристик. См. например, комедию П. Мариво «Les fausses confidences» («Ложные признания», 1737), переведенную в России еще П. Катениным как «Обман в пользу любви» (1827), или роман Г. Мелвилла «The Confidence Man: His Masquerade» («Искуситель: его маскарад», 1857).

то другую, определяемую другими правилами взаимодействия с партнером или партнерами. Чем сложнее устроено общество, тем многообразнее сами границы доверия и тем большее значение приобретает способность человека их различать и переходить от одной зоны доверительных отношений к другой, не вызывая возмущения партнеров (социальный такт действующего).

Упомянутые выше ритуалы, подчеркивая символический характер доверия, сами по себе еще ничего не говорят о степени значимости доверия или длительности его действия. Соответственно, исходной задачей эмпирического изучения феноменов доверия или зон его распространения оказывается фиксация и описание различных *барьеров* между модальными сферами доверия, семантических или социальных границ доверия, отделяющих пространства недоверия, а также указывающих силу или значимость, интенсивность доверия. Оказываясь вне этих зон доверия, индивид немедленно включает нормы недоверия как операциональные коды поведения в агрессивных или социально опасных средах существования¹. Барьеры – это фиксированные ритуалы недоверия (бдительности, проверки, сомнения), отмечающие рост социальной и антропологической неопределенности в ситуациях перехода от одной зоны доверия к другой. Степень артикуляции этих барьеров зависит от характера институционализации социального доверия в разных обществах. Подробный разбор различных видов барьеров выходит за рамки нашей темы, поэтому я вынужден лишь кратко указать на природу этих границ.

¹ Вопрос, является ли недоверие социологической сущностью особого рода (независимым от доверия социальным феноменом) или это негативное выражение доверия (его отсутствие), остается открытым, требует дальнейшего обсуждения и проработки. Многие исследователи рассматривают недоверие как самостоятельное явление – см., например: *Оболонский А.* Политическое недоверие как позитивный фактор // Вестник Института Кеннана в России, 2012, вып.21, с.7-18. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прояснить несколько обстоятельств взаимодействия такого рода: а) можно ли говорить о правовой регуляции «недоверия» (не обязательно о формально правовой, можно иметь в виду и действие норм обычного, некодифицированного права); б) включены ли нормы «недоверия» в процедуры и механизмы первичной социализации в группе, учат ли недоверию как отдельной социальной способности; в) воспроизводятся ли эти нормы недоверия от поколения к поколению без существенных изменений; д) есть ли специальные инстанции или системы контроля, санкций, поощрений и проч., которые позволяют следить за воспроизводством «недоверия», наказывая доверчивых и поощряя недоверчивых. Ответы на эти вопросы не могут быть получены догматически, исходя из тех или иных этических или антропологических постулатов, это предмет эмпирического изучения.

Для исследователя чрезвычайно важно видеть «границы» между зонами «доверия»/«недоверия». Без указания на подобные подразумеваемые, внутренние или внешние, барьеры, играющие роль смысловых рамок для правил взаимодействия, переключателей регистров солидарности, разделяющих нормы разных планов социальных отношений, взаимного контроля, согласования интересов и т.п., невозможно понимание сложности или неоднородности социальной материи, из которой состоит повседневность существования. Тем более это важно для анализа поведения в репрессивных обществах, в которых обыденность пронизана официальной ложью и лицемерием, как это имело место в советском или имеет место в постсоветском обществе, равно как и в других репрессивных и закрытых социумах (в мусульманских общинах, в современном Китае и т.п.). А нас в первую очередь интересуют именно эти аспекты поведения в ситуациях сочетания разнородных нормативных систем и препятствий для их универсализации, подавления условий возникновения универсальной этики и права. Сама по себе двойственность этики или двоемыслие – явление, характерное для любых типов современных обществ. Но удельный вес и значение двоемыслия может радикально различаться в разных социальных системах.

Формализация доверия предполагает не только появление разного рода документов, паспортов, сертификатов, пропусков, удостоверений и т.п., указывающих на кодификацию правил различения своих и чужих, норм институционального поведения (включая и санкции за нарушение), но и появление различного рода специализированных служб контроля, постов проверки. Наиболее институционализированными формами барьеров доверия (априорного недоверия) являются меры безопасности и охраны, различающиеся по своей жесткости и общности (ФСО, ФСБ, пограничная служба, службы безопасности в аэропортах и школах, первые отделы, блокпосты на въезде в город или шлагбаумы и рогатки на определенных территориях и проч.). Охрана государственных, ведомственных, элитарных тайн и секретов, обеспечивающих зоны гарантированного доверия (со всеми процедурами проверки, допусков, подписок о неразглашении, иерархии допусков, создания специальных служб безопасности, секьюрити и поставок соответствующего технического оборудования – от вертушки и ВЧС до служебной переписки с различными грифами секретности и прочее) представляет собой

один из примеров границ доверия¹. Другими примерами могут служить меры по защите от подделок (денег, финансовых или наследственных документов) и соответствующие службы разного уровня. Чем менее формализованным является контроль и проверки, ограничения на входе в систему взаимодействия, тем с большей уверенностью мы можем говорить о значимости традиционных или конвенциональных отношений в группах или сообществах, требующих собственных ритуалов солидарности и выражения доверия. В деревне нет нужды в предъявлении документов соседям, как это делается ежедневно при входе в здание большой организации или предприятия.

В советское время в атмосфере тотального привычного страха и коллективного заложничества контроль охватывал как сферу публичного пространства (работа, общественные занятия — принудительные отработки «в колхозе», на «овощебазах», уборка территорий; служба в армии, учеба, развлечения, идеологическая дрессура — общие собрания сотрудников, жильцов, учащихся; политзанятия, проработки, возможности предоставления разных привилегий, меры «исключения» в виде разного рода поощрений), так и частной жизни (жилье, мораль, семейные или неформальные отношения). Поддержанию доверия способствовала норма деления на «своих» и «других». Под «своими», «своим кругом», «нашими» и т.п. понимались не просто люди, которым можно было доверять (в смысле общей веры в то, что в случае нужды тебе могут помочь, поддержать эмоционально, финансово или физически — взаимные обязательства группы, опирающейся на крайне важные ресурсы сетевых связей и отношений: образование, медицина, квартира, работа, освобождение от армии или от преследований), но и тех, на кого распространялись проекции норм «порядочности», взаимной лояльности, уверенности в том, что эти люди тебя «не сдадут, не предадут, не донесут начальству» или властям о чем-либо неподобающем поведении. К «чужим» относились все те зоны существования, где были незначимыми представления или нормы солидарной ответственности или на них нельзя было непосредственно рассчитывать. И «свои», и «чужие» были весьма условными кате-

¹ На лондонской конференции по доверию в СССР, упомянутой в начале статьи, А. Леденева сделала специальный и очень содержательный доклад об истории советской телефонной спецсвязи, раскрыв диалектику борьбы за ограничение числа ее пользователей (самоизоляцию власти) и за допуск к вертушке как символическому средству власти (апроприация власти).

гориями, часто переменными, когда свои превращались в чужих, и наоборот.

Подобная структура «двоемыслия» (в терминах Ю.А. Левады — «игры», «игровых структур социального взаимодействия») задавала определение ситуации и диктовала различные коды социального поведения в разных средах, соединяя формальные и неформальные правила взаимодействия через многообразные способы преодоления внутренних и внешних барьеров. При этом включались нормы поведения, относящиеся к разным системам социального контроля и опознания «своих»-«чужих». Церемониалами снятия барьеров между статусами были обязательная совместная выпивка в неформальной обстановке (на работе, дома или в среде, которая отключала внешние механизмы повиновения — на природе, в туристической поездке, в поезде, после работы на рабочем месте, во внеслужебное время, в командировке, в бане и т.п.) или апелляция к другим «своим» (родственникам, прежним сослуживцам, коллегам, приятелям и т.п.), которая принимала форму «помощи», «услуги» (блата, связей, «нужных людей»). Важен был и соответствующий семантический код — использование языка «своих», псевдо партикуляристских отношений — доверительных отношений «близких людей» («...я от Ивана Ивановича»), хотя сам действующий при этом чаще всего мог и не знать лично ни самого «Иван Ивановича», ни даже того, кто он такой². Язык подобных отношений, предполагал процедуры демонстративного *исключения* официальных или общепринятых форм взаимодействия, установления «особого», «специального» режима поведения: «разрешить в порядке исключения», как тогда писалось в служебных записках начальству с какими-либо просьбами, обращениями. По существу, это означало отмену требований морали, упразднение общих правил оценки себя и других, взаимообязывающих норм поведения.

Иерархия барьеров и разграничения зон доверия и взаимодействия воспроизводит социальную иерархию и отражает степень жесткости (закрытость или открытость) социальной структуры³. Семантика барьера доверия в любом

² Левада Ю., Левинсон А. «Похвальное слово» дефициту // Горизонт, 1988, №10.

³ Самым очевидным проявлением этого могут служить обычные проезды путинского кортежа по Москве, парализующие городское движение. Это демонстративное поведение первого лица одновременно есть и выражение феодального торжества власти, и ее страха перед населением (принимая здесь форму рационалистического оправдания необходимых мер безопасности президента). Российская пресса с некоторым злорадством сравнивала два высших государственных

случае строится на переворачивании смысла доверительных отношений, на маркировании злонамеренности или выражения презумпции недоверия. Границы доверительных отношений могут быть подчеркнуты пространственно-временными ограничениями, социальными фильтрами или характером допуска в коллектив или группу, церемониями перехода из одной системы норм (ценностей) в другую, сменой языка, одежды, интонаций, правил поведения в повседневности и прочим. «Игра в доверие» стала социальным кодом поведения, умением демонстрировать другому, что актер понимает, что его партнер лжет (в чем, когда и в каких отношениях), и что тот знает, что актер его понимает, благодаря чему достигается конвенциональное согласие и определение рамок возможного контроля насилия или коррекции взаимодействия. Важно, что отсчет при этом идет от негативных представлений или моделей человека, которые выступают как норма определения реальности.

Само по себе увеличение числа и многообразия видов барьеров указывает на рост внутренней агрессии, потребности в обмане, провоцируемых самим функционированием институтов социального недоверия и легального насилия (КГБ-ФСБ, МВД, генпрокуратура и т.п.). Эти структуры насилия, по мнению россиян, сегодня являются опорой действующего режима. Они не препятствуют росту насилия и не ограничивают его распространение, они его производят и стимулируют зону его расширения в обществе. Не требуется особых доказательств для того, чтобы увидеть внутреннюю связь увеличения масштабов внутреннего насилия и агрессии (включая аутоагрессию, чрезмерную смертность, внешние причины смертности и структуру преступности) и аномии общества. Недоверие — это сознательная и привычная установка на ожидаемое в повседневности нарушение социальных правил и ценностных обязательств, которое вызывает создание организованных групп, блокирующих опасности нарушения общего доверия (порядка). Гипертрофия служб безопасности в новейшей России — появление частных и вневедомственных армий охраны, общая численность которых приближается к миллиону человек (преимуще-

ственно мужчин), представляет собой не просто «бессмысленно» опредмеченное государственное или корпоративное недоверие, но и восстановление значимости старых институтов насилия или их новейшую «инкарнацию». Рост численности различных видов полиции сопровождается как общим ростом преступности (при снижении показателей раскрываемости), так и все более высоким уровнем страха перед полицейским насилием и произволом, отчужденностью людей от власти, усилением диффузной тревожности и недоверия между людьми.

Но это то, что касается формализованных барьеров. Более сложные и многообразные (в смысле визуальной и маркированной фиксации) барьеры и границы доверия образуются в зонах двоемыслия, сочетания формального и неформального, демонстративного и практического поведения, характерного для недомодернизированного постсоветского российского общества, в котором слабость универсального права и основанных на нем институтов компенсируется различными вариантами игры на модулях «своих» и чужих», установления дистанции и ее снятия в ходе различных ритуалов «проверки», образования коалиций и временных союзов внутри социальных групп или ассоциаций. Отсутствие открытых для всех социальных лифтов и каналов вертикальной мобильности оборачивается постоянной склокой внутри влиятельных или обладающих особыми ресурсами групп в обществе, регулярной рекомпозицией центров силы, поддержанием высокого уровня цинизма, недоверия, «бдительности», все более частыми коррупционными скандалами.

Как правило, эти барьеры не отмечены, не маркированы в языке или семантике того, чему или кому «доверяют», а потому они воспринимаются как само собой разумеющиеся сущности (собственно это и есть выражение отношений доверия, непроблематичности отношений). Барьеры могут быть обозначены сменой одежды, сменой речевых норм, в том числе — обращения (переход от «вы» к «ты», появлением экспрессивной или обценной лексики), отменой иерархических различий в статусах, подчеркиванием исключительности ситуации или особого (равного или интимного, сближающего) характера отношений между партнерами, выделения их из общего ряда, отменой обычных правил поведения, за которыми стоит смена систем референции, референтных групп, идеологии, исторических или логических аргументов, апеллятивных или риторических фигур и проч., короче, смена парадигм поведения, до того ни-

церемониала: стремительный проезд Путина в наглухо закрытом, затемненном бронированном мерседесе по абсолютно пустым улицам города («очищенным» от народа) на инаугурацию в Кремль 7 мая и близкое по времени медленное и торжественное следование британской королевы Виктории в старинной карете, сопровождаемой конными гвардейцами, по забитым праздничной толпой улицам Лондона во время бриллиантового юбилея ее царствования.

как не совмещавшихся друг с другом, жестко разделенных между собой.

Но мало указать на наличие этих барьеров доверия. Необходимо различать и разные планы доверия — от высшего уровня общих конструкций реальности (совокупности и композиции коллективных символов, задающих устойчивость определений действительности, этого важнейшего потенциала солидарности и согласия в обществе, хотя одновременно оказывающегося и наименее рационализуемым, не контролируемым в субъективном плане) до доверия, сохраняющегося исключительно в малых и неформальных группах. Умение оперировать различными модусами доверия есть признак социализированности индивида в обществе или группе, свидетельство его социальной дееспособности в данном сообществе, его общественного «такта».

Подобный режим двоемыслия (мозаичность сознания, партикуляризм, способность соединять кажущиеся несовместимыми нормы и представления) порождает человека достаточно эластичного, чтобы выносить внешнее давление и контроль («русское терпение»), и вместе с тем, неспособного к коллективной солидарности (недоверчивость, отказ от поддержки организаций гражданского общества) или систематической рационализации собственного действия, готового приспособиться к любым переменам в своем положении ценой снижения запросов и качества жизни (выбор «понижающих стратегий жизни»)¹.

Поэтому любые попытки эмпирического анализа доверия как в прошлом, так и в настоящем должны учитывать силу различных нормативных систем лояльности и силу социального контроля как со стороны формальных институтов (власти, руководства предприятия, в советское время — партийных организаций или их дублеров в виде профсоюзов, комсомола и т.п.), так и со стороны неформальных или сетевых отношений, образующих множественные структуры частных коалиций и коллективного заложничества (семьи, трудового коллектива, квази-общественных организаций — спортивных, любительских, ветеранских, жилищных, соседских и т.п.). С ослаблением репрессий, а затем и сворачиванием масштабов массового террора проблема «доверия» «руководству» (завода, государственной организации), коллегам, товарищам, семье, *двоемыслия* и т.п. превраща-

ется в проблему *дефицита* правовых и формально институциональных средств регуляции².

Теплые и доверительные отношения внутри многих неформальных коллективов, сложившихся в советское время, отношений, основанных на взаимной вере друг в друга, связаны с тем, что ценности и нормы поведения, разделяемые членами этих групп, были альтернативными по отношению к официальным, идеологическим, формальным требованиям власти, предъявляемым населению. Благодаря самой этой альтернативности закрытые сообщества могли быть не только условием выживания большей части населения страны, вынужденного приспособляться к репрессивному идеологическому государству, но и, при некоторых условиях, становиться хранителями и ретрансляторами традиций иной культуры (в том числе — религиозной или философской, научной мысли, более высоких стандартов морали). Поэтому повышенное уважение, которым наделялись все причастные к этим закрытым сообществам, к кругам символического и практического доверия, было обосновано признанием особых достоинств, которыми награждались члены этих коллективов. Как только стало возможным, именно на основе подобных отношений начинали складываться новые социальные формы, облегчавшие отношения партнеров по бизнесу, новые научные коллективы, инновационные фирмы и т.п. Но, стоило внешней среде после краха советской системы начать изменяться, как потребность в сохранении состояния закрытости и самоизоляции резко ослабела. А с ней началась эрозия атмосферы благожелательности, доверия в прямом психологическом смысле (то есть — доверия диффузного, нерационализованного, нерасчлененного). Нормы поведения в закрытых сообществах не выдерживали испытания, которым оказались подвергнуты в процессе начавшихся реформ, при переходе общества к формальной институционализации. Возник кризис социального доверия, постепенно охвативший общество и осознанный общественным мнением как «падение морали». То, что помогало сохранять дух доверия и взаимного уважения в малых коллективах и тесных компаниях, начинало стремительно ломаться и разрушаться в других условиях, более открытых и формальных, прагматически-инструментальных. Закрытая атмосфера малых групп, позволявшая сохранять многие универ-

¹ Левада Ю. Варианты адаптивного поведения // Он же. Ищем человека. М., Новое издательство, 2006, с. 202-212; он же. Фактор надежды // Там же, с. 224-232.

² Гудков Л., Дубин Б. Институциональные дефициты как проблема постсоветского общества // Мониторинг общественного мнения, 2003, №3, с.33-53.

салистские ценности (особенно это значимо было для функционирования неформальных научных семинаров, кружков, научных школ — бескорыстного познания, взаимной преданности, этики, религиозных исканий и т.п.), и даже их культивировать, с изменением ситуации парализовала потенциал дальнейшего развития и институционализации подобных отношений. Смена приоритетов в этих условиях оказалась разрушительной для доверия в бизнесе, науке, искусстве и т.п. фрагментированных средах, которые позволяли инакомыслящим или социальным маргиналам существовать в советское время. Доверие и равенство, которое позволяло выживать в прежнее время, в новую эпоху перехода стало фактором, блокирующим возможности дифференциации ролей, подавляло разнообразие, специализацию, разделение труда¹.

И полное доверие, и полное недоверие являются крайними случаями характеристики социума. Обычно доверие распределено весьма неравномерно. Оно более высоко в обществах с устойчивой и открытой институциональной системой, с развитой системой самоуправления и равенством возможностей, в обществах благосостояния (welfare-state); оно ниже (или иное по характеру) в обществах с высоким уровнем насилия, внутренней агрессии, с авторитарным или тоталитарным типом государственного устройства². Кроме того, базовое доверие к миру, характерное для начальных фаз социализации, прежде всего — в относительно благополучных социальных средах, в полных семьях, постепенно нейтрализуется негативным опытом насилия, обмана, наращиванием более сложных и неоднозначных по своему составу структур действия, включающих в себя непре-

¹ Исследования формирования нового предпринимательства в 1990-х годах указывали, что основными препятствиями развития бизнеса были не отсутствие свободного доступа к кредитам или к новым технологиям, даже не административный произвол и коррупция, а дефицит доверия к партнерам по бизнесу, соблюдение договоров, нечестность, необязательность при выполнении условий контрактов и проч. - Общественный договор. Социологическое исследование. М., 2001. Под ред. Д. Драгунского.- ВЦИОМ; Институт национального проекта «Общественный договор».

² Хоскинг Дж. Структуры доверия в последние десятилетия Советского Союза // Неприкосновенный запас. 2007. № 4. С. 59-69 (а также его лекция 5.06.2012 в МГУ: Хоскинг Дж. Структуры доверия в последние десятилетия Советского Союза // URL: sbiblio.com/biblio/archive/hoking_sl/; Hosking G. Trust: Money, Markets, and Society. L., 2011 (фрагмент этой работы под названием «Экономика доверия» был опубликован в «Неприкосновенном запасе», 2010, № 5); Гудков Л. Общество с ограниченной вменяемостью // Вестник общественного мнения, 2008, №1, с.8-32; Гудков Л. Цинизм «непереходного» общества // Там же, 2005, №2 (76), с.43-52; Гудков Л. Инерция пассивной адаптации // Pro et Contra, 2011, том 15, №1-2 (51), январь-апрель, с.20-42.

менный компонент социальных игр, имитации, социальной мимикрии, лжи, приспособления к окружающим, лицемерия и т.п. Подобный опыт недоверия в репрессивных обществах становится важнейшим стратегическим ресурсом социального выживания или условием социального успеха, вертикальной мобильности, и, будучи закрепленным в корпоративных нормах поведения, превращается в принципы и механизмы селекции людей во власть, определяющие своеобразную структуру господствующей элиты, как это имеет место в нынешней России (преобладание во власти чекистов, военных, то есть представителей самых архаических и консервативных институтов, социальных, партийных, идеологических ренегатов).

Проблема описания феноменов доверия заключается в том, чтобы определить и фиксировать смысловые основания доверия (признание значимости неартикулируемых, но подразумеваемых и потому полагаемых субъективно, ценностных значений и латентных — или формальных! — норм действия). Это значит, что анализ доверия требует учитывать не просто разные институциональные нормы взаимодействия, но и разные по своему происхождению и составу, культурному генезису пласты культуры, определяющие сами эти институты, нормы которых вводятся в социальную игру доверия.

«Психологизм» (эмоциональность, аффективность, соответственно, иррациональность состояния) трактовки доверия означает в подобных случаях то, что исследователь не в состоянии ясно прочесть (схватить) императивы поведения, которые для действующего кажутся очевидными, хотя часто ни он сам, ни тем более исследователь или интерпретатор (историк, социолог, экономист) не в состоянии идентифицировать их в качестве собственно групповых или институциональных требований. В лучшем случае — и почти всегда лишь в ходе специального анализа — они могут быть выявлены в качестве эвидентных, но не эксплицированных («закодированных», «зашифрованных») социальных норм и правил действия, тривиальность или рутинность которых препятствует их осознанию, рефлексии, или же сама ситуация не требует их дешифровки, указания на их групповую или институциональную принадлежность. В определенном смысле сама эта очевидность и есть выражение «доверия», она не требует или блокирует обязательства по экспликации и артикуляции подобных норм. Но в аналитически строгом смысле следует говорить о разных типах социального доверия.

Кроме того, дело осложняется тем, что в некоторых ситуациях, особенно в условиях репрессивных режимов, требование доверия может носить *принудительный* или игровой характер. Например, следователь КГБ мог заявить во время профилактической «беседы» своему «собеседнику»: «вы с нами неискренни, вы же советский человек, вы что, нам не доверяете?». Но подобное заявление представляет собой лишь крайнюю, утрированную форму общераспространенных внутригрупповых механизмов сплочения. Таким образом, мы сталкиваемся с весьма характерными явлениями, которые можно назвать «игрой в доверие», игрой в «открытость», «искренность» или «доброжелательность». Они образуют смысловые переходы между разными сферами институционального или группового насилия и принуждения. Вероятно, по своей структуре эти явления близки к тому, что можно назвать светским или религиозным «лицемерием», «ханжеством», «фарисейством» и т.п., однако в социальном, содержательном или генетическом плане их следует принципиально различать: источником принуждения в одном случае будут «общество», «свет», «общественное мнение», в другом — репрессивные органы политической полиции и идеологического принуждения.

Слабость правовых и универсалистских форм организации социальной жизни (к какой бы области жизни это не относилось: к политике, государственному управлению или экономике как сфере наибольшего «риска») компенсируется появлением «доверительных» сообществ, но уже на другом, чем в советском социуме, уровне организации общества — на уровне власти. Здесь воспроизводятся почти те же отношения, которыми характеризовалась репрессивная атмосфера советского времени: идет образование «кланов», неформальных союзов, возникающих из дружеских или коалиционных отношений внутри клубных, предпринимательских, мафиозных («капитализм для своих») или других интересов, перекрывающих «шунтирующих» зоны привычного социального недоверия¹.

¹ Ими могут быть и так называемые «питерские» (знакомые или сослуживцы В.Путина), ставшие ресурсом для кадровых назначений на ключевые должности в кремлевской администрации в первой половине 2000-х годов) или члены кооператива «Озеро», образующие самый «узкий круг» В.Путина и его «тайный кабинет», чекистские связи и т.п. Подобные союзы в дальнейшем укрепляются семейными связями — назначением детей влиятельных лиц на высокие позиции в ведущих государственных или контролируемых государством компаниях, банках, корпорациях. — Афанасьев М. Клиентизм и российская государственность. М., Московский общественный научный фонд, 1997. Российские

4. Доверие как социальный капитал. Его типы. Различные виды социального доверия, образующие институционализированный «социальный капитал», соотносятся с разными сетями общения и взаимодействия, с разными образами жизни (а значит — потребления). У их обладателей — разные горизонты ожиданий и оценки событий, разные модели политического поведения². Р. Роуз, руководитель исследовательской программы «New Russia Barometer», для описания типов доверия в России еще в 2000 году выделял *до-модерные, модерные и анти-модерные* основания социального капитала³.

Условия, благоприятные для быстрого развития (усложнения социальной структуры и появления тех форм доверия, о которых писал К. Ньютон⁴), возникают только в зоне притяжения крупных городских агломераций — мегаполисов и крупнейших городов России с

политологи и политические журналисты стремятся отслеживать подобные связи и назначения детей и родственников высокопоставленных чиновников из близкого круга В.Путина (карьеру детей Н.Патрушева, С.Иванова, М.Фрадкова и др.), давление на суд, оказываемое ими, или освобождение их от уголовной ответственности за совершенные правонарушения. Этому были посвящены целые серии публикаций в «Новой газете», «Коммерсанте», периодических выпусках «Власть» (издательство «Панорама») и др. изданиях, а также на интернет-сайтах. Характерно, что в позднее советское время в среде советской элиты подобных форм не возникало, отношения в номенклатурной среде были очень формальными, ограниченными и пронизанными взаимным недоверием и подозрительностью Брежнева, обеспокоенного возможностями заговоров против него и т.п. — См.: Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный комитет и его члены, 1917-1991 гг. М., РОССПЭН, 2011, с.365-369. Приватизация власти и собственности, начавшаяся после краха советской системы, но достигшая полноты лишь при путинском режиме, требовала в условиях слабой легитимности власти формирования особых, чрезвычайных, а значит - выведенных из-под контроля закона доверительных отношений «своих». Такие образования иногда считают разновидностью «crony capitalism», характерного для многих азиатских авторитарных и коррумпированных режимов, или даже - мафией, как иногда в российской прессе называют эту систему власти. Но подобные определения не могут считаться адекватными — по происхождению и функциям это другие формы организации власти. Кажущаяся архаической, подобная организация руководства страны представляет собой единственно возможную форму адаптации бесконтрольной власти к меняющимся условиям (при деградации и разложении прежней институциональной системы).

² Newton K., Zmerli S. Three forms of Trust and their Association // European Political Science Review, 2011, vol.3, № 2, p. 1-32; Political Trust: Why context matters. Ed. by S. Zmerli, M.Hooghe. Colchester: ECPR Press, 2011.

³ Rose R. Uses of Social Capital in Russia: Modern, Pre-Modern, and Anti-Modern // Post-Soviet Affairs, 2000, 16(1), p.33-57. Его типология, как и типология Н.Зубаревич («Четыре России» // Ведомости, №248/3014/ от 30.12.2011), обладает значительной эвристической силой, учитывая, что почти две трети населения России живут в малых городах и сельских поселениях, где сохраняются традиционалистские образцы поведения и представления, не говоря уже о советских стереотипах и образах мысли.

⁴ Newton K. Taking a bet with ourselves... P.7.

численностью проживающего в них населения около миллиона человек и выше. Только здесь в силу целого ряда факторов: концентрации населения, высокой специализации занятости, обуславливающей дифференциацию институтов и групповое многообразие, возникают не просто новые, но более сложные формы социальной регуляции, требующие в свою очередь новых посредников — рыночную экономику и более развитую, в сравнении с тоталитарным социумом или авторитарным режимом, коммуникативную инфраструктуру. Социальный, экономический, информационный и культурный плюрализм оказывается, таким образом, фактором «принуждения» к появлению новых отношений. Они отличаются анонимностью, безличностью, надстраиванием над личными и групповыми отношениями корпуса формальных (универсалистских) норм и императивов поведения — правовых, моральных, ценностных механизмов регуляции. Им соответствует и тип личности (который мы называем «современным или европейским человеком»): более свободной от непосредственного окружения и прямого социального контроля, более мобильной, ориентированной на обобщенные, «идеальные» образцы социального доверия, признания и gratification. В отличие от родственно-семейной, соседской или этнообщинной взаимосвязанности, здесь действует избирательная солидарность, руководствующаяся императивами этики ответственности, а не предписаниями традиции или коллективного заложничества, характерного для советских «трудовых коллективов». Другими словами, на фоне доминантного для российского общества типа «советского человека», созданного из множества ограничений, а не стимулов действия, иерархического, лукавого, испытывающего разнообразные фобии (по отношению к новому, чужому, сложному), сознающего себя заложником коллектива, а потому пассивного и терпеливого, постепенно в российских мегаполисах выделяется новый тип индивида, не столь зависимого от власти. В своем сознании этот человек обязан собственным благополучием только себе, своей более высокой профессиональной квалификации и образованию, интенсивной работе, а не «отечески заботливому» государству. Поэтому он оказывается менее фрустрированным и более свободным от прежних идеологических комплексов. Он не испытывает по отношению к российской власти ни прежней лояльности, ни благодарности. Его социальный капитал основан на сложной си-

стеме генерализованных социальных правил и отношений, построенных на знании и доверии к другим, то есть качествах, составляющих каркас современного западного общества.

Эта новая институциональная среда, возникающая в мегаполисах, опосредованно связана с гораздо более высоким уровнем жизни. Его повышение определено освоением новых производственных навыков и профессиональной квалификации, отвечающих запросам и требованиям информационного, сервисного и высокотехнологического общества, готовностью к переобучению, мобильности и смене сектора занятости. Образ жизни в крупнейших российских мегаполисах (прежде всего — в Москве) приближается по характеристикам социального капитала к образу жизни населения европейских, развитых стран, который мы называем «модерным».

Другой тип социального капитала, условно говоря — «домодерный», традиционный — представлен прежде всего средой малых городов и сел. Социальное доверие здесь базируется на непосредственных личных, неформальных связях, групповых и соседских отношениях, этнической или этноконфессиональной солидарности и не выходит за пределы рутинных повседневных обязательств и поддержки, а также — общности интересов, отстаиваемых по отношению к произволу местной власти, ничем, кроме обычая, не ограниченного. Это зона в лучшем случае инерционного, в худшем — деградирующего существования людей, озабоченных более всего сохранением сложившегося образа жизни и потребления. «Физическое выживание» выступает здесь как жизненная стратегия, как императив частного и семейного существования. В этой среде нет и не возникает идеи последовательного улучшения жизни, повышения ее качества; речь может идти лишь об удержании того, что уже есть. Горизонт запросов определен возможностями пассивной адаптации к навязанным извне изменениям. Крайняя ограниченность ресурсов (материальных, образовательных, профессиональной квалификации) обуславливает низкую социальную мобильность, а тем самым — застойный характер бедности и нищеты.

Особенностью этой среды является скудость информационных источников и ограниченность горизонта событий. Кремлевские СМИ, прежде всего ТВ, не будучи связаны с повседневными интересами, проблемами и нуждами этих людей, превращаются в систему воспроизводства рутинных коллективных мифов, до-

ступных для понимания, но не проверяемых практическим опытом. Подобные мифы (образ враждебного окружения страны, внутренних врагов и т.п.) возникли еще в советские времена, они устойчиво воспроизводятся в качестве символов национального единства и легенды власти. Других общих представлений в этой среде и быть не может из-за отсутствия альтернативных каналов информации и авторитетных групп для интерпретации происходящего. В зоне домодерного социального капитала внутренних изменений не может быть, поэтому периферия оказывается хранилищем представлений предшествующей эпохи.

Но самым важным для понимания перспектив эволюции России следует считать сегодня антимодернизационный тип социального капитала. Антимодернизм как уклад жизни представляет собой смесь опыта существования при социализме или инерции советского образа жизни (приспособления к репрессивному государству и его практикам уравнилельной, распределительной экономики) с новыми идеологизированными формами, которые активно использует путинский авторитаризм, — религиозным фундаментализмом, компенсаторным русским национализмом, политическим консерватизмом. Этот образ жизни, включая характерное для советского человека двоемыслие, низкий уровень солидарности, политическую пассивность, запросы, ограниченные необходимостью выживания, исчезнуть сам по себе не может, так как этот жизненный уклад (и соответствующий тип социального капитала) обусловлен существующей территориально-отраслевой структурой экономики и расселения, отражающих характер советской модернизации. Эти группы, зависимые от социальной политики и обязательств государства, составляют базу путинского авторитаризма, они хранители советского прошлого, его символов, ценностей, праздников и ритуалов¹.

Период ельцинских реформ вызвал массовую фрустрацию, состояние социальной дезорганизации и аномии, рост массового недоверия к политике и отчуждения от нее. Возвращение к авторитаризму при Путине (подавление свободных выборов, независимых СМИ, ликвидация многопартийности) и частичное восстановление полу-патримониальной власти, недифференцированной, безальтернативной,

¹ О росте социальных выплат и сокращении удельного веса доходов от предпринимательской деятельности в России в последние годы см.: Николаев И. Больше социализма — http://www.gazeta.ru/comments/2012/06/05_x_4613793.shtml

требующей лишь аккламации, а не участия в политике, сопровождалось ростом массовой удовлетворенности и спокойствия населения, поддержкой режима, остававшейся почти неизменной на протяжении более 10 лет, вплоть до кризиса 2008 г., пока вновь не были серьезно затронуты массовые надежды на «добраго царя» и попечительскую роль государства.

Высокое доверие к персоналиям высшей, но авторитарной власти представляет собой перенос на «национального лидера» представлений, характерных для сферы домодерных отношений, что, естественно, парализует низовой уровень институциональной организации и тем самым блокирует модернизационное развитие целого. Низкое доверие в социальной сфере (к «незнакомым людям») говорит об отсутствии формальных институциональных норм регуляции — права, морали, гражданских институтов. Узкий радиус межличностного доверия компенсирует институциональные дефициты, но со своей стороны стерилизует потенциал универсализма и модерности. Сочетание разных типов социального капитала, образов жизни или сочетание этих пластов культуры и определяет эволюцию социальной системы в России².

5. Двойственность доверия к опорным институтам: власть, церковь, и армия. Опросы общественного мнения показывают, что «доверие» к социальным институтам совпадает с массовым признанием их символической «роли» — функциональной значимости в воображаемой картине реальности, их важности для поддержания социальной структуры и организации российского общества. Выражение подобного доверия предполагает и означает полный отказ индивида от участия в политике, от принятия на себя ответственности за происходящее в стране, городе или том месте, где живет индивид, абсолютное разделение политической сферы, понимаемой прежде всего как сфера утверждения отношений господства, и обыденной жизни основной массы населения (см. Приложение, рис. 1). Политика для российского обывателя не является областью солидарных отношений, участия и активности, включая взаимную ответственность, а лишь сферой проявления коллективной идентичности, общих символов.

Первое, на что приходится обращать внимание в интерпретациях результатов опросов общественного мнения относительно

² Подробнее об этом см.: Гудков Л. Социальный капитал и идеологические ориентации. К вопросу о векторах эволюции российского общества // Pro et Contra, 2012, том.17, май-июнь, № 55 (в печати).

СХЕМА ОСНОВНЫХ СВЯЗЕЙ ДОВЕРИЯ/НЕДОВЕРИЯ

репрессивной власти, это принципиальная двойственность понятий и модусов доверия, необходимость разведения «декларативного» и «операционального» кода поведения «доверяющих».

Ценностная оппозиция, возникающая перед нами, когда мы разбираем распределение социального доверия в российском обществе: «верховная власть, неподотчетная обычным людям», — «семья», низовая и традиционная форма элементарной социальной организации, отражает примитивность структуры российского социума и предполагает широкое распространение по отношению к незнакомым людям практического недоверия, обусловленного недееспособностью (с точки зрения обывателя) функциональных институтов или, точнее, обусловленностью их функционирования преимущественно интересами власти (см. схему).

Оппозиция «символические институты» — «функциональные институты» носит принципиально амбивалентный характер, знаки полюсов легко переворачиваются в ситуациях общественного кризиса (или искусственно вызванной ценностной провокации, например, опросов общественного мнения или принудительного публичного поведения). Так, падение доверия к первому лицу в 90-е годы сопровождалось некоторым ослаблением недоверия к функциональным институтам (например, к политическим партиям и общественным движениям, предполагающим личное участие, региональным властям, профсоюзам) и наоборот. Но в любом случае «цена» массового декларативного и публично демонстрируемого (в ситуациях выборов) доверия к власти очень невелика, поскольку выражение его не требует ответственности, и, стало быть, «личные издержки» и «затраты» такого поведения весьма невелики.

Правильнее было бы сказать, что подобное принудительное доверие к власти соединяется с глубоким равнодушием к политике и отчуждением от этой событийной сферы. Левада называл такое поведение «игрой в доверие»¹ («они делают вид, что работают для нас, мы делаем вид, что доверяем им»). Ценностная значимость такого доверия отличается низкой интенсивностью. Напротив, рутинное доверие между взаимодействующими в обычных и повторяющихся ежедневно ситуациях (а такое взаимодействие имеет место только в малых группах, прежде всего в семье или в межперсональных отношениях коллег, иногда — соседей) характеризуется публично неартикулируемой, но очень высокой ценностью и значимостью.

В политике подобную двойственность организованного институционального «доверия» можно увидеть в отношении к конкретным персонажам и публичным деятелям. Рейтинг первых лиц в государстве (с наведенной телевидением «харизмой», с навязанным пропагандой «доверием») превышает в 3 раза ближайшие по списку фигуры политиков — лидеров политических партий или влиятельных министров. Данный показатель не означает ни прагматической оценки результатов деятельности руководителей государства, ни одобрения, ни доминирования личной симпатии или каких-то других позитивных чувств. Этот эффект обусловлен исключительно влиянием статуса, занятием высшей социальной позиции. Его можно считать проекцией сильно эрозированного, но все еще традиционного, как бы «сакрального» и мифологического отношения к власти. Поэтому практические (как правило, негативные) высказывания о работе высших чиновников и министров всегда превышают показатели доверия

¹ Советский простой человек. М., Мировой океан, 1993, с. 31

к любому политику, кроме тандема (см. табл. 4: сумма ответов «нет таких» и «не интересуюсь политикой» колеблется от 21% до 35%, это больше показателей доверия к любому из названных политиков второго ряда). По существу, политическое поле представлено лишь фигурами, занимающими позиции высшей власти, и политиками из третьего ряда, не составляющими для них конкуренции. Поэтому массовое недоверие к политикам (или их низкий рейтинг) следует рассматривать как знаки отсутствия выбора. Между рейтингом первых лиц и рейтингами всех остальных лежит выжженная зона подавленной конкуренции: допустим, разрыв между Путиным и Жириновским, в 2006 году вчетверо больше рейтинга самого Жириновского.

А) Прагматический характер оценок функционирования власти. Несовместимость рационального и прагматически обоснованного доверия к первым лицам с мифологическими компонентами (символическим значением патерналистской или харизматической власти) сильнее всего проявилась в период правления Б. Ельцина. Первоначально на него проецировались очень сильные надежды и упования: в конце 1980-х — начале 1990-х годов он воспринимался как борец против партийной номенклатуры и плутократии, бюрократической советской мафии, как лидер демократических сил в России, как спаситель страны от заговора и путча ГКЧП, как герой (фигура на танке, зачитывающая свой судьбоносный указ), позднее — как самодержец, «царь Борис». Но мифологические составляющие его авторитета не выдержали острой публичной критики, исходящей от демократической печати, ТВ, публичного обсуждения каждого его шага. Иллюзии быстро рассеялись, чудо не состоялось. И авторитет Ельцина быстро сдулся. Свои иллюзии и надежды массовое сознание пыталось перенести на других политиков (А. Руцкого, А. Лебеда, Б. Немцова, Г. Явлинского, даже на Е. Примакова), и с каждым шагом все с меньшим эффектом, до тех пор, пока — уже при Путине (осенью 1999 г.) — восстановление цензуры и репрессивного аппарата политической полиции не отключили эти новые институциональные возможности публичной критики и оппонирования власти, рационального анализа действий руководства, вменения ответственности за совершенные ошибки и преступления. ТВ в 2000-е годы превратилось в безальтернативный источник информации для основной массы населения, в орудие кремлевской пропаганды и

политтехнологий. Благодаря этому «рейтинг» Путина устоял и был заморожен.

Уже самые первые социологические исследования, проведенные старым ВЦИОМ в 1989-93 годах, показали преобладание государственно-патерналистских установок у преобладающей массы россиян при одновременно весьма скептическом отношении к выполнению государством своих социальных обязательств¹. В 1990 г. свыше 60% населения заявляли, что большинство советских людей не смогут «прожить без постоянной заботы, опеки со стороны государства»². В 2011 г. доля таких ответов поднялась до 75% (см. Приложение, табл. 5).

Устойчивость подобных представлений, наблюдаемых уже более 20 лет, заставляет говорить об их функциональности, а это значит, что они воспроизводятся систематическим образом. 60-70% опрошенных выдвигают в качестве легитимирующего принципа государства и отношений власти и населения «заботу» о всех своих подданных и обеспечение им пристойного существования. Если на протяжении 90-х годов, в период проведения первых реформ тоталитарной системы сознание своей полной зависимости от власти еще можно было объяснять как-то «рационально» (равно как и недовольство политикой властей в связи с сокращением масштабов социальной политики из-за отсутствия доходов государства), то в 2000-е годы подобные интерпретации должны были быть отброшены. Проведенная приватизация государственных предприятий, сокращение численности занятых в госсекторе и рост частного предпринимательства, казалось бы, должны были существенно ослабить подобные представления, однако никаких изменений в массовом сознании в этом плане не произошло. Вместе с тем абсолютное большинство россиян заявляет, что в своей повседневной жизни рас-

¹ [Левада Ю.] «По сути дела, это охранительные, контрольные функции, исполняемые как будто в порядке неустанный «отеческой заботы» о подданных. ... В плане эмоционально воспринимаемой символики, возможно, в силу российско-исторических традиций (то, что Николай Бердяев называл «бабьим характером русского народа») да еще пристрастия к оруэлловскому превращению смыслов, система жесточайшего насилия выступала — и более того, воспринималась! — как выражение «материнской» заботы (образ «матери-Родины», но не как «отца»; роль последнего исполнялась лидером, вождем). <...> «Отеческое» государство не пригодно для исполнения тех социально-организующих функций, которые несут западные государственные структуры: это не государство в современном смысле термина». - Советский простой человек, М., 1993, Мировой Океан, с. 16.

² [Левада Ю.] «Экономическая основа подобных суждений очевидна: более двух третей населения зависят от государственных предприятий и пособий». - Там же, с. 18.

Таблица 4

НАЗОВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, 5-6 ПОЛИТИКОВ, КОТОРЫМ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЕТЕ? (приводятся данные о доверии к политикам, названным хотя бы в одном замере не менее 5%; всего названо более 20 персоналий; ранжировано по 2008 г.)

Год, месяц опроса	2006	2007	2008	2009	2010	2011
В. Путин	46	61	60	55	49	41
Д. Медведев	14	21	42	43	40	31
С. Шойгу	20	18	14	17	13	12
В. Жириновский	9	11	9	11	11	16
Г. Зюганов	8	8	7	10	8	15
С. Иванов	16	21	7	4	4	1
В. Матвеев	6	7	7	7	5	3
Ю. Лужков	6	7	7	5	1	1
С. Миронов	2	6	4	5	3	10
Патриарх Кирилл	-	-	-	-	10	6
Нет таких	19	7	12	13	15	15
Не интересуюсь политикой	14	13	9	12	15	15
Затруднились ответить	7	5	6	5	6	5

В % от числа опрошенных, N=1600, декабрь соответствующего года

Таблица 5

НА ЧТО ВЫ СЕЙЧАС БОЛЬШЕ ВСЕГО РАССЧИТЫВАЕТЕ?

Год и месяц опроса	1992	'93	'96	'97	'98	'99	2003	'04	'08	'09	'11
	VIII	III	V	IV	VI	II	XII	II	IV	IX	X
на собственные возможности и силы	80	70	72	77	78	80	78	81	79	74	74
на социальную защиту и поддержку со стороны общества, государства	20	19	21	15	17	13	18	16	18	24	24
затрудняюсь ответить	—	11	6	8	4	7	3	4	3	2	3

считывает исключительно на свои силы и ресурсы, не полагаясь на государство и не веря в то, что власти будут выполнять свои обещания. Значимость декларативной нормы «государство должно больше заботиться о людях» за прошедшие 20 лет лишь усилилась по мере сокращения объемов социальных обязательств и общей деградации социальной сферы: число разделяющих это мнение увеличилось с 57% в 1990 году до 80-83% в 2007-2011 годах; напротив, доля считающих, что «люди должны сами проявлять инициативу и заботиться о себе» снизилась за тот же период с 25% до 9%¹.

Зондажи общественного мнения, нацеленные на определение прагматических оценок деятельности власти любого уровня, чаще представляют преобладание явно негативных суждений о работе правительства, чиновников, реализации национальных программ, политики «модернизации» и т.п. Большая часть

россиян (график 1) уверены в том, что политики (или чиновники²), «люди во власти» заняты лишь собственным обогащением или сохранением своего положения, преследованием исключительно собственных эгоистических и меркантильных интересов³. Две трети россиян (65%, декабрь 2010 г.) полагают, что большинство политиков занимается политической деятельностью только ради личной выгоды» (29% не согласны с этим). 39% уверены, что руководители государства и высшие чиновники,

² Люди с трудом различают их статус и функции, и это в общем и целом совершенно правильно, поскольку провести границу между федеральными функционерами и чиновниками более низкого уровня, назначаемыми губернаторами или депутатами региональных законодательных собраний, сенаторами или представителями регионов и обратно, в условиях путинизма нельзя в принципе.

³ Единственным исключением за время наблюдений был момент выборов нового президента страны – Д.Медведева в 2007 году, когда появилась некоторая надежда на новое руководство или перспектива новой, более либеральной политики, но эти надежды очень скоро были признаны несостоятельными и привычное распределение мнений восстановилось.

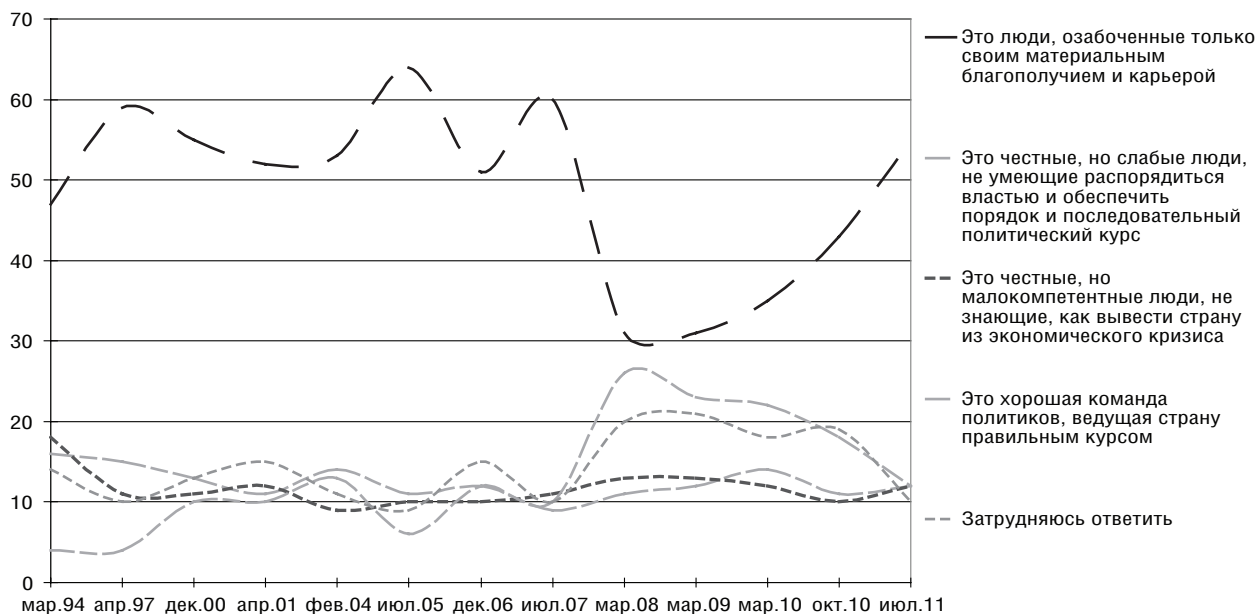
¹ Пресс-выпуск Левада-Центра от 25.10.2011. – www.levada.ru

описывая положение дел в важнейших сферах общественной жизни (экономике, здравоохранении, пенсионном обеспечении, преступности, управлении и т.п.), «всегда» или «в большинстве случаев лгут, скрывают правду», еще 35% полагают, что высшие руководители государства «иногда лгут, иногда говорят правду» в зависимости от ситуации и собственных интересов, и лишь 21% всегда или, как правило, верят им. Если взять самые последние опросы, то мы увидим, что 84% опрошенных россиян считают, что «политики занимаются политической деятельностью только ради личной выгоды», не согласны с этим лишь 11%; 59% отрицательно оценивают деятельность депутатов российского парламента и нынешнего, и предыдущего созыва, одобряют их лишь 19%, остальные затрудняются с ответом, и т.д. (ноябрь 2011 г.). При этом резко критическая оценка конкретных людей во власти сочетается с позитивным отношением к роли государства в целом и ожиданием попечительской социальной политики с его стороны, а также с явно антилиберальной установкой на усиление влияния государства в общественной и экономической сферах (последнее выражается в постоянных требованиях национализации приватизированных ранее отраслей промышленности и земли или, по крайней мере, крупных предприятий и фирм, находящихся сегодня в частной собственности). Степень «реалистичности» или фактической обоснованности подобной оценки не должна вводить в заблуждение, это такие же априорные оценки, как и оценки деятельности первых лиц

государства – Путина или Медведева. Поэтому мы имеем дело с мнимым противоречием. Правильнее было бы говорить о сочетании двух планов восприятия реальности как производном от ясного сознания массой россиян принудительного удержания монополии на власть действующими группировками, узурпирующими средства принуждения населения к повинности и покорности. Разрыв между **должным или идеальным порядком** (демократическими процедурами смены власти, правовым государством, ответственности политиков перед обществом, защитой Конституции, меритократическими принципами подбора кадров чиновничества и т.п.), и **действительным** положением вещей (административным произволом, семейственностью, круговой порукой чиновников, монополией на насилие и т.п.) массовым сознанием воспринимается как непреодолимый и практически неизменяемый (табл. 6). Именно это и определяет иерархический порядок разделения реальности на различные **модальные** зоны, где действуют разные партикуляристские нормы доверия, представления порядочности, доброжелательности и готовности к кооперации.

Массовые представления о роли государства и соответствующие ожидания сводятся к тому, что «власти должны заботиться о населении», обеспечивая его основные потребности – работы, жилья, прожиточного минимума, социального обеспечения, образования и т.п., а население обязано поддерживать власть, работать, защищать «интересы государства», «сознательно» принимая все, что государство от

График 1
КАК ВЫ РАСЦЕНИЛИ БЫ ЛЮДЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ СЕЙЧАС У ВЛАСТИ?

него требует, как «исполнение своего патриотического долга» или гражданских повинностей. Сами по себе эти нормы уже апеллировали к до-современному коду и порядку отношений, лишенному эквивалентности, договорности, участия, взаимной ответственности и другим правилам и ценностям современного общества. Реально же эти взаимные ожидания властей и населения никогда не оправдывались, и даже система жесткого принуждения и террора в 1930-50-е годы давала здесь очень ограниченный эффект. Принудительная бедность (или «скромность») существования, умеренность запросов населения оборачивается лукавостью крепостного сознания, демонстрирующего лояльность власти, приверженность ее лозунгам, но предпочитающего ценности частной семейной жизни, ограничивающегося горизонтом этих событий и отношений. Людей, прошедших жесткую школу существования в условиях репрессивного и лживого государства, никак нельзя заподозрить в наивности или простоду-

шии. Они ясно понимают, как должен был бы строиться порядок в правовом и справедливо устроенном государстве, с одной стороны, и на чем он реально выстроен, с другой (табл. 6). Опыт приспособления к постоянному насилию и ежедневной государственной лжи сводится к тому, что навыки владения приемами «демонстрации доверия», «игры в доверие» и «игры в искренность», «доброжелательность» становятся обычным церемониальным кодом социальности в отношениях с властью или теми, кто располагает ресурсами физического или психического принуждения, то есть используются как способы защиты от органов управления, от любых стоящих выше индивида по социальной лестнице.

Это означает, что прагматическое отношение к политике несовместимо с символическим, традиционалистским планом восприятия власти и доверия к ней. Патернализм власти блокирует заинтересованность в формировании правового государства, политику вестернизации, про-

Таблица 6

НА ЧЕМ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ДЕРЖИТСЯ СЕЙЧАС ВЛАСТЬ В РОССИИ?

Власть держится на...	Сейчас держится	Должна держаться	Разница
круговой поруке чиновников, их коррумпированности	33	1	+32
всей мощи государственной машины, работающей только на интересы власти	30	4	+26
поддержке избирателей, надеющихся на улучшение своей жизни со стороны власти	26	22	-4
зависимости всех органов власти от главы государства	24	6	+18
поддержке избирателей-налогоплательщиков, нанимающих власть на определенный срок для обслуживания общих интересов	23	20	-3
неподконтрольности представителей власти обществу и пренебрежении ими законов	23	3	-20
людях, привлеченных во власть по принципу личной преданности	21	13	+8
страхе людей перед властью и их бессилии в отстаивании своих интересов	19	1	+18
манипулировании общественным мнением	16	1	+15
соблюдении Конституции	14	52	-38
людях, привлеченных во власть по их профессиональным и личным достоинствам (талантам, способностям, инициативе)	9	28	-19
государственной системе, созданной и работающей в интересах общества	9	46	-37
свободных людей, осознающих свои интересы и умеющих их отстаивать	9	27	-19
контроле над собственниками	6	8	-2
поддержке со стороны общественного мнения	6	12	-6
свободных собственниках	5	4	+0.6
подконтрольности обществу и строгом соблюдении законов	4	31	-27
независимости и строгом разделении функций и полномочий всех ветвей власти, их взаимном контроле друг друга	3	13	-10

2010, июль, N=1600; ранжировано по оценке «сейчас держится».

ведение экономических и социальных реформ, без которых невозможно быстрое развитие экономики и повышение уровня жизни населения, нормализация жизни. Однако критическое отношение в массовом сознании не исчезает, а переводится в другой модальный план, не связанный с возможностями практического действия, что, в свою очередь, подавляет мотивацию собственной активности действующего. Любые прагматические оценки эффективности функционирования и социальных и политических институтов, включая и массовые практические оценки деятельности В. Путина или Д. Медведева, говорят о трезвом понимании населением сути их правления и о низкой удовлетворенности результатами их политической деятельности: за эти годы у страны не было каких-либо существенных достижений. Впрочем, за двумя исключениями: а) относительно большая часть опрошенных (35–40%) отметила, что за годы путинского правления несколько повысился уровень жизни населения (благодаря высоким ценам на нефть); б) Путин восстановил авторитет России на международной арене, как полагает абсолютное большинство.

Б) Церковь. Если взять данные докризисных (2007 года) опросов как отражающие более стабильный характер распределения, то мы увидим, что наибольшую степень доверия по отношению к церкви высказывают жители небольших по размеру населенных пунктов, а также сел (около 50%), в то время как среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга лишь 31% считает, что «церковь вполне заслуживает доверия». Уровень доверия к РПЦ значительно выше среди менее образованной части населения: максимум заявленного доверия приходится на группы со средним и ниже среднего образованием (около 44–45%), тогда как с высшим образованием — 32%. Чем моложе респонденты, тем чаще они доверяют церкви, минимум приходится на поколение «перестройки» (40–50-летних — 38%). Высокообразованные и пожилые люди, опять-таки москвичи, в целом относятся к церкви скорее настороженно, здесь максимум негативных ответов; напротив, максимум позитивного отношения к церкви — в селе и малых городах (табл. 7).

Характер столь высокого декларируемого доверия к церкви¹ в обществе, давно секуляри-

¹ Речь идет в первую очередь именно о декларативном доверии и уважении к РПЦ. Сама мысль о том, что церковь может иметь какое-либо иное влияние, кроме «нравственного», вызывает решительное неприятие абсолютного большинства россиян (в том числе — и большинства православных верующих). Большинство опрошенных против того,

зованном и отличающемся высокими показателями массовой аномии, объясняется тем, что церковь номинально восполняет ценностный дефицит после длительного периода всеобщего имморализма и страха. Общество (но по инициативе властей, еще в ельцинское правление) выдало РПЦ кредит доверия на восполнение утраченных традиций и нравственных ориентиров.

Однако церковь — и это важно! — и не пыталась всерьез предпринимать каких-либо практических шагов в этом направлении, сознавая абсурдность и нереалистичность подобных целей. Ограниченность интеллектуальных, образовательных и культурных ресурсов данного института (в отличие от протестантских или католической церкви, а тем более — иудаизма) может служить объяснением того, что в России так и не появилось новых интерпретаций старых традиций, а это была единственная возможность в нехаризматическую эпоху дать смысловые ответы на вызовы времени. Задачи миссионерской работы среди населения были подменены претензиями на духовное господство священников над «русским народом». Церковь довольствовалась тем, что навязала обществу имевшиеся у нее (традиционалистские по виду) обрядовые и догматические суррогаты религиозного понимания жизненных проблем, даже не стараясь особенно скрывать скудоумие готовых рецептов и своих решений реальных нравственных коллизий, возникающих в постсоветской действительности. Благодаря своим связям с властями («симфонией» государства и церкви), а фактически — с помощью спецслужб и МВД устранив основных своих конкурентов (баптистов, свидетелей Иеговы, пятидесятников, евангелистов и др.), РПЦ заняла монопольное положение на рынке религиозных услуг и предалась разработке соответствующих массовому спросу медиальных и пропагандистских продуктов. Это позволило ей претендовать на соответствующую институциональную роль и получать привилегии и блага, связанные с занятием высоких социальных позиций и получением связанных с ними привилегий.

чтобы РПЦ играла какую-либо политическую роль или пользовалась поддержкой государства, вмешивалась в повседневные практические дела семьи или навязывала свое понимание во многих вопросах частной жизни. Несмотря на видимый рост числа православных, ставших с конца 90-х годов доминирующим большинством в населении России, больше половины россиян, считают, что основная масса верующих следует моде или ведет себя как «все» их окружающие, а не потому, что они искренне и глубоко уверовали. — См.: Зоркая Н. Православие в безрелигиозном обществе // Вестник общественного мнения, 2009, №2, с. 66–85.

Таблица 7

ДОВЕРЯЕТЕ ЛИ ВЫ ЦЕРКВИ?

<i>Возраст</i>	16-24 лет	25-39 лет	40-54 лет	от 55 лет и старше
вполне заслуживает	48	40	38	44
не вполне заслуживает	13	19	21	15
совсем не заслуживает	7	11	11	16
Соотношение вполне доверяющих и совсем не доверяющих	6.9	3.6	3.4	2.7

<i>образование</i>	высшее	среднее	ниже среднего
вполне заслуживает	32	44	43
не вполне заслуживает	22	18	15
совсем не заслуживает	23	9	10
Соотношение вполне доверяющих и совсем не доверяющих	1.4	4.9	4.3

<i>размер населенного пункта</i>	Москва, Санкт-Петербург	большие города	средние города	малые города	Села
вполне заслуживает	31	31	38	51	46
не вполне заслуживает	20	23	20	15	14
совсем не заслуживает	17	11	16	5	13
Соотношение вполне доверяющих и совсем не доверяющих	1.8	2.8	2.4	10	3.5

2007, в % к числу опрошенных, N=1600

Сама по себе РПЦ никогда бы не смогла приобрести такое широкое влияние на общество, но постсоветская власть, испытывая острый дефицит легитимности и признания, нуждалась в соответствующих услугах церкви. Из-за слабеющей поддержки населением политики реформ правительство Ельцина, скорее инстинктивно, чем сознательно, было вынуждено обратиться к тем ресурсам традиционализма (политического, нравственного, культурного, интеллектуального догматизма), которыми располагала церковь – самый консервативный и архаический из всех существующих в стране социальных институтов. Из всего множества религиозных организаций, оживившихся в период перестройки и краха СССР, свое влияние сохранили только те, которые получили официальное государственное признание, так называемые «традиционные религии» России. Но именно РПЦ заняла в этой сфере монопольное положение. Русская православная церковь московской патриархии стала институциональным суррогатом массовой морали.

Резкое повышение социального статуса РПЦ, претендующей на то, чтобы быть единственной инстанцией в вопросах представления «русской цивилизации», хранителем и выразителем национальных традиций, стало возможным только в ситуации отсутствия групп – но-

сителей авторитета. С приходом на престол патриарха Кирилла церковь все настойчивее заявляет, что лишь она, «тысячелетняя» хранительница русской «духовности» или мистических ценностей русского народа (даже не государство), имеет право судить о легитимности тех или иных социальных форм. Ее смысловые ресурсы – обрядовое (магическое, но не мистическое, не теологическое православие), готовность слабого населения, пребывающего в состоянии длительной или хронической аномии, ценностно или этически дезориентированного, к безропотному и нерассуждающему повиновению фундаменталистски настроенным, в большинстве случаев – менее образованным, чем население в среднем, священникам, которые исповедуют этнически акцентированную государственную религию.

В) Армия. Очень схожие с отношением к церкви тенденции отмечаются в распределении массового доверия/недоверия к армии. Армия в России – это институт, навязывающий обществу образцы солидарного, консервативного, иерархически-командного устройства социума. Армия наглядно представляет символическую – парадную – государственную мощь, воплощает в себе дух героического прошлого, имперскую культуру великой державы, этику самопожерт-

ования, доминирование коллективных ценностей над ценностями частной и обыденной жизни. Но и в этом случае в массовом отношении к армии приходится выделять символический (героический, мифологический) план и план практического, рационально обоснованного поведения.

Символический потенциал армии наполнен верой в то, что российская армия (даже в ее нынешнем жалком виде после утраты боевого и морального духа, веры в правоту своего дела и служения) способна защитить страну в случае вражеского нападения. А такого рода страхи – чрезвычайно важные функциональные компоненты и массовых комплексов и фрустраций, и структуры национальной идентичности. Механизмы разгрузки от подобных страхов, в частности – вера в армию, оказываются факторами, определяющими массовую лояльность к «мудрой» и дальновидной власти как силе, стоящей на страже общих (национальных) интересов безопасности. Тем самым, «доверие к армии» входит в общую легенду о России как стране, живущей в перманентном состоянии «осажденной крепости». Однако, милитаристская, имперская, экспансионистская мифология исторического прошлого никак не отменяет негативного, резко отрицательно отношения

к реальной российской армии, недоверия родителей, имеющих сыновей призывного возраста, к положению дел в армии и заявлениям высших офицеров или командования вооруженных сил. В российском общественном мнении утвердились представления о том, что армия разлагается, страдает от дедовщины, коррупции и произвола офицеров. Матери, особенно из более благополучных и обеспеченных, более образованных слоев, категорически не хотят, чтобы их сыновья шли служить. Общество в целом сознает и полную корпоративную безответственность офицерского корпуса за жизнь рядовых солдат, и политическую безответственность генералитета за военные действия на Кавказе, несправедливость участия в подобных боевых действиях подневольных молодых людей, лишенных выбора и свободы¹.

Самое сильное недоверие к армии высказывают жители Москвы и Санкт-Петербурга (33%, в малых городах и селе – вдвое меньше, 15-17%). Только 13% опрошенных в обеих столицах считают, что армия вполне заслуживает доверия (в селе таких ответов втрое больше – 39%, в малых городах – 37%). Россияне с высшим образованием в полтора-два раза чаще, чем менее образованные группы, настроены критически по отношению к институту армии.

Таблица 8
ДОВЕРЯЕТЕ ЛИ ВЫ АРМИИ, ВООРУЖЕННЫМ СИЛАМ РОССИИ?

<i>возраст</i>	16-24 лет	25-39 лет	40-54 лет	от 55 лет и старше	
вполне заслуживает	32	32	30	29	
не вполне заслуживает	27	25	33	35	
совсем не заслуживает	18	22	21	19	
Соотношение «вполне доверяющих» и «совсем не доверяющих»	1.8	1.4	1.4	1.5	

<i>Образование</i>	высшее	среднее	ниже среднего		
вполне заслуживает	24	32	31		
не вполне заслуживает	35	29	31		
совсем не заслуживает	30	19	16		
Соотношение вполне доверяющих и совсем не доверяющих	0.8	1.6	1.9		

<i>размер населенного пункта</i>	Москва, Санкт-Петербург	большие города	средние города	малые города	села
вполне заслуживает	13	30	23	37	39
не вполне заслуживает	37	34	30	30	25
совсем не заслуживает	33	14	29	15	17
Соотношение вполне доверяющих и совсем не доверяющих	0.4	2.1	0.8	2.5	2.2

¹ Гудков Л. Абортивная модернизация, М., РОСПЭН, 2011, с. 156-176.

Нерационализируемое, табуированное привычным страхом репрессий отношение к государству как квазисакральной сущности, представленное в виде остаточного патернализма и доверия к «вождям», руководителям высшего ранга, сочетается с современным и практическим, стойким недоверием к тем властным институтам, которые определяют повседневную организацию практической жизни большинства людей, — суду, региональным и местным властям, милиции, а также профсоюзам или политическим партиям, могущим, казалось бы, представлять и защищать интересы граждан¹.

Если преобладающая часть социальных институтов, как говорилось, рассматривается как продолжение старых, советских структур (ФСБ, прокуратура, суд, полиция, парламент, региональные и местные власти и проч.), а потому пользуется условным доверием и легитимностью, то новые структуры оказываются под сильнейшим подозрением, отношение к ним окрашено рессантиментом и неприязнью. Частный бизнес, гражданские организации или иные негосударственные социальные новообразования последних двадцати лет, выпадающие из привычной картины планово-распределительной, централизованной государственной экономики, наталкиваются на сильнейшее недоверие населения (прежде всего, населения бедной и депрессивной периферии, где новые рыночные отношения не сформировались или представлены еще в своем примитивно-хищническом виде) и воспринимаются как нелегитимные, мошеннические и полукриминальные, даже если они формально не преступают закон². Особенно это касается

¹ Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Российская судебная система в мнениях общества // Вестник общественного мнения, 2010, №4; Хахулина Л. Доверие бизнес-сообщества арбитражным судам и оценка арбитражной судебной системы // Вестник общественного мнения, 2010, №4.

² Стойкое недоверие к организациям гражданского (третьего) сектора и практически полный отказ от их поддержки в какой-то степени объясняется и стойкой идиосинক্রазией населения к практике государственного принуждения к участию в псевдо-добровольных («добровольно-принудительных») институтах тоталитарного режима, к выражению лояльности власти через имитацию добровольности, демонстрации «народного волеизъявления» — к участию в пионерских, комсомольских организациях, ДОСААФ, Красном Кресте, обществах пожарников, спасения на водах, защиты лесов, спортивных, ветеранских или любительских союзах. Скептическое отношение россияне проявляют и к деятельности суррогатных организаций, типа федеральной Общественной палаты или ее аналогов в регионах, равно как и к другим таким же формам государственной имитации попыток самоорганизации общества. Несмотря на признанный авторитет некоторых НПО, таких как, например, «Солдатские матери» или «Мемориал», большая часть организаций гражданского сектора дискредитирована властью и воспринимается населением явно негативно. Поэтому принимают систематическое участие в той или иной общественной организации менее

крупного бизнеса, тесно связанного с высшими кругами руководства страны, в меньшей степени — среднего и малого бизнеса.

Резко негативное отношение, или, точнее, — недоверие населения к финансовым институтам обусловлено тем, что на протяжении 1990-х годов власти, вне зависимости от своих партийных или политических пристрастий, многократно обманывали людей, обесценивая накопленные сбережения старших поколений, принудительно меняя курс рубля для того, чтобы снизить давление государственного долга перед населением и т.п. Последствия этого оказались весьма тяжелыми для экономики страны и перспектив ее развития. Несмотря на то, что у определенной части населения есть сбережения, и довольно значительные (в целом эквивалентные сумме иностранных инвестиций в российскую экономику), обеспеченные россияне не торопятся вкладывать их в ценные бумаги или доверять коммерческим банкам. Как и частный бизнес, большинство состоятельных людей при действующей правовой и судебной системе не доверяют свои деньги ни инвесторам, ни государству, ни предпринимателям. Российская экономика в большой степени развивается за счет спекулятивных денег, краткосрочного кредита, не позволяющего реализовать большие проекты без государственного (бюрократического, коррупционного) обеспечения и гарантий.

Иначе говоря, наибольшее сомнение вызывают новые, недавно созданные или «перелицованные», структуры власти, лишенные либо привычной легитимности давно существующего порядка (насилия), либо легитимности советской, идеологической. Социальной базой опорных институтов нынешней политической системы являются группы более инертные, обладающие ограниченными социальными и культурными ресурсами. Однако установки именно этого сегмента российского социума, проявляющиеся в иерархических представлениях о социальной структуре, равно как и в еще более архаической, стертой семантике сакральности высшей власти, характерной для домодерной периферии (России-3 и России-4, в категориях Н. Зубаревич³), актуализируются в периоды общественного возбуждения. Как это было в кризисные и переломные моменты 1989-92 и в 1998-1999 годов, они выходят из обычного латентного состояния на первый

¹ населения, хотя формально числятся членами какой-либо общественной организации или союза около 10% взрослого населения.

³ См.: Зубаревич Н. Цит. соч., сноска 30.

план, провоцируя ожидания харизматического спасителя.

6. Незавершенная десакрализация власти и государства. Представления об амбивалентной природе «доверия к власти» в России и ее устойчивости заставляют видеть в их структуре пласты гораздо более давних, если не сказать — архаических, а значит — мало изменяемых, традиционно передающихся представлений. Мы имеем дело с эффектом длительной, но далеко не завершенной десакрализации государства (если понимать сакральное в старом значении этого слова — как священное и проклятое).

Иррациональный характер сферы власти защищает ее от прагматического отношения и критики. Диффузное недовольство властью, которое раз за разом выражает от 20 до 25% населения, является лишь фактором стабильности системы, поскольку отводит раздражение в безопасные формы эмоциональной разрядки («разговоры на кухнях»). Критика коррупции, неэффективности, мафиозного или криминального, неправового характера российского руководства страны не касается сущностной стороны значений власти, а лишь указывает на несоответствие эмпирических проявлений власти ее традиционным для населения или стертым, непроявленным, давно забытым людьми смыслам.

При этом символическое значение власти, ощущаемое членами сообщества, но не могущее быть артикулируемым и рационализируемым в силу традиционных способов воспроизводства этой семантики, заключается в том, что ценности (блага) в обществе всегда распределены не равномерно, а иерархически. Полнота всех мыслимых достоинств и добродетелей, а соответственно, прав или привилегий сосредоточены «наверху», у обладателей высших социальных статусов (благородного сословия, руководства, начальства), тогда как внизу — лишь «подлый народ», недееспособное население, подлежащее управлению и «воспитанию» со стороны властей, вождей, национальных лидеров, диктаторов. При отсутствии открытой конкуренции за власть этот порядок может испытывать определенные напряжения, связанные с массовым недовольством деятельностью властей. Однако подобное недовольство не означает перехода к активным действиям по замене одного состава руководства другим именно в силу традиционного характера отношения к власти. «Бунт» в таких случаях направлен только против личности «главного визиря»,

а не против «султана», функция которого — воплощать надличный традиционный порядок в мире. Другими словами, под современными формами политического устройства России скрываются отношения, характерные для XVI–XVII веков.

«Сакральный», или иррациональный, статус власти означает, тем самым, закрытость легитимных, смысловых оснований этой власти от понимания, от рационализации и, соответственно, от «расколдовывания», от критики и отказа в признании, что, собственно, и разрушало бы иерархическую структуру господства. Чтобы снять этот защитный ореол власти, необходимо понять, в чем, собственно, заключается семантика этого табу, этой неприкосновенности или «божественности» власти, господства. Воспользуемся для наших целей опытом разбора «сакрального», который дан в интересной и поучительной для нас старой работе немецкого теолога Р.Отто «Священное» (она написана в 1917 и не так давно впервые издана у нас в стране)¹.

Оригинальность подхода Отто заключается, прежде всего, в том, что он отказывается от статического, предметного (или догматического, структурного) изложения сущности сакральности или представлений о сакральном. Он переводит анализ в феноменологический план, описывая проявления сакральности или особенности ее восприятия. Такой подход методологически очень верен: о божестве или сакральном можно говорить только через проявленность воли или силы божества, поскольку божественное или сакральное нельзя описывать в статических или объективных категориях, оно может проявиться только через *воздействие* божественного. Божественное (сакральное), по мнению Отто, не допускает выражения в рациональных категориях и понятиях. Оно может быть схвачено лишь через «свое» проявление, через сопутствующие ему признаки особых психических состояний — религиозного *подъема*, *воодушевления* (с. 116 цитируемого сочинения), *энтузиазма*, переживания необыкновенного, необъяснимого *волнения*, а главное — при возникновении у субъекта этого переживания некоего чувства, близкого к чувству *«тварности»*, ощущения собственной *зависимости* от того, что выше всякого творения, или *осознания собственной ничтожности* перед лицом «объективного» *величия и всемогущества* божества, не-

¹ Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008.

соизмеримости себя (Я) и «высшего начала», что заставляет склониться с трепетом и страхом перед его «гневом» и «ревностью», с ужасом перед необъективируемым, но символизируемым каким-то образом обладателем божественных начал, с экстатической любовью к сакральному объекту. Именно эти признаки или характеристики «сакрального» Р. Отто соединяет в понятие «нуминозного», описывающее опосредующие отношения сакрального и человеческого. Отто полагает, что чувство тварности представляет собой ответную реакцию на проявления нуминозного (там же, с. 118). Однако я бы, с точки зрения социологии, рассматривал эту причинно-следственную цепочку прямо противоположным образом: сознание собственной ничтожности и смирения есть условие «откровения» сакрального — человек должен бесконечно умалить себя для того, чтобы артикулировать или объективировать то, что выше всего профанного и повседневного.

Сакральное, как утверждал Э. Дюркгейм, это перенос значений общества (социального целого) в трансцендентную сферу, в данном случае сопровождаемый нуминозными, как их называет Р. Отто, переживаниями. Разрыв с обычным, привычным, традиционным и нормативным дает эффект «аномии», который и порождает страх, чувство оставленности, покинутости, трепета, ужаса перед возникающим всемогуществом, чувство, что за тобой наблюдают, ведут, что твоя воля оказывается в поле тотального контроля, слежения, а ты сам уже не принадлежишь себе. Элиминация привычного и нормального порождает эффект пустоты значений отдельного человека, молчания его собственных достоинств и ценностей, величия власти и несоизмеримости с ним частного существования, громадности и всеислия государства, в условиях которых субъекту остается воспринимать себя как бесконечную малость. Это и есть главное, что достигается подобной практикой, — безусловная зависимость субъекта опосредована безусловным превосходством объективно «нуминозного».

Иначе говоря, мы имеем дело с процедурами последовательного переворачивания повседневных ценностных приоритетов, дисквалификацией привычных ориентиров и определений реальности, обеспечивающими утверждение, «объективацию» или «репрезентацию» высших ценностных значений, объектов веры не просто в надындивидуальные, а в надколлективные сущности, гипостазирование их в качестве составляющих моментов коллективных мифов

и верований. Важно подчеркнуть, что это не какое-то мистическое блуждание или поиск, а институционализируемая структура действия, ориентированная на предзаданный результат — возвышение коллективных символов веры. Поэтому «страх», или «священный трепет» перед государством (великой державой, супердержавой, великим и ужасным ЦК КПСС, КГБ или их персонификациями) это не боязнь наказания, а предвосхищение несоизмеримого и слишком высокого, значительного, а потому непостижимого и, тем самым, таинственного. В ситуации переживания нуминозного (или нуминозного переживания как такового — восторга и ужаса), индивид лишается собственной воли. Он не принадлежит себе, он чувствует себя не только под надзором высших сил, но и в сфере, несоизмеримой со всем, что было ему дано ранее в его эмпирическом опыте.

Собственно, это пустое (то есть чисто структурное, без содержательного наполнения) значение нуминозности власти и образует главную, важнейшую часть семантики суверенитета российской власти, ее самодостаточности или безосновного произвола, то есть способности принимать решение в ситуации, определяемой как внеправовая, по К. Шмитту¹. Любое содержательное наполнение власти (законодательное, идеологическое, политическое и проч.) предполагает ограничение этой автономности или суверенности господствующего. Поэтому, когда в дело вступают конкретные и прагматические интересы акторов, взаимодействующих с «властью», ее представителями или инстанциями государства, немедленно включаются механизмы негативной идентификации, начи-

¹ Ср. изменения семантики заимствованного слова «кураж» — от воинской или иной храбрости до демонстративного насилия над другими («куражиться над кем-то»). В этом, кстати говоря, символический смысл 5%-ных фальсификаций на выборах в путинскую эпоху, вызывающих недоумение иностранных аналитиков («Зачем фальсификации, если Путин или его «Единая Россия» и так имеет преобладающее большинство голосов?»). Фальсификации в данном случае имеют не столько узко прагматический характер, сколько это символ, знак демонстративного насилия, являющегося неременным атрибутом власти, ее наглости или ее суверенности. Но чтобы быть признанным, это насилие должно быть связанным с социальной иерархией, то есть принадлежать исключительно представителям самых высших социальных позиций, входить в семантику власти. Без подобной связи с высшей властью насилие воспринимается населением (средними и низовыми слоями) как криминальное и нелегитимное, как злоупотребление, произвол или мошенничество. Поэтому основная часть населения России никак не реагировала, например, на явно неправовую ситуацию и с рокировкой (46% опрошенных не видели в этой конституционной махинации «ничего особенного», а еще — 25% — считали, что это нормальный порядок передачи власти), как во многих других подобных случаях равнодушного восприятия административного произвола.

нается игра с властью, возникает феномен неполной лояльности и образование некоторого пространства торга, коррупции, «неполноты доверия» ей.

Следует подчеркнуть, что переживания такого рода возникают и осознаются как не подчиняющиеся самому индивиду, как захваченность извне, произвольность этих состояний. Такие состояния коллективного взаимодействия воспринимаются как наполненные высшими смыслами, проявляющими «сущность» вещей и самого человека, как «самость» индивида. Санкционируемые подобным образом значения коллективности, целого, социального порядка получают мощнейший иммунитет от рационализации, закрываются от индивидуального, частного сомнения и критического посягательства на авторитет тех сил или лиц, институтов, которые персонифицируют или символизируют это целое. (Примером этого может служить политтехнологическое оперирование с мифом или образом Сталина, сакрализация войны, превращение ее в национальное торжество вместо того, чтобы расценивать ее как национальное несчастье, бедствие и грязное дело, в которое втянули целый народ его бесчеловечные руководители.)

Специфичность «сакрального» (нуминозного) отношения к власти заключается в том, что любые значения, и прежде всего — значения частной жизни, обстоятельств существования индивида, отдельного человека, девальвируются в перспективе, заданной нуминозным объектом (властью). Это как бы прибор обратной перспективы, бинокль, если смотреть в него с обратной стороны. Поэтому возникающая при этом иррациональность власти блокирует процессы дифференциации и ролевое определение носителей власти или их спецификацию. Невыразимость значений власти (иррационализм) указывает на ритуальный характер отношения к ней. Эти значения могут артикулироваться только в церемониалах (включая и телевизионное шоу — военные парады, выступления первых лиц, богослужения), а в повседневной практике оказываются равноценными голому насилию, принуждению, неподчиненности чиновника здравому смыслу или маленькому человеку (подзаконные процедуры всегда приоритетны перед более высокими, но формальными законами). Отсюда нынешняя близость первых лиц, всего госаппарата, депутатского корпуса к церкви, все более выступающей в качестве магического средневекового института, владеющего волшебными средствами воздей-

ствия на мир.

Напротив, практическое, прагматическое и трезвое отношение к нынешней власти становится возможным только при «взятии в скобки», нейтрализации нуминозной установки сознания. Эта часть структуры массового сознания (другой, частный или субъективный, план структуры двоемыслия) представляет собой выражение демифологизированного, рационально-критического отношения к власти. Оно не просто лишено каких-либо следов нуминозности, а, напротив, обусловлено почти исключительно более или менее актуальными интересами обеспечения повседневного существования. Частный (не коллективный, не геополитический) прагматизм отключает мифологические структуры социального существования. Поэтому так быстро, если не сказать — стремительно, в ситуации кризиса улетучивается «обожание» или даже просто симпатия к «национальным лидерам», исчезают иллюзии значительности и даже простое уважение. Но они — что существенно! — заменяются не какими-то либеральными или демократическими представлениями, а исключительно иронической или цинической установкой в отношении прежнего кумира, равно как и всей сферы политики.

Важно при этом, что любые мотивы и прагматические основания оценки происходящего с этой точки зрения находятся вне пласта традиционализма. Включение этого слоя традиционалистской, не подлежащей рационализации культуры, пронизанной нуминозными отношениями, собственно и создает ощущение неподвижности, пассивного социального существования. Этот остаточный слой замороженного или застывшего крепостного сознания, не изменяющегося, всегда пребывающего как бы вне времени (поскольку это действие уничтожает ценностные значения частного и индивидуального существования и определяющих его интересов), определяет границы возможного для частного человека, сам модус пассивности в ареале антимодерного и домодерного социального капитала. Феномен нуминозного восприятия власти (и социальной структуры) предполагает дисквалификацию собственных возможностей отдельного человека, ограничивая пределы его аспираций, сферу его притязаний. Но вместе с девальвацией чувства собственного достоинства или ценности индивидуальности стерилизуются и условия для возникновения гражданского общества, поскольку политика и общественная деятельность — дело исключительно уважающих себя и самодоста-

точных людей, испытывающих солидарность с такими же, как и они, гражданами, достойными уважения. Еще Аристотель выводил рабов из сферы политики. Крепостное сознание и мстительная, плебейская самозащита от вызовов идеального и ценного блокирует рационализацию своей жизни, возможность политической ответственности и участия в делах, имеющих общую значимость. Там, где значения политики и обыденного человека несоизмеримы (нет общих значений ценного), нет «общества» и развития. Поэтому мифологическое (нуминозное) отношение к власти соотносится с общественным равнодушием и социально-политической пассивностью, покорностью в обычные времена, а в кризисные — с «харизмой», с передачей иллюзий первому лицу, предполагающей не изменение, а возвращение социума в нормальное, привычное состояние.

Рост популярности РПЦ, как и усиление национализма, в последнее десятилетие в России является свидетельством того, что нуминозная структура (слой или конструкция традиционалистских значений и механизмов воспроизводства представлений об обществе и социальном порядке) сознания вполне сохранилась. Однако следует подчеркнуть, что эта структура сознания (система отношения к власти, организация социального порядка, социального существования) опустошена от собственно сакрального: никаких верований в бытие трансцендентных сил здесь нет. Главное — в сохранении механизмов дисквалификации самодостаточной субъективности, блокировании самой возможности ее появления, обесценивания частной жизни как бы от имени символической тотальности, сверхзначимой инстанции, выступающей в роли суррогата трансцендентного или трансцендентального начала, заменителей сферы ценностей или ценностного.

Последовательная кастрация независимых от власти, самодостаточных и признаваемых обществом в качестве таковых групп оборачивается бессмысленностью коллективной повседневности. Российская обыденность лишена ценности, праздничности, приподнятости, значительности того, что связано с политикой. Поэтому нуминозное (в виде РПЦ или националистических мифов) выступает как заместитель ценностей и их инстанций.

7. Заключение. Подытоживая все сказанное, я определил бы «доверие» как социальный механизм, характеризующий эффективность или значимость различных институтов общества, а

способность различать границы их действия — как одно из свидетельств дееспособности или социализированности индивидов. Барьеры между различными зонами доверия отмечены социальными ритуалами или церемониями, семантика которых определяется «открытостью» или «закрытостью», универсальностью или, напротив, партикуляризмом норм и правил социальных взаимодействий, спецификой социальных отношений, регулируемых этими институтами. Разные типы доверия указывают на многообразие механизмов и оснований солидарности в обществе. Низкий уровень доверия означает механическую интегрированность общества, наличие многих несогласованных социальных порядков, возникающих из-за гетерогенности институциональных систем, которые функционируют в данном обществе.

Посттоталитарная эволюция обозначила не просто неравномерность или разную скорость изменений в разных сегментах российского общества, но крайне противоречивый, а главное — разнонаправленный их характер. Ситуация социального разлома и разрушения некоторых общих уровней социальной регуляции спровоцировала возвращение к более архаическим пластам культуры и социального поведения, оказавшихся своего рода резервом средств физического выживания в условиях кризиса и резкого падения жизненного уровня. С одной стороны, это активизировало ранее дремавшие, латентные более примитивные формы массового патернализма или ожидания чуда, прихода харизматического героя, вождя, новых спасителей (иногда проецируемых на демократических лидеров и быстрого разочарования в них из-за их несоответствия ожиданиям и иллюзиям), что, в конечном счете, начало далее эксплуатироваться бюрократией и авторитарной властью в собственных интересах. Новые власти пытались использовать для своей легитимации отработанные, непродуктивные символические структуры — имперские, православные или сословные традиции (высокопоставленные чекисты стали претендовать на то, чтобы их считали «новым дворянством», например, С. Патрушев или В. Черкесов). С другой стороны, апелляция к симулятивной архаике, не обеспечивающей смысловую проработку идущих в обществе изменений и, тем более, не порождающей новых смыслов и ценностей, представлений о будущем, становится причиной стремительной деморализации общества, массовой аномии, асоциального индивидуализма и цинизма. Прежние формы компенсаторной

защиты против террора и тотального контроля, выразившиеся в манифестации межличностного доверия в малых группах или в структурах административного рынка, коррупции (блата, сетевого обмена, «знакомств», «связей с нужными людьми» и множестве других подобных форм коммуникации и сплоченности), в новых условиях постсоветской реальности перестали быть значимыми. Прагматическое недоверие к социальным институтам, связанным с властью, при явной идентификации с их символической функцией (а иногда и с персонами, их воплощающими), не меняло и не могло изменить общего авторитарного характера конституции власти, организации системы господства, состояния недифференцированности политической системы — отсутствия системы сдержек и противовесов, блокировку разделения разных ветвей власти. Советские формы доверия, бывшего своего рода «клеем» социальных отношений внутри малых групп и сообществ, но одновременно и механизмом фрагментации социума, девальвировались и перестали быть дей-

ственными. А это, в свою очередь, вело к росту двоемыслия и цинизма, увеличению зон «игры в доверие». Условия выживания и сохранения «советского человека», его тактика адаптации через снижение общих требований морали и ответственности, взаимности и сочувствия к другому, подавляли предпосылки формирования универсалистской этики и права, что, в свою очередь, оказывало угнетающее или даже парализующее воздействие на возможности модернизации России и демократизации российского общества.

Возникает замкнутый круг. Институционализация новых отношений, соответствующих нормам современного, правового и демократического общества, невозможна без повышения доверия людей друг к другу, а доверие невозможно без эффективных социальных институтов. Выход из этого тупика (при всей сомнительности подобного сценария) — в растущей сегментации общества, появлении отдельных анклавов с собственным, модерным типом социального капитала.

Приложение

Таблица 1

1. ДИНАМИКА ДОВЕРИЯ РОССИЯН К ОСНОВНЫМ СОЦИАЛЬНЫМ ИНСТИТУТАМ, 1994-2010 (в % к числу опрошенных, без затруднившихся с ответом)

ВОПРОС: В КАКОЙ МЕРЕ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЗАСЛУЖИВАЮТ ДОВЕРИЯ ...

1. вполне заслуживает;
2. Заслуживает лишь частичного доверия;
3. совсем не заслуживает

А. 1994-1999 гг. (ранжировано по «полному доверию» в исходном 1994 году)

Год, месяц	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Церковь						
1	46	36	41	38	32	37
2	15	18	18	22	22	20
3	3	9	9	11	12	12
Армия						
1	36	26	27	28	28	35
2	26	32	34	36	34	31
3	12	20	17	16	19	16
СМИ						
1	20	23	25	26	24	25
2	47	46	44	47	44	44
3	16	17	17	16	19	19
ФСБ						
1	20	12	18	19	18	20
2	28	32	33	32	30	33
3	19	24	21	24	25	24
Президент						
1	16	6	22	12	2	2
2	34	32	38	42	20	16
3	35	48	28	36	72	75
Правоохранительные органы (милиция, прокуратура, суд)						
1	14	8	12	13	12	11
2	31	34	36	35	34	33
3	36	39	35	39	39	42

Год, месяц	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Местные (городские, районные) власти						
1	11	13	16	22	18	22
2	32	34	37	37	36	35
3	33	30	29	25	30	28
Областные, республиканские власти						
1	8	9	12	19	15	19
2	32	36	38	37	40	38
3	30	29	27	21	29	25
Профсоюзы						
1	8	6	10	11	11	9
2	17	22	22	27	26	22
3	28	28	32	28	28	34
Парламент (ГД+СФ)						
1	5	4	9	7	6	4
2	32	35	44	42	37	35
3	32	37	21	29	36	37
Правительство						
1	4	4	13	10	4	8
2	36	36	44	45	27	38
3	31	40	24	32	48	35
Политические партии						
1	2	-	4	4	4	4
2	20	-	26	20	29	30
3	44	-	33	18	34	33

Таблица 2

Б. ДОВЕРИЕ К ИНСТИТУТАМ, 2000-2010 гг. (ранжировано по 2010 году)

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
1 Премьер министр											
1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	65	67
2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	21	23
3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6	5
2 Президент											
1	45	54	61	59	56	54	58	70	71	63	66
2	33	30	26	28	28	30	28	19	15	25	25
3	9	7	6	7	8	8	6	5	4	5	4
3 Церковь											
1	39	38	40	37	-	-	-	41	40	48	52
2	22	21	22	24	-	-	-	19	25	21	21
3	11	12	10	13	-	-	-	12	10	10	9

Продолжение табл. 2

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
4 Правительство											
1	20	22	24	16	12	14	19	17	30	34	35
2	43	40	39	42	34	42	39	42	39	38	39
3	20	21	22	30	26	29	25	25	13	14	17
5 Армия											
1	35	33	28	27	30	30	26	30	37	37	38
2	35	31	36	36	34	33	35	33	33	34	34
3	16	17	21	23	20	21	23	19	12	16	15
6 ФСБ											
1	21	23	23	22	-	-	-	25	32	31	30
2	36	30	32	33	-	-	-	32	29	33	36
3	22	19	20	22	-	-	-	16	12	13	15
7 СМИ											
1	26	24	23	22	-	-	-	25	28	28	30
2	44	45	44	46	-	-	-	39	40	49	43
3	18	18	21	22	-	-	-	22	18	16	19
8 Совет Федерации											
1	11	11	13	10	11	10	13	12	20	22	22
2	40	32	33	37	36	37	36	37	37	35	38
3	23	21	20	25	23	26	23	22	13	16	19
9 Госдума											
1	10	11	11	9	11	10	12	12	24	21	22
2	43	39	43	43	43	41	42	43	44	42	45
3	30	33	31	37	34	37	31	31	17	21	23
10 Прокуратура											
1	12	12	13	11	12	13	14	15	17	21	22
2	36	32	36	32	34	33	31	29	33	37	35
3	29	27	25	33	26	28	26	26	21	21	19
11 Суд											
1	12	14	16	13	14	16	14	15	15	21	21
2	36	34	35	35	34	36	31	34	25	38	39
3	29	29	29	33	29	27	29	26	30	25	23
12 Региональные власти											
1	20	21	19	13	-	-	-	19	28	21	21
2	36	36	36	36	-	-	-	36	34	39	40
3	20	27	29	36	-	-	-	31	25	24	27
13 Местные власти											
1	19	21	21	15	-	-	-	17	24	19	20
2	37	33	33	33	-	-	-	35	33	39	41
3	30	32	35	43	-	-	-	36	30	31	31
14 Милиция											
1	14	12	12	11	10	12	11	13	15	17	16
2	39	33	39	34	35	37	34	38	37	41	41
3	36	41	37	46	43	40	42	36	32	31	35
15 Профсоюзы											
1	11	11	13	13	-	-	-	12	17	16	14
2	28	23	24	28	-	-	-	22	26	26	24
3	29	32	31	32	-	-	-	29	30	29	34
16 Политические партии											
1	7	6	7	4	-	-	-	5	10	6	12
2	31	28	28	29	-	-	-	30	37	38	38
3	34	37	39	43	-	-	-	37	33	36	33

Таблица 3

2. В КАКОЙ СТЕПЕНИ ВЫ ВЕРИТЕ В ТО, ЧТО ПЕРЕЧИСЛЕННЫЕ НИЖЕ ИНСТИТУТЫ ИЛИ ЛЮДИ ДЕЙСТВУЮТ В ВАШИХ ИНТЕРЕСАХ? (по 7-балльной шкале, где 1- полное отсутствие доверия, 7 –полное доверие; приводятся суммированные ответы 1-3, 4, 5-7)

	+5-7	4	-1-3	Затруднились ответить		+5-7	4	-1-3	Затруднились ответить
Суды					Милиция				
1998	24	25	49	2	1998	18	20	60	2
2003	21	18	56	6	2000	13	18	68	1
2004	22	15	57	5	2003	11	13	74	2
2005	21	22	56	1	2005	15	19	65	1
2007	26	17	51	6	2007	21	17	59	3
2009	24	22	47	7	2008				
Депутаты Госдумы					2009	18	18	58	6
1998	13	16	70	1	Президент				
2000	7	12	81	0	1998	14	14	70	2
2003	13	15	68	4	2003	70	9	18	3
2004	12	12	72	4	2005	51	20	28	1
2005	11	14	73	1	2007	51	17	24	8
2007 апрель	13	12	68	7	Губернаторы				
2007 декабрь	22	15	53	10	2000	32	19	49	1
2008	24	16	50	10	2003	39	16	41	4
2009	19	22	50	9	Профсоюзы				
Депутат от вашего округа					1998	13	15	69	2
2000	10	12	77	1	2000	17	20	61	2
2003	18	16	68	8	2005	17	18	64	2
2005	15	15	69	1	Церковь				
Армия					1998	30	17	53	2
1998	33	21	44	2	2000	39	18	42	1
2000	34	23	42	1	2005	43	18	37	2
2003	39	20	38	3	ТВ				
2004	40	20	35	5	1998	23	23	52	2
2005	37	23	39	1	2003	41	21	34	4
2007 апрель	42	16	35	7	2004	30	20	47	3
2007 декабрь	39	16	35	10	Пресса, газеты, журналы				
2008	44	16	31	9	1998	22	25	51	2
2009	46	20	26	8	2003	37	20	27	6
ФСБ					2004	29	20	48	3
2000	49	18	32	1	Частные предприятия				
2003	33	22	41	4	1998	11	16	69	3
2004	33	18	37	12	Местные власти				
2005	32	24	43	1	1998	18	21	61	2
Политические партии					Инвестиционные фонды				
1998	7	12	79	2	1998	5	9	84	2
2000	7	11	82	0	Большинство людей в России				
2003	13	16	66	6	2000	32	27	41	1
2004	13	13	70	4	2005	35	28	36	1
2005	10	13	75	2	2007 апрель	35	20	30	15
2007 апрель	8	13	72	7	2007 декабрь	37	26	30	6
2007 декабрь	19	16	55	10	Большинство знакомых вам людей				
2008	23	16	52	9	2000	55	22	23	0
2009	16	20	56	8	2005	62	19	18	1
					2007 апрель	64	14	15	7
					2007 декабрь	72	16	10	2

Таблица 4

НАСКОЛЬКО ВЫ В ЦЕЛОМ ДОВЕРЯЕТЕ ...?

Российским...	Полностью доверяю + доверяю	отчасти доверяю, отчасти нет	Не доверяю + совершенно не доверяю	Затруднились ответить	Индекс доверия*
Военным	63	27	7	3	56
Учителям	62	28	6	4	56
Священнослужителям	59	24	10	7	49
Врачам	38	41	19	2	19
Журналистам	30	44	22	4	8
Полицейским	26	42	30	2	-5
Судьям	25	41	28	6	-3
Министрам правительства	21	37	35	7	-14
Представителям местной власти	18	40	37	5	-19

Ранжировано по «полному доверию», ноябрь 2011, N=1600, в % к числу опрошенных

* Индекс доверия построен по формуле: ответы «полное доверие» + ½ «неполного доверия» минус ½ «неполное доверие» + «полное недоверие»

Рисунок 1

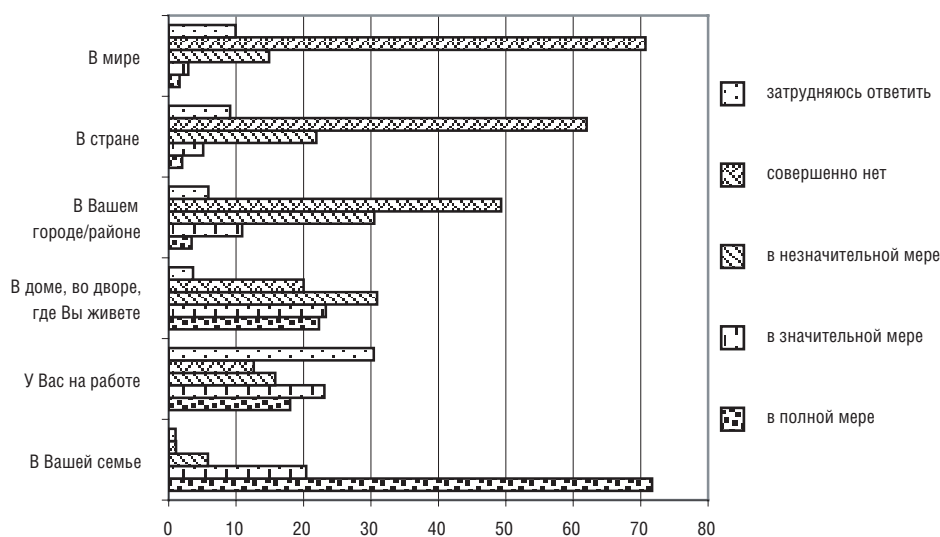
ОЩУЩАЕТЕ ЛИ ВЫ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТО, ЧТО ПРОИСХОДИТ – (2006)

Таблица 5

КАК ВЫ ПОЛАГАЕТЕ, СМОЖЕТ ЛИ НЕ СМОЖЕТ БОЛЬШИНСТВО ЛЮДЕЙ В РОССИИ ПРОЖИТЬ БЕЗ ПОСТОЯННОЙ ЗАБОТЫ, ОПЕКИ СО СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВА?

	1990	1997	2007	2008	2009	2010	2011
Большинство сможет прожить без опеки государства	21	17	21	15	15	15	19
Большинство не сможет прожить без опеки государства	62	72	74	81	80	77	75
Затруднились ответить	17	11	5	4	5	8	6

Таблица 6

КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, В КАКОЙ МЕРЕ СЕЙЧАС РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КОНТРОЛИРУЕТ ДЕЙСТВИЯ ВЛАСТЕЙ?

	2001, ноябрь	2006, декабрь	2010, декабрь
В очень сильной мере + В довольно сильной мере	11	9	9
В довольно слабой мере + Практически не контролирует	82	83	80
Затруднились ответить	7	8	11

N=1600

Таблица 7

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НА ЧТО В ОСНОВНОМ НАПРАВЛЕННЫ СЕЙЧАС ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ / УСИЛИЯ...

	На защиту ...			
	Интересов государства / власти	Интересов / безопасности Населения	Собственных интересов	Затруднились ответить
Высших гос. чиновников	17	12	63	8
Спецслужб	38	25	24	14
Генпрокуратуры	41	19	22	18
Полиции	_*	41	39	20

* – данный вариант ответа отсутствует; октябрь 2011, N=1600

Таблица 8

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СОВПАДАЮТ ЛИ СЕЙЧАС В РОССИИ ИНТЕРЕСЫ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА?

	Ноябрь 2007	Октябрь 2011
Определенно да + скорее да	28	24
Скорее нет + определенно нет	62	69
Затруднились ответить	9	7

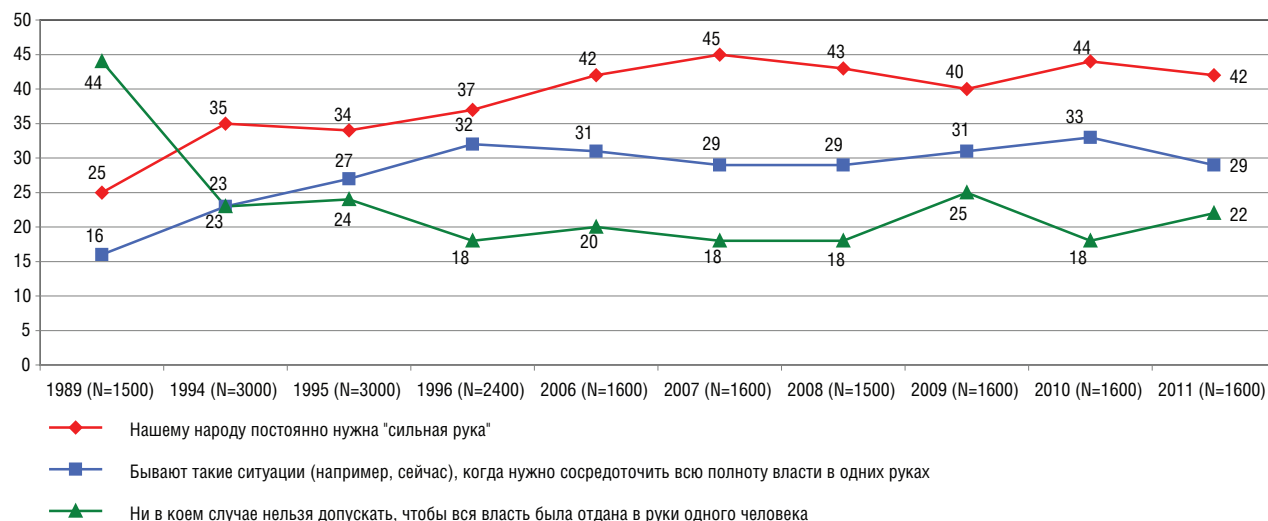
N=1600

Таблица 9

ПОЧЕМУ ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО ИНТЕРЕСЫ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РОССИИ СЕЙЧАС НЕ СОВПАДАЮТ? (в % от числа тех, кто считает «не совпадают»)

	Ноябрь 2007 (N=1000)	Октябрь 2011 (N=1100)
Нет «обратной связи» между теми, кто принимает решения наверху, и населением	19	21
Власти живут за счет населения и поэтому вынуждены его обманывать	29	30
Интересы власти и населения совпадают только в критические периоды, когда стране грозит смертельная опасность	14	15
У власти и населения всегда разные интересы и цели	34	32
Затруднились ответить	4	2

График 1

БЫВАЮТ ЛИ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ТАКИЕ СИТУАЦИИ В ЖИЗНИ СТРАНЫ, КОГДА НАРОДУ НУЖЕН СИЛЬНЫЙ И ВЛАСТНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ, «СИЛЬНАЯ РУКА»?

Иван КРАСТЕВ
Стивен ХОЛМС

Странная смерть управляемой демократии

4 марта 2012 года Владимир Путин был избран президентом России. Ранее это уже происходило дважды. Но на сей раз, в отличие от 2000 и 2004 годов, тысячи россиян заполонили улицы Москвы, чтобы заявить свой протест против нечестных выборов и оспорить победу, уже официально отпразднованную. Хотя шумные протесты, начавшиеся после нечестных декабрьских выборов в Госдуму, утихли так же быстро, как разгорелись, они не просто пошатнули, а действительно уничтожили путинский режим, знаменитую «управляемую демократию». Как ни странно, лишь немногие оппоненты Путина в России и за рубежом обратили внимание на скоропостижную смерть его режима — так поглощены они были его возвращением на пост президента и последующим схлопыванием массовых протестов.

Управляемая демократия, которой больше нет. Процедура вскрытия производится только над мертвыми телами. Таким образом, мы лишь сейчас можем посмотреть на внутренности политической загадки — управляемой демократии — и объяснить, как она на самом деле функционировала. Чтобы понять причины и вероятные последствия марта 2012-го, нужно заново изучить природу режима, который сейчас лежит во гробе.

На протяжении своего двенадцатилетнего правления Владимир Путин создал политический режим, который не так-то просто истолковать, исходя из классического противопоставления демократии и авторитаризма. Путинская Россия — очевидным образом не демократия. Режим не соответствует даже самому простому определению «состязательных выборов с непредзаданным исходом». Но российский режим — и не классический авторитаризм. Репрессии — не главное средство, которым Путин поддерживал свою власть. Границы страны открыты, Интернет не подвергается цензуре, как в Китае, в российских тюрьмах при Путине сидит меньше журналистов, чем в Турции при Эрдогане. Таким образом, Россия — государство не демократическое и не авторитарное. Нельзя также сказать, что это нечто среднее, что режим

застыл между двумя полюсами, хотя обманчивое смешение демократического и авторитарного стилей заставляет некоторых специалистов называть путинскую систему гибридной.

Чтобы раскрыть загадку «управляемой демократии», нужно ответить на несколько простых вопросов. Какую политическую функцию выполняют подтасованные выборы для правительства, которое никогда и не пыталось казаться демократическим? Почему подтасованные выборы при Путине выглядели одновременно и бессмысленными, и необходимыми? Почему Путин раз от раза фальсифицировал президентские выборы, хотя находился в благоприятных условиях и, скорее всего, выиграл бы их и при свободной и честной конкуренции? И почему подтасовки Кремля были настолько открытыми и вопиющими, что никто не сомневался в самом факте фальсификаций и в том, что за ними стоит Кремль?

Возможно, Путин не смог бы получить и удержать власть, не обращаясь время от времени к подтасованным выборам, — вот почему эти вопросы весьма существенны. В истории Советского Союза выборы никогда не были важным или даже просто заметным явлением. Напротив, история посткоммунистической России непредставима без выборов. Это не незначительная формальность и не вызванное необходимостью единовременное мероприятие; постоянно фальсифицируемые выборы можно назвать одним из немногих стабильных политических институтов в путинской России.

То, что Кремль проводит выборы «по своему сценарию», как замечает Юлия Иоффе, «в России... знают и принимают все, независимо от риторики и политических убеждений»¹. Вбросы бюллетеней, неверный подсчет голосов, монополия в прессе, «черный пиар», завершение подписей, снятие кандидатов с выборов — все это долгое время характеризовало российские выборы. Следует признать, что регулярные выборы с заранее предрешенным результатом — довольно частое явление при неде-

¹ *Ioffe Julia. The Potemkin Duma // Foreign Policy, 2009, October 23. Статья в русском переводе: <http://rus.ruvr.ru/2009/10/23/2067401.html>*

мократических режимах. Барбара Геддес¹, среди прочих ученых, убедительно доказала, что авторитарные правители используют регулярные выборы, чтобы местные кадры были при деле и наготове, чтобы режим получал надежную поддержку и чтобы затруднить соперничающим группировкам, близким к правительству, задачу насильственного взятия власти. Но роль подтасованных выборов в путинской «управляемой демократии» — особого рода. Национальный лидер явно устраивал выборы не для того, чтобы войска офицеров, замышляющих переворот, смиренно сидели в своих казармах. Для него срежиссированные выборы исполняли четыре важнейших функции.

Во-первых, они давали публичный и громкий повод напомнить как элите, так и обычным гражданам России, что личная популярность Путина была главным источником легитимности его режима. В течение десяти лет большинство россиян прекрасно знали, что да, выборы фальсифицируют. Но большинство россиян было также уверено, что если бы выборы были свободными и честными, Путин с легкостью бы на них победил. Даже назвав Путина «самым зловещим персонажем современной российской истории», один из ведущих российских правозащитников несколько лет назад признал: «Путин выиграл бы выборы в 2000 и 2004 годах — хотя, вероятно, без такого огромного и неприличного преимущества, — даже если бы на них не было подделки голосов, незаконного использования так называемого «административного ресурса» и если бы кандидаты действительно имели равный доступ к избирателям по телевидению и в прессе»². Опросы общественного мнения, проведенные независимыми службами, подкрепляют эту точку зрения. Таким образом, выборы были устроены не для того, чтобы избрать правителя России, но для того, чтобы подчеркнуть признаваемую многими реальность — пропутинские настроения большей части российского общества. Даже будучи нечестными, выборы напоминали обществу, что русские — нация Путина. Регулярные выборы, кроме того, помогли создать и внедрить в сознание аргумент, согласно которому правлению Путина нет альтернативы. Они стали важнейшим фактором превращения Путина в единственного арбитра внутриэлит-

ных разногласий и, следовательно, не давали проигравшим повода обратиться либо к народу, либо к внешним силам.

Путину было недостаточно играть на поле, его команда последовательно оцепляла все входы и выходы стадиона. Опросы 2011 года показали эффективность этого метода: непрочная «популярность» Путина, по крайней мере в последние несколько лет, основывалась в значительной мере на явном отсутствии приемлемой или привлекательной замены. Если избирателей убедить в том, что нет подходящей альтернативы нынешней власти, они нехотя приспособятся к *status quo*. Это объясняет, почему Сурков и другие кремлевские политтехнологи сделали так, что лидеры ложной и почти лояльной власти оппозиции — Зюганов, Жириновский, Миронов — не сменялись на протяжении всего путинского десятилетия; на политическом горизонте возвышались несимпатичные фигуры путинских конкурентов, и антирежимные настроения не могли сойтись в какой-то привлекательной для всех точке. Итак, сохранение иллюзии, согласно которой Путину и его правлению нет альтернативы, было одной из важнейших задач постоянно фальсифицируемых выборов.

Глеб Павловский, пионер политтехнологий, любит рассказывать историю об обычной избирательнице — женщине, с которой он разговаривал в преддверии президентских выборов 1996 года. Она сказала, что поддерживает Геннадия Зюганова, кандидата от Коммунистической партии, но голосовать будет за Ельцина. Когда Павловский спросил ее, почему, она ответила: «Вот когда Зюганов будет президентом, я буду голосовать за него». Другими словами, в России «популярность» лидера (оцениваемая соцопросами) — это не причина, а результат его нахождения у власти. Если бы когда-нибудь Путин был представлен как лишь один из нескольких подходящих кандидатов на пост президента, он больше не был бы тем Путиным, за которого с удовольствием голосует готовый приспособляться электорат.

Срежиссированные выборы также раз от раза предоставляли партии власти возможность ребрендинга. Предлагая новые слоганы и иногда даже меняя одни лица на другие, «Единая Россия» могла позиционировать себя как партия одновременно стабильности и перемен. Политический маркетинг строится на понимании факта: продавцы владеют вниманием покупателей, только если иногда предлагают им новые или по-новому упакованные продукты.

¹ *Geddes Barbara. Why Parties and Elections in Authoritarian Regimes?* Paper presented at the annual meeting of the American Political Science Association. Washington, 2005.

² *Kovalev Sergei. Why Putin Wins // The New York Review of Books, 2007, November 22.*

В путинскую эпоху самым разительным примером политического маркетинга стала победа на президентских выборах 2008 года дотоле неизвестного Дмитрия Медведева. Эта иллюзорная смена верховной власти успокоила тех граждан России, которым начинало досаждать, очевидно, бесконечное правление одного человека, а равно и поддержка его режима теми, кто не видел или не хотел видеть ему альтернативы.

Во-вторых, подтасованные выборы были инструментом управления страной. Вот почему мы при всем уважении не можем согласиться с теми учеными, кто называет путинскую Россию «имитационной демократией» (Шевцова)¹, «виртуальной демократией» (Уилсон)², «псевдо-демократией» (Робертсон)³ или «демократией-фасадом, которая едва скрывает политическое и бюрократическое превосходство обслуживающей собственные интересы бюрократической корпорации» (Силицкий)⁴. То, что Россия — не демократия, очевидно. Но нечестные выборы — это не просто декоративный фасад. Они устраиваются не для того, чтобы убедить Запад в том, что Россия — демократия, или предоставить Западу основания проявить известную гибкость и все-таки счесть Россию какой-никакой демократией. Нечестные выборы — это рабочая деталь в механизме, с помощью которого Путин добился власти и удерживает ее. Они лежат в основе постоянно возобновляемого контракта, который Путин заключает не с народом, а с региональными элитами.

В отсутствие серьезной партии вроде Коммунистической партии Китая или функционирующих институций выборы стали главным инструментом контроля и обновления политической элиты страны и при этом минимизировали риск опасного раскола в ее рядах. Российские «выборы без выбора» работают, как полномасштабные военные учения или подготовка к настоящей «битве», со стрельбой по искусственным мишеням; разумеется, победа здесь — на стороне правительства. Нечестные выборы помогают оценить боеготовность ударных войск или узнать, какие региональные лидеры компетентны и заслуживают доверия, а какие нет. Местные власти должны не просто

¹ *Shevtsova Lilia. Lonely Power. Washington: CEIP, 2010, p. 319–228, 330–332.*

² *Wilson Andrew. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven: Yale UP, 2005.*

³ *Robertson Graeme B. The Politics of Protest in Hybrid Regimes: Managing Dissent in Post-Communist Russia. Cambridge: Cambridge UP, 2011, p. 2.*

⁴ *Silitiski Vitaly. Tools of Autocracy // Journal of Democracy. 2009. Vol. 20, № 2, p. 42.*

заявить о своей лояльности, но и продемонстрировать свою способность осуществлять контроль. Их пригодность к вбрасыванию бюллетеней или подделке результатов с успехом подвергается проверке в реальных условиях — равно как и умение принуждением сгонять на участки студентов и госслужащих. Но противостоять апатии, которую вызывают выборы без сюрпризов, кремлевские аппаратчики могут только одним способом — довольно незячно чередовать кнут и пряник. Таким образом, нечестные выборы помогают Москве отличать эффективных местных чиновников от неэффективных; если чиновники станут сами предоставлять о себе сведения, эти сведения будут менее надежными. Например, после того как «Единая Россия» получила только 35% процентов голосов на региональных выборах 2010 года в Тверской области, ее губернатор Дмитрий Зеленин был отправлен в отставку⁵. Это был сигнал для всех губернаторов о том, что им стоило бы лучше отсеивать результаты выборов и что от них ждут полного контроля над избирательным процессом в их регионах. Там, где «Единая Россия» получила плохие результаты на парламентских выборах 2011-го, губернаторы тоже надолго не задержались.

Другими словами, нечестные выборы позволяют верховному правительству находить самые слабые шестеренки скрипучей бюрократической машины. Они помогают Кремлю отсеивать нерадивых чиновников, которые иначе продолжали бы работать. Показательные, публичные увольнения недостаточно послушных подчиненных, судя по всему, заставляют других местных чиновников-единороссов способствовать созданию ореола непобедимости вокруг главных лиц режима; в эту задачу, разумеется, входит и обеспечение «Единой России» большинства — если не конституционного большинства — в Госдуме.

Вопрос о том, что думает российское общество, здесь даже не ставится. Нечестные выборы обеспечивают лидеров режима другой информацией: кто из нижестоящих чиновников, кто из членов партии играет свою роль как следует, а кто манкирует ею. Электоральные шарарды регулярно предоставляют случай освежить местные кадры, которые делают то, что велит Москва.

Если бы не было выборов с predetermined результатом, верховное правительство не могло бы столь открыто вознаграждать за эффек-

⁵ Зеленин был отправлен в отставку в 2011 г. после выборов, на которых «ЕР» получила около 39% голосов — *примеч. перев.*

тивность и лояльность — или же наказывать за неэффективность и нелояльность, решая, кто войдет в партийный список «Единой России» или займет кресло в Думе. Срежиссированные выборы будто дают Кремлю освещенную арену, на которой он применяет свои полномочия. Это также показывает, что нечестные выборы — не просто формальность или рудимент. Они не служат для имитации демократии, они не призваны убеждать мир, что российские граждане избирают и контролируют власть в России. Нечестные выборы — полезный инструмент выживания недемократического режима Путина именно потому, что они никого не обманывают: никто не считает их свободными и честными.

В-третьих, регулярные выборы служат для того, чтобы продемонстрировать (что означает — преувеличивать) национальное единство России и подчеркивать воображаемое согласие, солидарность путинской нации. Стивен Коткин точно подметил, что «Россия унаследовала все, что вызвало падение Советского Союза, — а также само падение»¹. Таким образом, необходимость симуляции некоего национального единства для режима была гораздо важнее и срочнее, чем необходимость имитировать заимствованную модель демократии. В настоящий момент в России европейский уровень рождаемости и африканский уровень продолжительности жизни; согласно исследованию компании Deloitte, в стране около 375000 семей с миллионными средствами; при этом, согласно недавнему исследованию московской Высшей школы экономики, 60% населения страны живет ни богаче, ни беднее, чем двадцать лет назад. Население сел и деревень на востоке стремительно сокращается, а огромное благосостояние накапливается вокруг Москвы и Санкт-Петербурга. Это, вкупе с упадком транспортной инфраструктуры, соединяющей европейскую Россию с Сибирью, — возможно, единственный признак «централизации» при Путине; и это же — признак слабости, а не силы системы, которой он управляет, но с которой не справляется. Согласно своей конституции Россия — федеративное государство, согласно кремлевской риторике — крайне централизованное государство, а согласно тому, как на самом деле осуществляется власть в разных ее областях, — раздробленное, разобщенное образование феодального типа.

Нечестные выборы в России не просто были необходимы для воспитания местных кадров «Единой России» и создания политического

пространства, в котором Путин и его правящее окружение оставались бы единственным удовлетворительным выбором. Они также создали некую осязаемую форму сомнительного в других обстоятельствах национального единства — в то время, когда многие русские полагали границы страны временными, когда большинство населения не знает, какой в России главный государственный праздник и что именно в этот день произошло, когда единственным коллективным опытом, вспоминаемым с гордостью, остается победа Советов над нацизмом. Но в день выборов избиратели по всей огромной России стекаются к урнам, чтобы засвидетельствовать лояльность не только лидеру, но и единству этого замечательно разнородного политического пространства. Географическая карта России — обширная и многоликая территория, будто сшитая из разноцветных лоскутов. Электоральная карта России символически, хоть и на короткое время, превращает эти лоскуты в одно политическое целое. Обычным россиянам, которым не дают покоя воспоминания об их советской родине, развалившейся, к их унижению, на части, сфальсифицированные выборы (в Чечне Путин и «Единая Россия» получают 95%) напоминают о том, что страна сохраняет территориальную целостность, какой бы хрупкой она ни была.

В-четвертых, путинские нечестные выборы служат не имитации демократии, а имитации авторитаризма (таким образом, популярное клише оказывается перевернутым наоборот).

Для понимания путинского режима так же важно осознавать смысл показных выборов последнего десятилетия, как для понимания сталинского режима — осознавать смысл показательных процессов 1930-х годов. Семьдесят пять лет назад сталинским «политтехнологам» было важно с помощью заранее предрешенных приговоров показать силу Сталина; эффект от этой демонстрации получался тем мощнее, чем явственнее была невиновность тех, кто, повинувшись сценарию, давал ложные признания в предательстве Вождя и за это приговаривался к казни. Таким же образом, хотя и куда менее жестоко, показные выборы 2000–2008 годов демонстрировали, как сильно путинское правительство-кукловод. Внушительная победа Медведева в 2008-м (он получил 71% голосов) в этом отношении особенно замечательна. За несколько лет до этого он был совершенно неизвестным чиновником. И вот в одночасье он превратился во всеми узнаваемую фигуру — это был подлинный триумф политического марке-

¹ Kotkin Stephen. Armageddon Averted: The Soviet Collapse 1970–2000. Oxford: Oxford UP, 2008, p. 6.

тинга, явивший чудодейственную силу политического телевидения. Напрашивается вывод, что показательные выборы обладают тем же демонстрационным эффектом (хотя и куда менее жестоким), что и сталинские показательные процессы.

Путин показал, что способен управлять своими обманными выборами, управлять вполне предсказуемо. Как это ни парадоксально, он тем самым заверил общественность в своем авторитаризме. Заведомо нечестные выборы – самый дешевый и простой для режима способ микрии под авторитарную власть, которой он на самом деле не обладает. Он может укрепить контроль над страной или, по крайней мере, обеспечить себе больший простор для маневра.

Избегая любых проявлений слабости и зная, что иллюзия сильной власти может искусственно повысить уровень народной поддержки, команда Путина проявляет естественную тягу к театральным сценам. Хотя умения для их постановки нужно немного, они дают зрителям преувеличенное представление о том, на что способно правительство. Очевидно, именно такую роль играют широко распространяемые фотографии супергероя-Путина, который тушит пожар с самолета-амфибии, валит на пол соперников по дзюдо, гоняет на «харли-дэвидсоне», с обнаженным торсом ездит на лошади и рыбачит, находит на дне Азовского моря греческие амфоры VI века, обездвигивает тигрицу транквилизатором, стреляет в серого кита из арбалета и так далее – все это придумывает его пиар-команда, чтобы расцветить путинский образ «альфа-самца» (по выражению одного американского дипломата).

Вероятно, подтасованные выборы работают так же. Для фальсификации выборов требуются лишь небольшие административные усилия; режиссировать выборы явно проще, чем строить дороги или социализировать чеченскую молодежь. Но подделка голосов – особенно в государстве, где советские «выборы» остаются в памяти символом тоталитарной власти, – позволяет коррумпированному режиму, неспособному на решение проблем страны или на проведение политики в интересах общества, имитировать стиль авторитарной власти, выставляя себя вездесущим и всевидящим.

Организовывать псевдовыборы в путинской России – все равно что надевать овечью шкуру, чтобы доказать, что ты – волк. Показные выборы симулируют проявление централизованной власти, которой Кремлю заметно не хватает. Другое сравнение: выборы с заранее известным

результатом выполняют ту же функцию, что парады на Красной площади после крушения российской военной мощи: они дают режиму возможность воинственно бить себя кулаком в грудь, даже если многие ракеты на самом деле не готовы к бою.

Устраивая нечестные выборы, которые никто не хотел или не решался опротестовывать, Путин мог сохранять главную тайну своего режима: Россией не управляют плохо, ею вообще почти не управляют. Сфальсифицированные выборы – инструмент, позволявший Путину и его подручным находиться у власти, но по сути не иметь дела с громадной задачей: управлением страной, у которой так много, кажется, неразрешимых проблем. Они прекрасно приспособились к сути режима: она не в том, чтобы эксплуатировать людей (как в современном Китае), и не в том, чтобы их подавлять (как в Советском Союзе); она в том, чтобы игнорировать и умиротворять людей, а тем временем скапливать неслыханные барыши от продажи за рубежом российских природных ресурсов. Возведя неосветский фасад и обесмыслив выборы, Путин и его команда задалась целью обеспечить поддержку народа самим себе – правителям, которые не пускали богатство страны на нужды граждан, а отправляли его в собственный карман. Рассуждая о посткоммунистическом опыте России, стоит спрашивать не почему демократия в ней проиграла, а почему небольшая группа людей сумела приватизировать несметное общественное достояние и при этом оставаться у власти, прибегая к насилию лишь в самых крайних случаях.

Нечестные выборы помогают Путину находиться у власти, несмотря на нескончаемое воровство чиновников всех уровней и очевидную неспособность режима заняться решением множества проблем. Путин и его команда добились этого так: они позволили режиму, который не может сам себя контролировать или решать основные проблемы страны, казаться могущественнее, чем он есть. Благодаря нечестным выборам Путину необязательно опускаться до физических расправ, характерных для авторитарных режимов; его режим на такое в принципе не способен. Так что команда Путина ценила «управляемую демократию» не за то, что она симулировала демократию, а за то, что она симулировала управление. Иначе у путинского правительства возникли бы с управлением большие сложности.

Вот какова была рухнувшая система.

Но что же изменилось? Почему многие рос-

сийские эксперты, комментируя возвращение Путина в Кремль, все равно говорят, что «ничего не изменилось, но все изменилось»? Что такое это «все»?

Чтобы разобраться в сути протестов, имевших место с декабря 2011-го по март 2012-го, нужно ответить на еще один вопрос: как *заведомо* сфальсифицированные выборы могли внезапно породить такое громкое возмущение? Обычно предполагают, что на последних выборах фальсификаций было больше, чем раньше, но известные данные не подтверждают это предположение. На самом деле Медведев, вероятно, говорил правду, когда заявлял, что и парламентские выборы 4 декабря 2011 года, и президентские выборы 4 марта 2012 года были немного «честнее» или не менее честными, чем предыдущие.

Избирателей буднично и беспардонно обманывали в 2000, 2003, 2004, 2007 и 2008 году. Но только в 2011-м вбросы бюллетеней, снятые на смартфоны, и беззастенчивые подтасовки результатов вызвали не циничное молчаливое согласие, а выход разгневанных избирателей на улицы. Почему же люди начали протестовать в 2011–2012 годах, а не раньше?

Гипотеза, согласно которой людей вывел на улицы пример Арабской весны, выглядит воодушевляюще, но эта гипотеза не обязательно верна. Российское общество заиклено на себе, а московский средний класс, в отличие от арабской молодежи, боится слова «революция». Экономические факторы также не могут удовлетворительно объяснить прорыв протестных настроений. Возможно, вскоре Россия действительно столкнется с серьезными экономическими затруднениями, но благодаря высоким ценам на нефть и консервативной налоговой политике Алексея Кудрина страна весьма удачно пережила мировой финансовый кризис. Еще важнее то, что в регионах, сильнее других пострадавших от кризиса, Путин пользуется наибольшей поддержкой.

Так что запустить волну протеста могло только решение Путина вернуться в Кремль. 24 сентября 2011 года, когда Медведев заявил, что его босс и друг Владимир Путин собирается вновь занять свое прежнее место в Кремле, был нарушен тонкий баланс: безальтернативная легитимность личной власти Путина смяла все его попытки выстроить безличные институты, которые должны были подготовить страну к открытому будущему.

Месседж 24 сентября заключался в том, что возможность настоящей ротации власти, воз-

никшая в 2008-м после создания тандема, оказалась — и всегда была — надувательством; все было давно решено, Путин и Медведев держали все под контролем. Те, кто возлагал надежды на Медведева, были выставлены наивными простофилями, временными опорами для сцены путинского театра выживания — теперь от них можно было избавиться. Выяснилось, что российская «управляемая демократия» — не просто режим без альтернативы. Она оказалась — что гораздо хуже — пьесой без сколько-нибудь убедительного сюжета. На вопрос, зачем ему возвращаться в Кремль, Путин мог бы ответить только, что ему некуда больше деваться. (Многие полагают, что ему необходимо оставаться во власти, чтобы защищать свои «бизнес-интересы», но это, конечно, не легенда для широкой публики.)

Короче говоря, в сентябре 2011 года Путин своенравно и грубо оскорбил российский средний класс. Он обещал предоставить народу право выбрать того, кто возглавит созданный им, Путиным, режим, но это обещание оказалось ехидной шуткой заговорщика. Для городского среднего класса выборы 2008 года означали, что Путин, видимо, не захотел строить султанистский режим, как его среднеазиатские коллеги, **изпт** напротив, решил постепенно заменить персоналистскую систему на систему, устроенную вокруг сильной правящей партии и устойчивых президентских институтов. Но к осени 2011 года Путин сам обрушил два главных столпа, на которых держался его режим. Он отвернулся от все менее популярной партии «Единая Россия», заменив ее придуманным на ходу Народным фронтом. Также он выхолостил сам институт президентства, лишив действующего президента Дмитрия Медведева конституционного права вести внешнюю политику и уволить премьер-министра; в результате президент стал похож на незадачливого школьника. 24 сентября российский средний класс потрясло именно оскорбительное безразличие, с которым тандем уничтожил саму идею политического будущего России после правления Путина. Россия осталась с одним Путиным и его неформальными связями; исчезли безличные институты и, главное, не было надежного механизма передачи власти. Путин превратил Кремль в мавзолей для личной власти шестидесятилетнего смертного человека.

Каким образом разгневанный средний класс сумел преодолеть свою известную неспособность к коллективным действиям, почему люди, которые обычно в таких случаях несутся

в аэропорт, вышли на митинги — все эти вопросы требуют исследования. Но уже очевидно, что хроническое отсутствие сильных институций ослабляет оппозицию так же, как оно ослабляет и неуютный ей режим. Антипутинские силы не сумели закрепить за собой место в Думе. Они не смогли и создать жизнеспособную партию. Оппозиция, имеющая лишь крохотные площадки в прессе и на московском радио, но не допускаемая на государственное телевидение, сумела вывести людей на улицы Москвы только благодаря блог-платформам, социальным сетям и другим средствам виртуальной коммуникации. Интернет сыграл ключевую роль в разрушении «управляемой демократии» и сделал массовые протесты реальностью. Впрочем, Интернет выполнял главным образом не функцию источника объективной информации. Большинству россиян не нужен Интернет, чтобы понять, что их режим неэффективен и коррумпирован. Но именно из Интернета противники Путина узнали, что в России появилось новое большинство, что это большинство — они сами. Интернет компенсировал организационные недостатки оппозиции, он превратил аполитичность протестующих и отсутствие популярных лидеров в достоинство. К примеру, именно в Интернете протестующие выбирали, кто будет обращаться к ним со сцены на проспекте Сахарова 24 декабря.

В период между декабрем и мартом произошло фундаментальное изменение путинского режима. Последствия этого до сих пор неясны. Когда сотни тысяч человек вышли на улицы Москвы, нечестные выборы больше не могли обеспечивать режиму хотя бы тень легитимности. Причина этого проста. Ранее власть Путина оказывалась легитимной, поскольку вся страна видела, что за бесстыдными фальсификациями выборов никаких публичных протестов не следовало. Легитимность режима основывалась на всеобщем молчаливом согласии — то есть на отсутствии публичных протестов после явно сфальсифицированных выборов.

К декабрю 2011 года этот хорошо зарекомендовавший себя рецепт легитимности очевидно устарел. В отличие от прошлых, неопротестованных, выборов новые, массивно опротестованные выборы стали причиной уязвимости; они показали, что режим не способен контролировать ситуацию. В этом новом контексте искусно созданное мнение, что Путину нет альтернативы, было опровергнуто Алексеем Навальным и другими оппозиционными лидерами: им удалось настоять на том, что *любая*

альтернатива лучше, чем Путин. Либералы даже были готовы проголосовать за лидера коммунистов Зюганова, если бы он вышел во второй тур. При преемнике Ельцина, которого тот самолично выбрал, ельцинская максима, согласно которой главный водораздел в российской политике пролегает между бывшими коммунистами и антикоммунистами, утратила силу. Оказалось, что в 2012 году либеральная Россия уже не боится скатиться в прошлое. Теперь главный политический водораздел пролегает между теми, кто боится потерять хрупкую стабильность, и теми, кто боится лишиться всякого будущего.

Путин 3.0. Уже в декабре 2011 года Путин понимал, что его рецепт легитимности себя изжил. Он больше не мог рассчитывать на то, что за нечестными выборами не последует никаких протестов. Смены губернаторов было недостаточно для сохранения власти над регионами. Выборы больше не отражали картину единой России — напротив, они с ясностью показали, до какой степени нация разобщена и поляризована. Управляемая демократия потеряла способность имитировать управление; вместо этого все увидели растерянность власти, которая пыталась адаптироваться к изменению настроений общества, — такого изменения она не предвидела. В итоге Путин сменил стратегию. Он решил использовать президентские выборы как возможность дискредитировать и унижить протестующих, показать, что эти относительно обеспеченные представители среднего класса, вышедшие на улицы и площади Москвы, чтобы кричать «Россия без Путина», — небольшая и привилегированная горстка элиты, оторванная от большинства. Это было роковое решение, имевшее свои последствия. В отличие от своего предшественника Бориса Ельцина, который ставил на урбанизированную, более мобильную часть российского общества, Путин стал искать поддержки у провинциальной России — той России, которая боится современности и перемен.

Вместо того чтобы стать предводителем России, как в войне против чеченских террористов в 2000-м или в борьбе против олигархов в 2004-м, Путин больше не захотел с помощью выборов продемонстрировать единство нации. Он решил натравить деревенскую и индустриальную Россию на городскую, обновляющуюся Россию, разделив страну на два лагеря и выставив самые образованные и светские слои населения предателями государства, возможно, даже наймитами Америки. Он выиграл

выборы, мобилизовав анахроничную Россию против России современной, мобилизовав деревню против Москвы. Чтобы получить голоса избирателей, ему пришлось признаться, что его власть подвергается внутренней угрозе. Когда-то Путин спас Россию, а теперь он призывает «настоящих» русских спасти его. Его избиратели плакали в ночь после выборов в 2000-м и 2004-м, когда смотрели, как их лидер празднует победу. На этот раз в ночь после выборов плакал Путин – очевидно, от облегчения, ведь он избежал публичного осмеяния и сумел вновь забраться на приличествующую ему вершину.

Ради электорального преимущества объединившись с провинциальными и совершенно не мобильными россиянами, которые зависят от государственных субсидий, и выступив против россиян, пользующихся Интернетом, путешествующих по миру и делающих Россию частью современного мира, Путин попал в безвыходное положение. Он вернулся в Кремль, но стал заложником слоев общества, субсидировать которые ему не по карману, и потерял поддержку

тех, кто позволял ему обогащать свое окружение и в то же время строить из себя модернизатора, ведущего Россию в будущее. Неудивительно, что один из лозунгов, чаще других мелькавших на митинге у памятника Пушкину 5 марта 2012 года, гласил: «Прощай, будущее!»

Президентские выборы 4 марта напоминают нам об одном из самых серьезных, хоть и не всегда явных, преимуществ по-настоящему демократических режимов. Даже когда выборы не приводят к формированию вменяемых правительств, даже когда смена правительства не означает смены политики – состязательные выборы, обещающие смену правящих кадров, вселяют в гражданское общество надежду на будущее. Управляемая демократия не предоставила России никакой пищи для размышлений о будущем – ни проекта утопии в советском ключе, ни обещания нового начала и по-настоящему состязательных, непредсказуемых выборов. Это и стало слабым местом, фатальной ошибкой путинской управляемой демократии.

*Перевод с английского
Льва Оборина*

Марина КРАСИЛЬНИКОВА

Отношение к власти в структуре социального самочувствия

Десятилетний опыт измерения динамики социального самочувствия населения России на основе сводных индикаторов общественного мнения, накопленный в Левада-Центре, создаст богатую информационную основу для комплексного анализа структуры общественного сознания. Одним из таких комплексных показателей является индекс социальных настроений (ИСН), в последние три года измеряемый в Левада-Центре в рамках проекта «Вестник» при поддержке фонда Макартуров в РФ, фонда Форда и Института «Открытое общество».

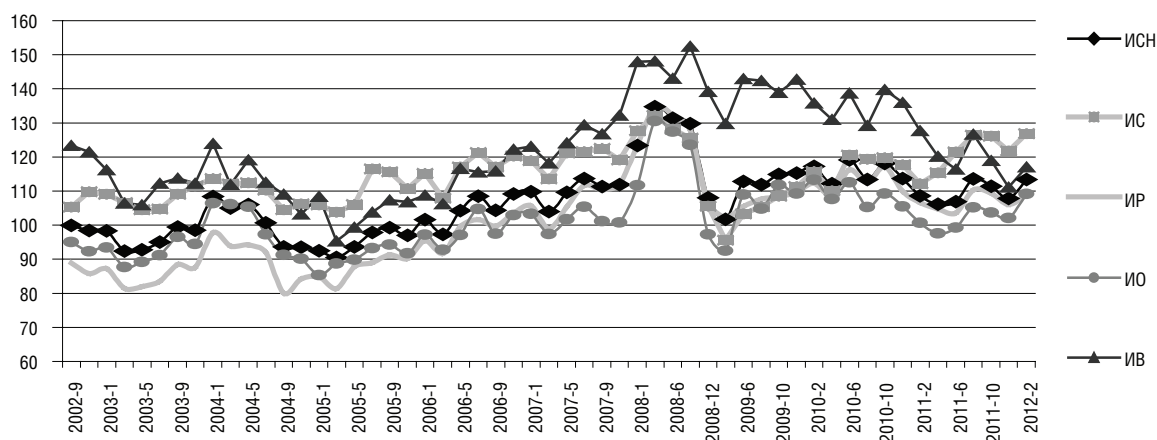
Методология и методика построения ИСН была подробно описана ранее, а также показаны возможности структурного анализа динамики социального самочувствия общества с помощью этого показателя, продемонстрированы его прогнозные возможности¹.

Прошедший 2011 год и первые месяцы нынешнего года продемонстрировали новые тенденции в развитии российского общества, которые развивались в связи с думскими и президентскими выборами. Эти изменения в общественном сознании наглядно отразились в структуре и динамике ИСН в этот период.

Предвыборный 2011 год оказался очень необычным на фоне сформировавшейся в постсоветский период циклической структуры социально-политической жизни страны. Речь в данном случае идет о сложившейся за годы президентских и парламентских выборов традиции мобилизационного воодушевления населения перед выборами, особенно президентскими. Все предыдущие выборные циклы этот феномен проявлялся в росте социального оптимизма, который в первую очередь был связан с опережающим улучшением оценок действующей власти. В терминах ИСН это выражалось не только в более высоких уровнях сводного показателя, но и в особенно заметных пиках значений частного индекса, отражающего оценки властей (ИВ). Каждый раз в период выборов обновлялся исторический максимум наблюдаемых значений ИСН в целом, а также индекса оценок власти в частности.

Однако в 2011 г. ничего подобного не наблюдалось. Более того, еще с конца 2010 г., т.е. практически за год до выборов, обозначился сильный отрицательный тренд частного индекса оценки властей (ИВ). Вместо обычной мобилизации

Рисунок 1
ДИНАМИКА ИНДЕКСА СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ (ИСН) И ЕГО КОМПОНЕНТ

¹ См.: Красильникова М. Изучение социальных настроений и потребительского поведения населения России // Проблемы прогнозирования. 2003. № 2, с. 124–134; она же. Интегральные показатели социального самочувствия // Вестник общественного мнения. 2011. №1, с.109–117.

населения вокруг руководства страны с надеждой на новые обещания и блага в обмен на электоральную поддержку (если судить по прошлым

предвыборным периодам), последний предвыборный период еще до формального старта проходил на фоне растущего недовольства властью (при довольно высоких, даже очень высоких, по международным меркам, абсолютных значениях удовлетворенности). Официальный старт президентской гонки в сентябре 2011 г. не переломил, а, напротив, лишь усугубил ситуацию. В итоге уровень социального оптимизма (ИСН) в период выборов был не выше, а ниже значений 2010-го и первой половины 2011 года.

Сдвиги в структуре формирования сводного показателя социального оптимизма, которые позволяет проследить инструментарий ИСН, наглядно показывают общую природу изменений общественного сознания, происшедших в 2011 г. Речь идет о сопоставлении значимости отдельных составляющих сводного ИСН – оценок власти (ИВ), оценок положения дел в стране в целом (ИР), оценок личного положения (ИС) и ожиданий на будущее (ИО). Эти группы факторов образуют базовый спектр векторов оценок окружающей действительности, значимой для индивида при формировании его представлений о социальной реальности и своем месте в ней. Взаимное соотношение этих отдельных компонент указывает на относительную значимость различных смысловых комплексов, сторон жизни при идентификации комфортности текущей ситуации для жизнедеятельности. В обобщенном виде оно характеризует смысловой порядок, значимость различных сторон жизни для формирования благоприятного самочувствия, показывает, что является источником, опорой для поддержания социального оптимизма. Чем более высоки относительные оценки соответствующего частного индекса (линия графика расположена выше средней), тем более значима для населения эта сторона жизни при формировании благоприятного социального самочувствия. Или, иначе, эта сторона жизни, по мнению населения, является наиболее вероятным ресурсом социального благополучия.

В последние десять лет этот порядок вещей чаще всего описывался следующим образом: наивысшие оценки (т.е. основной источник положительных оценок) приписывались сфере государственной власти (ИВ), в чем мы видим прямое отражение патерналистского сознания, о котором писали многие исследователи. Это означает, что надежды на результаты деятельности президента и правительства (при всей критике верховной власти и сложной природе доверия к ней) чаще всего являлись основным

фактором положительных изменений. Одновременно это означает, что позитивные надежды респондентов не связаны с их собственными усилиями, результатами и ответственностью. Такая ситуация в последнее десятилетие наблюдалась чаще всего. Исключение составляли 2005 - начало 2006 гг. и истекший 2011 год.

Как правило, второй по значимости после ИВ комплекс значений связан с оценками текущих изменений в личном положении (материальном, семейном, эмоциональном) – индекс ИС. Это отражает характерную для российского общества крайнюю полярность возможных точек контроля: либо полностью находящаяся вне личного контроля и ответственности верховная власть, либо надежда только на себя и ближайший родственно-дружеский круг. Социальная «середица» в форме социальных сообществ (например, жителей района, города, страны, профессиональных групп, любых протоформ гражданского общества) как референтная инстанция для большинства отсутствует. В частности, поэтому на протяжении двадцати лет существования новой России «положение дел» в собственной семье неизменно оценивается лучше, чем в городе или селе, где человек живет, и чем в стране в целом¹.

Как следует из предыдущего, оценки ситуации в стране в целом оказываются обычно наименее важными с точки зрения формирования общего уровня социального оптимизма: линия динамики соответствующего индекса ИР чаще всего оказывается в самом низу поля графика.

В структуре формирования социального самочувствия особая роль отводится частному индексу ожиданий (ИО), в котором сводятся воедино все перспективные представления респондента о предполагаемом развитии событий как в личной, так и в общественной (политической, экономической) жизни страны. В наиболее благоприятные периоды (в экономическом и социально-политическом смысле) относительная позиция индекса ожиданий повышается (см., например, 2002 – 2004 гг.), он становится устойчиво выше оценок ситуации в стране (ИР). Дело не просто в положительной динамике индекса ожиданий – важен его опережающий рост, который приводит к повышению относительной значимости этого частного индекса. Именно такие изменения являются наиболее точным для данного инструментария выражением растущего социального оптимизма и с наибольшей надежностью указывают на то,

¹ См.: Общественное мнение – 2011. Ежегодник. - М.: Левада-Центр, 2011, с. 43-44 (графики 4.1, 4.4).

что позитивный настрой «реализуется» в улучшении социально-экономических условий.

Очень наглядно эта зависимость, составляющая важную прогностическую ценность ИСН, проявилась после кризиса 1998 г. Ожидания растущего благополучия как базовый фактор формирования ежедневного практического поведения массы людей сами по себе создают позитивный посыл на будущее. В этом и есть социальный эффект суммы индивидуальных субъективных оценок: позитивные или негативные ожидания, становясь массовыми, обретают реальность, осуществляются (эффект «самобытающихся пророчеств»).

Такая ситуация наблюдалась до середины 2006 г. Затем стало происходить торможение роста индекса ожиданий, которое быстро привело к его устойчивому относительному снижению. При использовании инструментария ИСН такие структурные изменения выступают наиболее ранним индикатором развития неблагоприятных изменений в социальном самочувствии в будущем. На содержательном уровне подобная динамика показателей отражает ситуацию, когда текущее благополучие все чаще рассматривается населением как неустойчивое. Точнее, люди либо не в состоянии определить причинно-следственные связи текущего благополучия с тем, чтобы в сегодняшнем дне увидеть источники будущего роста, либо уже понимают, что эти источники отсутствуют.

Важно отметить, что в структуре ИСН¹ первые признаки нарастающего неблагоприятия обозначились в период «золотого века стабильности» – в 2006–2007 гг. Экономическое положение массовых слоев российского населения улучшалось впечатляющими темпами (в период с 2000 по 2007 гг. темпы роста реальных денежных доходов населения составляли 110–114% за год²), политическая ситуация была как никогда стабильной, а потенциально опасный для авторитарного общества период передачи власти был пройден безболезненно для дремлющего общества. Индекс социальных настроений в этот период продолжал расти, хотя и менее интенсивно, чем ранее. Единственным провозвестником ухудшения общественных настроений в будущем было относительное снижение значимости позитивных ожиданий на будущее (индекс ИО) в формировании комплекса социальных настроений (сводного ИСН). Развитие этих негативных тенденций стало следствием происшедшей

¹ В этом проявляются прогностические свойства ИСН.

² См. <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/level/#>

в 2005 г. серии локальных социальных кризисов в связи с «монетизацией льгот».

Экономический кризис, начавшийся в 2008 г., первоначально лишь усилил ориентацию большинства населения на властные структуры. Природа данного явления была той же, что в 2005 г., – финансовые вливания в экономику страны. Для значительной части населения наиболее чувствительным стало повышение пенсий (реальный размер назначенных пенсий в процентах к предыдущему году в 2008 г. увеличился на 109%, в 2009 г. – на 125%, в 2010 г. – на 112%³). Кроме того, массированно использовался административный ресурс как мера защиты работающего населения – для того, чтобы предотвратить распространение безработицы. В этот период сформировался особенно впечатляющий отрыв одного из показателей социального оптимизма – необыкновенно благоприятных оценок властей.

«Последствие» непомерно возросшей роли государства в социальном воображении населения оказалось таким же, как в 2005 г. Очевидно, население все же поняло, что предпринятые правительством антикризисные меры, в сущности, не разрешили ни одну из глубинных социально-экономических проблем, которые вызвали этот кризис. Не случайно замеры общественного мнения по поводу того, в какой фазе кризиса находится страна, – он пройден или еще продолжается, показали, что ощущение кризиса не покидало людей и тогда, когда официальные власти уже спешили заявить о том, что «острая фаза кризиса пройдена»⁴.

С конца 2009 г. в динамике частного индекса оценки властей (ИВ) обозначилась негативная тенденция. Сначала она отмечалась на фоне еще продолжавшегося роста сводного ИСН, а затем уже при стабилизации этого показателя. В итоге к началу 2011 г. уровень частного индекса, отражающего комплекс надежд на власть (ИВ), оказался ниже, чем показатели динамики оценок личного положения респондентов. Страна вплотную подошла к такому же социальному самочувствию, что и перед январем 2005 г., когда началось открытое противостояние действиям властей со стороны недовольных пенсионеров. И далеко не только их (к возмущению по поводу лишения права бесплатного проезда тогда быстро присоединилось недовольство прочими аспектами обывательской жизни со стороны уже всех слоев населения, которые вспомнили и тарифы ЖКХ, и рост цен на основные продукты

³ См. http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_13/IssWWW.exe/Stg/d1/06-15.htm.

⁴ См.: Общественное мнение – 2011, с. 45–46.

питания, — собственно, власть и отступила тогда из-за опасений, что лозунги недовольного населения выйдут на уровень обобщенных экономических требований).

Кроме того, в 2011 г., в отличие от середины прошлого десятилетия, общество еще не полностью оправилось от кризиса, что бы там ни говорилось в официальных речах. В период после кризиса 1998 г. (с которым часто сравнивают кризис, начавшийся в 2008 г., по крайней мере, по глубине экономического спада) быстрая положительная динамика социальных настроений (ИСН) обозначилась уже в начале 1999 г. Локомотивом был именно опережающий рост частной компоненты, связанной с ожиданиями на будущее (ИО). Сейчас же изменения сводного показателя социальных настроений правильно было бы охарактеризовать как стагнацию: ожидания на будущее (ИО) оказались в самом низу спектра основных факторов, формировавших социальное самочувствие.

Можно сказать, что к концу 2011 г. сложились условия для открытого социального недовольства, и эта ситуация проявилась с максимальной за все время наших наблюдений четкостью. В отличие от 2005 г., триггером на этот раз стали не экономические, а, скорее, политические причины. Но, вообще говоря, они могли быть любыми, поскольку общество для них созрело. Не важно, что в обоих случаях массовые выступления были не столь многочисленны, что они пользовались открытой поддержкой относительно меньшей части населения. Принципиально то, что у большинства населения, пока не готового лично примкнуть к уличным акциям, протестные выступления не вызывают отторжения, не рассматриваются как враждебные или преследующие частные, корыстные интересы. Общество к ним внутренне готово, свидетельство тому — снижение роли власти в массовых оценках, что эквивалентно снижению зависимости от нее, по крайней мере, по самоощущениям людей.

Означает ли это, что всегда, когда оценки властей теряют свое значение в формировании социального самочувствия, следует ожидать социальных катаклизмов? Конечно же, нет. В нынешних конкретных российских условиях высокий уровень общих оценок власти идет вразрез с низкой оценкой практических действий / бездействий властей. Но власть при этом продолжает восприниматься как конечная инстанция всех надежд и чаяний¹. Поэтому периоды, когда

значимость этого комплекса снижается, означают, что ослабевают «тефлоновые» свойства власти, она становится более уязвимой уже для рациональной критики, облегчаются барьеры на пути открытого противостояния, распространения акций гражданского неповиновения. То, что в декабре 2011 г. такие акции начались под лозунгом «За честные выборы», — не единственное возможное основание для открытого массового протеста. (Это не умаляет уникальной важности проснувшегося в обществе недовольства проявлениями авторитаризма, поскольку гражданское равнодушие, выраженное в эти акции, есть важнейшее событие, которое уже не потеряет конструктивного значения, поскольку закреплено в общественной памяти.) Причин и поводов для серьезного недовольства населения в современной России предостаточно. Нерешенность проблем, накопившихся во всех основных сферах повседневной жизнедеятельности массовых слоев (жилье, здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение, охрана правопорядка и т.д.) может спровоцировать массовые акции протеста в любой момент. Отметим, что локальные акции гражданского противостояния, в основном в виде забастовок на отдельных предприятиях, все последние годы не прекращались². Но позитивные оценки высшей государственной власти — безальтернативной, огражденной от серьезной критики самоцензурой — в значительной степени предотвращали проявление сколько-нибудь массового отторжения властей.

Одним из факторов повышения значимости собственных усилий в формировании социальных настроений является рост благосостояния. В индексе социальных настроений этот аспект отражается в динамике частного индекса положения семьи (ИС). На протяжении практически всего периода измерения ИСН в группе самых обеспеченных российских граждан индекс ИС был наиболее высок — оценки собственной ситуации были лучше, чем представления о деятельности властей страны. В наиболее массовой группе российских семей по уровню материального достатка, которую назовем «обеспеченные» («денег хватает на питание и одежду, но покупка товаров для дома вызывает финансовые затруднения» — доля таких респондентов в последние годы составляет примерно 45% опрошенных) на протяжении долгого времени оценки собственной ситуации были тоже выше, чем оценки властей. Противоположная

¹ См.: *Левада Ю.* Ищем человека. Социологические очерки, 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006, с. 149–162, 224–230.

² См.: *Бизюков П.* Динамика трудовых протестов в России (2008–2011) // Вестник общественного мнения. 2011. №2, с. 29–37

ситуация, т.е. преимущественная ориентация на власть (индекс ИВ является самым значимым), характерна для относительно бедных групп населения.

Анализ влияния базовых социально-демографических факторов на динамику социальных настроений на основе моделей множественной регрессии позволяет количественно оценить характер и степень воздействия изменений в возрастной, образовательной, поселенческой структуре населения, а также перемен в уровне материального достатка российских семей (см. табл. 1).

Приведенные в таблице 1 коэффициенты (Beta) показывают направление и степень влияния отдельных социально-демографических факторов. Оценка многомерных зависимостей позволяет количественно определить индивидуальное влияние каждого параметра «при прочих равных» условиях. Абсолютная величина и знак (положительный или отрицательный) коэффициентов Beta показывают направление и относительную значимость влияния соответствующего фактора (независимой переменной).

Для расчетов все независимые переменные были сформированы таким образом, что их значения возрастают, соответственно, по мере увеличения возраста (переменная «возраст»), уровня образования (переменная «образование»), роста степени урбанизации (переменная «тип населенного пункта») и улучшения материального достатка респондента (переменная «потребительский статус»).

Расчеты показывают, что общественные настроения (сводный ИСН) положительно зависят от уровня материального достатка и отрицательно — от всех прочих базовых социальных

характеристик. Оценки моделей показывают, что *при прочих равных* условиях люди более образованные, живущие в более крупных населенных пунктах и более старших возрастов будут характеризоваться более низким уровнем социальных настроений. И напротив, повышение уровня материального достатка является наиболее мощным фактором роста общественных настроений (абсолютное значение Beta в несколько раз выше, чем у прочих независимых переменных).

Полученный результат кажется неожиданным в отношении отрицательного влияния более высокого образования и урбанизации на формирование общественных настроений. Сопоставление значений ИСН по группам респондентов с разным образованием и проживающих в городах разной величины как будто указывает на то, что более образованные люди и жители крупных населенных пунктов демонстрируют бóльший социальный оптимизм (см. рис. 2). Дело, очевидно, в том, что факторы образования и места проживания тесно положительно коррелируют с уровнем материального достатка (лучшее образование и проживание в более крупном населенном пункте в большинстве случаев означает более высокий потребительский статус). В рамках сопоставлений по одному параметру (подобных тем, что приведены на рис. 2) такое влияние трудно нивелировать. Расчеты множественной регрессии позволяют оценить индивидуальное влияние каждого параметра в отдельности. И эти расчеты показывают, что в сегодняшних российских условиях *наибольший социальный оптимизм локализован среди обеспеченной части относительно молодого населения с невысоким уровнем образования, проживающего в провинции.*

Таблица 1

ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК НАСЕЛЕНИЯ НА СОЦИАЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ.

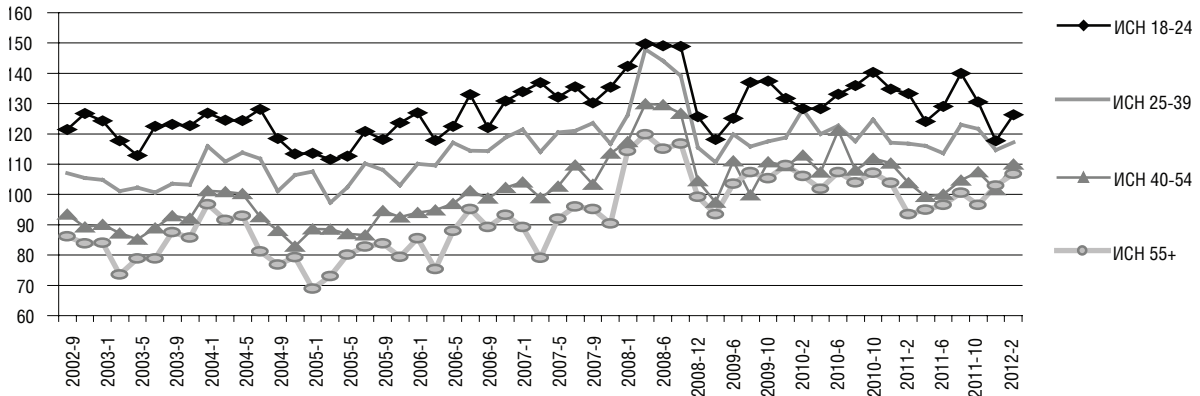
Коэффициенты моделей множественной регрессии (Beta), оцененных по данным массовых опросов населения, проведенных в 2002-2012 годах (N= 98400); если не указано иначе, sig = 0,000.

ПАРАМЕТРЫ МОДЕЛИ:	ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ				
	ИСН	ИС	ИР	ИО	ИВ
Коэффициент детерминации (R)	.417	.461	.321	.337	.221
Константа	91,4	75,4	82,0	93,3	116,5
	НЕЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ:				
Возраст	-,170	-,165	-,108	-,163	-,083
Образование	-,056	-,000*	-,042	-,052	-,072
Тип населенного пункта	-,033	-,037	-,026	-,018	-,030
Потребительский статус	,352	,387	,286	,266	,195

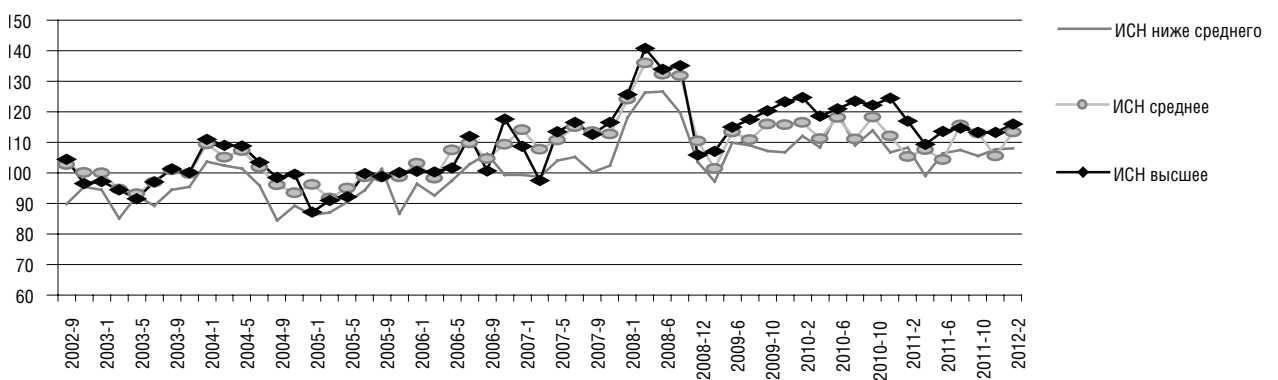
* коэффициент незначим (sig. 0,986)

Рисунок 2
ДИНАМИКА ИНДЕКСА СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ (ИСН) ПО ГРУППАМ НАСЕЛЕНИЯ

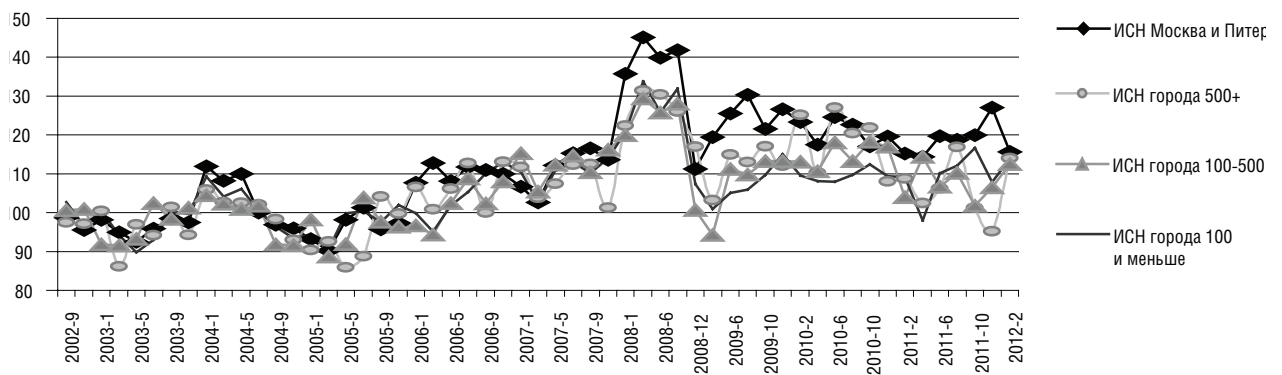
Группы по возрасту

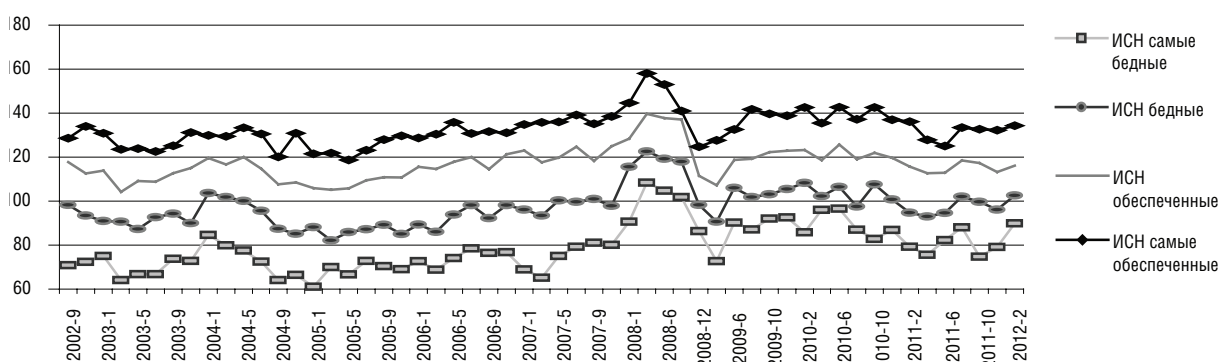
Группы по уровню образования

Группы по месту проживания

Группы по потребительскому статусу

Оцененные модели формирования общественных настроений в зависимости от базовых социально-демографических характеристик демонстрируют весьма непростую роль образовательного фактора. В таблице 1 приведены коэффициенты уравнений, рассчитанных не только для сводного ИСН, но и для его отдельных компонент. Это позволяет уточнить характер воздействия социально-демографических характеристик на различные стороны формирования общественных настроений. Образование оказывает значимое отрицательное влияние на все частные индексы, кроме оценок собственного положения (ИС). В последнем случае оно оказывается незначимым фактором, т.е. можно предположить отсутствие связи между субъективными оценками материальных условий жизни и столь важной для современного общества характеристики. Зато в прочих отношениях образование — это источник (хотя и слабый) негативных социальных настроений. Причем в наибольшей степени это проявляется, когда речь идет об оценках власти (в модели для частного индекса ИВ коэффициент, показывающий степень влияния образования, достигает максимальных по абсолютной величине значений — ,072). Такая роль образовательного потенциала в формировании общественного климата плохо соответствует задачам модернизации и инновационного развития страны, которые неотделимы от усилий по повышению человеческого капитала, важнейшей составной частью которого является растущий уровень образования населения. Однако, исходя из сегодняшних реалий, такая траектория развития чревата для власти нарастанием социальных проблем. Поэтому власть весьма дальновидно вбрасывает лозунги приоритетного развития, повышения роли среднего специального образования, что, будучи дополнено ростом доходов средних слоев населения, будет наилучшим образом способствовать укреплению сложившегося социального порядка. Но такой тип развития, такой «среднеспециальный» человеческий капитал не слишком пригоден для решения инновационных задач.

Расхожее представление о том, что поддержка действующей власти сосредоточена среди пенсионеров, людей менее обеспеченных, жителей провинции и т.п. категорий населения с меньшим объемом социальных ресурсов, несколько упрощает картину. Вероятно, более важную роль играет то обстоятельство, что в этих слоях населения меньше ресурсов для самостоятельных действий, выше уровень зависимости от государства, т.е. больше объективных оснований для развития патерналистских настроений. Но и недовольство властью там особенно сильно. Поэтому когда в бедных группах оценки власти сравниваются или даже оказываются ниже, чем другие факторы формирования социального самочувствия, как это было и в 2005 г., и особенно заметно — в 2011 г., потенциал недовольства набирает критическую массу.

Снижение относительной значимости надежд на верховную власть, которое наблюдалось на протяжении всего 2011 г., одновременно означает рост уверенности в собственных силах. И это делает общество более рационально настроенным, способным критически оценивать действия власти, более склонным требовать от властей выполнения обязательств — короче говоря, более подготовленным к равноправному диалогу с властью, а не к обращению с просьбами. Сейчас общество готово предъявить претензии к властям более чем когда-либо в последние годы. Инструментарий ИСН, которым мы пользуемся, показывает снижение относительной важности оценок власти (ИВ) при отсутствии признаков улучшения социального самочувствия в целом и ослаблении привычной предвыборной мобилизации общественного сознания. Незначительный рост ИСН в феврале объясняется, по нашему мнению, сезонными причинами. Динамика социального самочувствия в ближайшие месяцы может быть очень различной. В любом случае, она будет зависеть от того, насколько властям удастся избежать каких-либо действий в политической и экономической сфере, которые вызовут массовое неприятие. Запас прочности (или степень свободы маневра) у власти сейчас мал как никогда.

Олег КАШИРСКИХ

Публичная сфера и легитимность персоналистской системы власти в России

Фокус современной дискуссии о природе политических режимов всё чаще перемещается со структуры на *agency*¹. Природа и логика развития политического транзита на постсоветском пространстве постепенно преодолевает границы институционального анализа и анализа элит, влияния экономики и политики на общество. А что нам известно о том, как общество влияет на политику? Если считать нынешний политический режим в России легитимным, основываясь на опросах двух наиболее влиятельных социологических институтов — ВЦИОМ и Левада-Центр, то где источник данной легитимности? Объясняется ли он патерналистским сознанием граждан, склонных рассматривать актуальную политическую иерархию как единственно возможный тип правления и поэтому пассивных, не особенно интересующихся политической ситуацией в стране? Или политическая активность граждан ограничена особенностями институционального порядка России? Как определить уровень политической активности граждан в России и степень развития гражданского общества? Ответ на эти вопросы поможет понять, в чем легитимность сегодняшнего политического режима в России, какова природа этой легитимности.

Институционализация как публичность. В сегодняшних дискуссиях о политическом поведении и политических предпочтениях граждан в России доминирует точка зрения, объясняющая происхождение последних влиянием культурно обусловленного авторитаризма российского общества. В политической дискуссии данная объяснительная модель получила название *historical continuity thesis*, в ней последовательно выводится на первый план влияние прошлого на актуальные политические предпочтения россиян. Сэмюэл Грин утверждает, что тезис о решающем влиянии на развитие России предшествующей исторической траектории (*path dependency*) был предложен, прежде всего, Олегом Хархординым, Юрием Афанасьевым и Ри-

чардом Пайпсом². Можно привести примеры и других известных учёных, которые, с точки зрения автора данной статьи, предлагают похожие объяснительные конструкции, основывающиеся на тезисе *культурного авторитаризма*³. Символическая политика как апелляция государства/власти к известным стереотипам российских граждан — патернализм, иерархия и ностальгия по авторитарному политическому порядку — рассматривается многими как основной источник легитимности актуального политического режима. Логическим выводом данной конструкции провозглашается наличие социального контракта между обществом и государством, предполагающего сохранение *status quo* при обеспечении населения некоторым уровнем материального благополучия и безопасности. Таким образом, постулируется приоритетное влияние *прошлого* на настоящее в процессе объяснения политического поведения россиян.

Грин, однако, в своей статье обращает внимание на деинституционализацию социального взаимодействия россиян *сегодня* как на основную причину согласия с актуальной политикой власти на фоне *рационального* отказа от политических альтернатив, достижение которых связано с риском утраты того немногого, что ещё имеется⁴. Грин формулирует вопрос так: что же определяет характер социального взаимодействия россиян в большей степени — «господство старого» или «провал нового»? Под «провалом нового» мы понимаем здесь современную де-

² Грин С. Природа неподвижности гражданского общества // Pro et Contra, 2011, январь-апрель, с. 13.

³ Американские авторы Сил и Чен полемизируют с теми, кто видит в политических предпочтениях россиян свидетельство их приверженности демократическим ценностям. Согласно названным авторам, наличие некоторых демократических ценностей в предпочтительном ряду россиян не носит действительно демократического характера. Так, например, если обратить внимание на ранжирование указанных предпочтений, можно увидеть, что россияне готовы обменять демократию на социальную справедливость и материальное благополучие, что позволяет, по мнению американских коллег, трактовать этот выбор как результат ностальгии по советскому режиму. — См.: Sil R., Chen C. State Legitimacy and the (In)significance of Democracy in Post-Communist Russia // Europe-Asia Studies, 2004, vol. 56, №3, p. 363.

⁴ Грин С. Цит. соч., с. 8.

институционализацию в России как основное условие, определяющее политическое поведение россиян. Деинституционализация у Грина — это отсутствие «определённости» в процессе социального взаимодействия и снижение мотивации рисковать. Поддержка авторитарного режима в России — это вынужденная рациональность граждан, не склонных рисковать потерей уже достигнутого: однажды достигнутое ценится вдвойне на фоне необходимости вновь «преодолевать неопределённость». Грин пишет, что «граждане уходят из общественного пространства» и «укрепляют свои частные пространства»: «Эта поразительная девальвация «сообщности» постоянно усугубляется, поскольку показывает всем участникам, что их стратегии оправданны...»¹. В своей статье Грин объясняет источник современной легитимности актуального политического режима не пассивностью, но «рациональной неподвижностью».

Итак, «рациональная неподвижность» Грина есть следствие деинституционализации. Термин рациональность понимается здесь как понимание/рефлексия опасности слишком большого риска на фоне отсутствия определённости норм и правил. Здесь хочется подчеркнуть — норм и правил именно публичного пространства, пространства, связанного с Другими, не знакомыми мне из личного общения. Если исходить из понимания институтов как «совокупности укорененных правил и норм, управляющих поведением людей или групп людей, которая позволяет с достаточной точностью предсказывать реакцию на то, или иное воздействие» (Грин), то представляется логичным предположить, что только аккумуляция знания о Другом (о социальной роли Другого) посредством мониторинга поведения Другого способно генерировать правила и нормы. Подобный «мониторинг» необходим для верификации выполнением Другими социальных норм и правил: только общий характер следования последним может убедить меня в осмысленности соблюдения данных норм. Такой мониторинг возможен только при условии публичности, которая, в свою очередь, генерирует межличностное доверие — основу возникновения генерализации Другого, т.е. наделяние поведения другого незнакомого мне граждани-на его собственными личными ожиданиями. Таким образом, под публичным пространством можно понимать всё то пространство (медийное и реальное), которое даёт нам возможность валидировать природу поведения других людей, их поступки и мысли. Институционализация

¹ Грин С. Цит. соч., с. 12.

как возможность возникновения нормативного расширяется в той степени, в которой публичность и прозрачность выступает условием интеракций между гражданами, организациями или, как называет их Никлас Луман, системами с их собственной рефлексивной логикой. Тем самым, отсутствие публичности выступает первой причиной деинституционализации. А, следовательно, можно сказать, что отсутствие публичности и является рациональной причиной «рациональной неподвижности». Может ли публичность изменить рациональность, т.е. предложить разумные доводы в пользу преодоления партикуляристского поведения? Другими словами, отлична ли рациональность коллективная от рациональности индивидуалистической?

Рациональность как метод. Термин *рациональность* как попытка определить основы политического поведения российских граждан не отличается новизной. Данная тенденция явно просматривается в целом ряде работ американских и британских исследователей². Рациональность в данном случае понимается как низкая оценка функционирования сегодняшних демократических институтов россиянами. Данный вывод позволяет объяснить приверженность большинства россиян авторитарной политике Кремля как единственному средству демократизации данных институтов, что опосредованно свидетельствует о демократичности россиян³. Сторонники *культурного авторитаризма*, как уже было отмечено, вовсе избегают понятия рациональность, будучи убежденными в доминирующем влиянии патерналистских ценностей на сознание российских граждан. Любопытно, что ни первая, ни вторая группа исследователей, в сущности, не обращают внимания на проблему деинституционализации как возможного фактора, определяющего социальные и политические нормы поведения.

Прежде чем продолжить разговор, необходимо задать вопрос: а зачем нам в исследовании рациональность? Как мы можем использовать понятие рациональности для ответа на вопрос о политическом поведении россиян? Признание большей или меньшей рациональности в процессе формирования поведения и предпочтений меняет акцент в исследовании: в фокусе анализа оказывается характер современной социальной среды, ответственной за влияние на когнитивную автономию и когнитивную мо-

² Carnaghan E. Out Of Order: Russian Political Values in an Imperfect World. University Park: Pennsylvania State University, Press? 2007/

³ Там же.

бильность граждан (Инглхарт). Рациональность или прагматизм — и здесь с Хабермасом согласны и Бурдье, и Лукман — зависит от социальных условий её происхождения¹. Характер влияния данных социальных условий нами не выводится из слов самих агентов (их перцепции), скорее восприятие данных институтов агентами анализируется с точки зрения влияния институтов на само это восприятие. Иными словами, аутентичность восприятия гражданами окружающей реальности связывается нами с модальностью формирования их мнения в конкретной социальной среде.

Именно в данном конструктивистском контексте признание решающего влияния современных институциональных условий коммуникативного взаимодействия агентов выигрывает в значимости: когнитивные структуры сами являются социально структурируемыми как имеющие социальный генезис и коллективную форму конструирования². В исследованиях на тему понимания демократии россиянами — а это приоритетная область исследований последних лет — нужно быть осторожной с позитивизмом при изучении политических предпочтений россиян. Мнение большинства россиян о политике и о демократии не может рассматриваться как фиксированное знание: необходимо учитывать условия формирования данного знания в контексте его дискурсивного валидирования. Изучаться должны как объективные структуры, так и суть коммуникативных процессов граждан. Данное отношение диалектично: действия индивидуумов являются результатом практических диспозиций, которые те развили посредством опыта интерпретации объективных структур. Признание контрфактивности когнитивной автономии при формировании предпочтений позволяет расстаться с позитивистской традицией, когда знание интерпретируется в пассивном соответствии с пред-данностью объекта, а язык и поведение в своей значимости и рациональности независимы от социализации, габитуализации и от характера предубеждений. Другими словами, то, что мы габитуализированы верить в свою свободу на основании имеющихся к выбору опций, вовсе не означает, что мы действительно свободны и нами не манипулируют реклама и пропаганда.

¹ Здесь имеется в виду не коммуникативная рациональность — нормативная формула Хабермаса и часть теории коммуникативного действия, но общая рациональность сознания, способного к совершенствованию и эволюции.

² Bourdieu P. Social Space and Symbolic Power // Sociological Theory, 1989, vol. 7, №1, p. 18.

Кроме того, в наличие *выбора* как такового не входят другие характеристики свободы — рефлексия и ценности, а также формулирование позиции по отношению к условиям собственного существования как образование и знания, ресурсы и возможности, которые могут быть деформированы существующим социальным окружением. Вывод: рациональность — методологически инструментальная категория, позволяющая обосновать условность/ограниченность влияния прошлого и признать влияние настоящих институциональных условий на современное политическое поведение россиян.

Если исходить из условия публичного действия и публичности как основы институционализации социального взаимодействия, необходимо обратить внимание на концепцию публичной сферы. Публичная сфера выступает сферой институционализированной политики³, где формирование политического поведения/политических предпочтений индивида находится в зависимости от качества функционирования политических институтов. Под последними понимаются те институты, которые опосредуют коммуникационное взаимодействие государства и граждан: парламент, политические партии (парламентско-партийный комплекс, по выражению Хабермаса), а также массмедиа и группы интересов. Эти институты становятся медиационным механизмом вовлечения граждан в процесс обсуждения и принятия решений. Публичная сфера имеет две основные функции: во-первых, она выступает медиатором коммуникаций между управляющими и управляемыми относительно формирования и реализации политической повестки дня, а во-вторых — форумом для формирования данного общественного мнения посредством дискурса. Публичная сфера определяет интерессубъективность как основное условие рациональности: любое индивидуальное и субъективное высказывание может оцениваться как рациональное или нерациональное только в контексте коллективного валидирования. Другими словами, та рациональность, которая формирует свою позицию в соответствии с необходимостью достичь согласия с Другим, является интерессубъективной, а не субъективной или объективной⁴.

Последнее обстоятельство позволяет нам определить проблему коллективного и индивидуального в процессе формирования по-

³ Warren M. Democratic theory and self-transformation // American Political Science Review, 1992, vol. 86, №1.

⁴ Giddens A. Social Theory and Modern Sociology. California: Stanford UP, 1987, p. 229.

литического поведения: интерсубъективность как коллективное формирование идентичности обладает гораздо большим потенциалом для осознания собственной идентичности. Последнее условие, в свою очередь, позволяет более рационально или с большей степенью аутентичности определить собственные потребности — в том числе, в политической сфере. Понятие публичной сферы позволяет нам расширить категорию (понимание) рациональности в процессе определения прагматизма/разумности формирования населением своих политических предпочтений. Конституированная публичная сфера или её отсутствие могут служить переменной для определения сравнительного характера индивидуальной/коллективной рациональности. Без последней дифференциации нет «возможности понять логику всех действий, которые могут быть разумными, не являясь результатом разумного проекта или, с ещё большим основанием, — рационального расчёта; наделённого неким родом объективной финальности, не являясь сознательно организованными по отношению к эксплицитно поставленной цели; умопостигаемыми и последовательными, не являясь результатом логичного замысла и взвешенного решения; отвечающими будущему, не являясь продуктом проекта или плана»¹.

Публичная сфера в России: проблема доверия и рациональность непубличности. Современное понимание публичной сферы отличается от её определения в ранних работах Юргена Хабермаса². Критика «рациональной коммуникации» как коммуникации эксклюзивной³ изменила акценты в теоретизации публичной сферы. Сегодняшнее прочтение данной концепции положительно отвечает на вопрос относительно включения бессознательного в орбиту исследовательского интереса. Действительно, трудно представить себе коммуникацию без влияния бессознательного⁴ и свести ее только к «рациональной коммуникации» и единственно «правильному» значению. Айрис Янг подчёркивает,

¹ Бурдые П. Практический смысл. М.: СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2001, с. 42-43 (<http://yanko.lib.ru/books/cultur/bourdieu-all.htm>).

² Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd.1/2. Frankfurt am Main, 1981.

³ Коммуникативная рациональность более не рассматривается как исключаящая по внешним признакам (коммуникация мужчин «белой расы»). - Young I. M. Inclusion and Democracy. Oxford: Oxford UP 2000, p. 39.

⁴ Hoggett P., Thompson S. Towards a Democracy of the Emotions // Constellations, 2002, vol. 9, №1, p. 106-126.

что значение/смысл — это всегда дискурсивно символическое: символическое не может быть разделено на только семиотическое или только речевое⁵. В действительности концепция публичной сферы более не несёт в себе отрицания таких типов коммуникации, как приветствие и будничный нарратив. Напротив, как утверждает Дальберг, будничный нарратив способствует определению существа обоюдных позиций, так же как определению предрассудков и стереотипов⁶. Консенсус не выделяется более как непрременное условие *коммуникативного действия*, как не фокусируется и нормативная формула достижения согласия как результат рациональной коммуникации. Консенсус в публичной сфере — «всегда в процессе формирования»: дискурсивно оформленное общественное мнение репрезентирует процесс его формирования (Bildung), при котором граждане формируют более совершенные основания для своих мнений посредством дискурсивного взаимодействия. Симона Чамберс утверждает, что «консенсуальное соглашение, если такое вообще происходит, происходит постепенно и является фрагментарным и частичным»⁷. Речь идёт теперь не столько о достижении консенсуса, сколько о формировании обоснованного мнения в свете критики и аргументации Другого⁸. Концепция публичной сферы распространяется не только на обсуждение узко политических проблем, но и на сферу ежедневных коммуникаций граждан в целом — как непосредственных (межличностных), так и опосредуемых массмедиа. Публичная сфера понимается скорее как форма политического участия, которая в отличие от «политического активизма» может быть реализована также в социальной и культурной сферах⁹. Чем более инклюзивны условия интерсубъективного взаимодействия, тем успешнее процесс социального обучения. Успешность последнего измеряется аутентичностью представлений о собственных нуждах. Выполнение данной цели возможно только

⁵ Young I. M. Impartiality and the Civic Public: Some Implications of Feminist Critiques of Moral and Political Theory // Feminism as Critique: Essays on the Politics of Gender in Late-Capitalist Societies / Benhabib S., Cornell D. (ed.). Cambridge: Polity Press, 1989, p. 72.

⁶ Dahlberg L. The Habermasian Public Sphere: Taking Difference Seriously? // Theory and Society, 2005, vol. 34, №2, p. 127.

⁷ Chambers S. Discourse and Democratic Practices // The Cambridge Companion to Habermas / Stephen K. White (ed.). Cambridge: Cambridge UP, 1995, p. 250.

⁸ Chambers S. Op. cit., p. 238-239

⁹ Benhabib S. Models of Public Space: Hanna Arendt, the Liberal Traditions and Jürgen Habermas // Habermas and the Public Sphere / Calhoun G. (ed.). Cambridge: The MIT Press, 1992, p. 86.

при институционализации пространства ин-терсубъективного взаимодействия при помощи конституирования публичной сферы.

Понятия публичная сфера и публичность не являются полностью тождественными, но обуславливают друг друга. Без политически конституированной публичной сферы невозможна публичность. Между тем, в сегодняшней России отсутствует политическая конкуренция, а массмедиа «колонизованы» интересами моно-польной власти. Отсутствие реальной политической конкуренции не формирует запроса на существование независимых коммуникативных пространств, где генерирование общественного мнения могло бы быть использовано для совершенствования конкурентного политического предложения. Массмедиа также не способны выступать интермедиарным пространством. Государство полностью контролирует телевизионное пространство, что имеет следствием критически низкий уровень жанра журналистских расследований и объективного анализа социальных, экономических и политических реалий современной России. Интермедиарное пространство, способное вовлечь население в дискуссию о собственной судьбе в контексте социально-экономического и политического развития, деформировано: оно не выполняет ни репрезентативную функцию, ни информационную. Какое это оказывает влияние на возможность коллективной интернализации социально-политического развития общества, на возможность коллективно генерируемой рациональности?

Отсутствие возможности знать Другого и быть информированным о действиях Других по причине отсутствия Другого в интермедиарном пространстве является основной причиной межличностного недоверия в России. Выход в публичное пространство, в пространство коллективного и общественного возможен только в условиях доверия к Другому. Источником доверия к Другим является, по мнению Лумана, «социальная зримость» (*soziale Sichtbarkeit*)¹. Генерализация доверия, его перенос на людей, тебе лично не знакомых, возможны только при условии прочного знания о том, что незнакомцы также будут следовать тем социальным нормам, которым следуешь ты. Посредством медиации репрезентативных демократических институтов, коллективных акторов и медиа агент может валидировать собственные пред-

¹ Luhmann N. Vertrauen. Ein Mechanismus zur Reduktion der sozialen Komplexität. Stuttgart: Lucius & Lucius, 2000, S. 48.

ставления о представлениях Других с помощью мониторинга Других². Если данные институты не выполняют функции репрезентации Другого, они более не рассматриваются агентами как заслуживающие доверия, рационально полезные: характерно, что именно репрезентативные институты (парламент, партии и медиа как источник *self-reference*) вызывают наименьшее доверие российских граждан.

Что же происходит с предпочтениями и политическим поведением граждан в условиях межличностного недоверия и деинституционализации? Недоверие к репрезентативным институтам (включая медиа) не позволяет генерализовать доверие. Вертикаль власти, которая не предполагает наличия «институционализованного недоверия»³ не генерирует межличностное доверие. На фоне недоверия к Другому население фрагментируется по принципу *принадлежности*. Примордиальный тип приватизма, выражающийся в группировании по признаку семейственности, родства, знакомства, функционально компенсирует недостаток вертикального доверия институтам⁴. Рациональность примордиального приватизма объяснима: «постоянная флуктуация классов, гражданства и профессиональных идентичностей только подчёркивает постоянство родственных связей. Это, разумеется, не означает, что семейные отношения становятся более прочными, просто они воспринимаются как более постоянные, чем другие типы отношений: можно перестать быть советским гражданином или инженером, но нельзя перестать быть дочерью, сестрой или женой»⁵. Коммуникационная доместикация сопровождает непубличный характер коммуникационной активности россиян. Больше чем 57% очень редко или никогда не коммуницируют с дальними знакомыми и коллегами по работе. Публичное пространство не является местом времяпрепровождения россиян: 61% «практически никогда» не посещают кинотеатры и концерты⁶. Только 1-3% россиян принимают

² Offe C. How can we trust our fellow citizens? // Democracy and Trust / Warren, M. (ed.). Cambridge: Cambridge UP, 1999, p. 67.

³ Под «институционализированным недоверием» Клаус Оффе понимает институционализацию политического контроля над исполнительной властью: свободные медиа, политическую конкуренцию и независимую судебную систему. – Offe C. Op.cit., p. 48.

⁴ Offe C. Op.cit., p. 48.

⁵ Shevchenko O. 'Between the Holes': Emerging Identities and Hybrid Patterns of Consumption in Post-socialist Russia // Europe-Asia Studies, 2002, vol. 54, № 6, p. 848.

⁶ Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: МШПИ, 2008, с. 70.

участие в активности добровольных ассоциаций граждан (религиозной, гендерной и прочей направленности)¹.

Непубличный характер коммуникационной активности россиян является причиной внутригрупповой культурной гомогенности. Закрытое для проникновения точек зрения, отличающихся от членов данной группы, сознание большинства россиян не вовлечено в аргументативное обсуждение разности позиций. Разность позиций нивелируется вынужденным групповым конформизмом² и воспроизводится имплицитно, не пользуясь аргументативным стилем общения. В данных условиях не происходит когнитивного совершенствования, как не происходит и интернализации социально-политических изменений. Неспособность к активной интернализации социального развития Штомпка и другие определяли как *культурную травму*³, указывая, что темп социальных изменений может быть неодинаковым в различных областях реальности. Так, например, сфера культурного воспроизводства отличается особой инертностью и особо продолжительной интернализацией происходящих изменений. С этой точки зрения, для обеспечения поддержки населением демократического реформирования необходимо создание институциональных условий для широкого участия населения в процессе самого этого реформирования. Участие должно осуществляться в рамках институционализированной политики, где коллективно валидируемые притязания на значимость в форме суждений о политике могли бы претендовать на большую рациональность.

Приватное *версус* публичное как проблема демократического транзита России. Именно сравнительное противопоставление частного и публичного является, по моему убеждению, одним их важнейших методологических инструментов, который на материале демократического транзита способен определить условия поддержки населением дальнейшего развития демократических институтов. Разница между гражданами России и западных демократий в контексте отношения к демократическим институтам заключается, прежде всего, во внутреннем, постигаемом изнутри отношении к демократии на Западе и поведением россиян, вынужденных

постигать данное отношение извне, эвристически. Отсутствие внутреннего понимания демократии в условиях демократического транзита ставит граждан перед дилеммой («дилеммой транзита», по выражению П. Штомпки⁴): первоначально позитивное отношение к началу демократических реформ переживает основательную проверку на прочность на фоне *априорно* ограниченной эффективности институтов демократии в начале процесса демократизации. Неудовлетворение потребностей и разочарования в надеждах на фоне отсутствия скорых результатов демократических реформ заставляют граждан сомневаться в обоснованности поддержки демократических реформ: «Эффективность и результативность реформ в решающей степени зависит от веры людей, что долгосрочное инвестирование в поддержку реформ себя оправдает»⁵. Вне этиаблированных рыночных отношений и демократических институтов граждане рассматривают последние исключительно с инструментальных позиций — как средство достижения материального благополучия. Иначе говоря, «демократия результата» противопоставляется «демократии процесса» (Клаус Оффе). Необходимо заметить, однако, что предпочтению «демократии результата» усугубляется, как было указано выше, если конституционное и рыночное реформирование не сопровождается одновременным развитием публичной сферы. Цель последней — релятивировать результат неизбежного (зачастую) разочарования реформами посредством изменения ценностей граждан, формирования у них демократической идентичности.

Различение частного и публичного в период транзита принимает особенно важный характер: рациональность индивидуального противопоставляется рациональности публичного и коллективного в контексте противоречия частных и общественных интересов. Рациональность атомизированных граждан в условиях деинституционализации не ведёт к со-общности/публичности, производству общественного интереса и публичной рациональности. Если на Западе гражданское общество уже конституировано, то в России главным условием его формирования является преодоление границ частного/приватного на пути к созданию со-общества в публичном пространстве. Измерение политической активности российских граждан только «поли-

¹ Howard M.M. Postcommunist Civil Society in Comparative Perspective // *Demokratizatsiya*, 2002, vol. 10, №3, p. 291.

² Noelle-Neumann E. Die Schweigespirale. München: Langen Müller, 2001.

³ Sztompka P. Cultural Trauma. The other face of social change // *European Journal of Social theory*, 2000, vol. 3, №4.

⁴ Sztompka P. Dilemmas of the Great Transition: A Tentative Catalogue // *Program on Central and Eastern Europe. Working Paper Series 19*, 1991, November 29-30.

⁵ Elster J. Solomonic Judgements: Studies in the Limitations of Rationality. Cambridge: Cambridge UP, 1989, p. 93.

тическим активизмом» (участием в выборах) не является верным в условиях демократического транзита. При отсутствии конституированной публичной сферы акт выхода в публичное пространство как пространство для когнитивного совершенствования уже является политическим актом. Публичная сфера как «социальная зримость» не только наделяет граждан взаимным доверием — таков результат постоянной возможности мониторинга и изучения Другого — и появлением «рационально» обоснованного присоединения к этому со-обществу, но и конституированием необходимого дискурса. Последний позволяет преодолеть символический дефицит, связанный с аутентичным пониманием собственных нужд в политической плоскости.

Сегодняшний анализ постсоветских политических режимов сталкивается с дефицитом теоретического арсенала, способного определить природу политического режима, в котором, с одной стороны, наличествуют формальные атрибуты демократии, с другой, не соблюдаются основные политические права граждан. Очевидная недостаточность «минималистских» (процедурных) определений демократии *à la Schumpeter*, которые в различных вариациях проводят тезис об электоральном соперничестве как о сущности демократии, обуславливает необходимость расширить представление о демократии и политическом участии. Бедность методологического арсенала минималистских теорий демократии состоит, с точки зрения их критиков, прежде всего в преувеличении значения формальных политических институтов на постсоциалистическом пространстве: демократическая консолидация понимается при этом просто как стабилизация регулярных конкурентных выборов¹. Минималистская модель демократии трактует выборы как единственно существенную форму политического участия, выборы рассматриваются как центр легитимности политической системы. Можно предположить, однако, что без сопутствующего дискурса данный порядок легитимности будет зависеть только от экономических изменений в обществе (экономический кризис). В теории политической демократии, напоминает О'Доннелл, *agensy* предполагает некоторый потенциал принятия решений, которые в совокупности выглядят достаточными, чтобы оказать влияние на процесс агрегации электоральных голосов относительно устойчивости

позиций актуальной власти². Поэтому определить понятие политического участия можно не только на примере граждан, которые осуществляют политический выбор в день голосования, но и на примере тех, кто участвует в «родственной» политической активности *вокруг* процесса выборов — политических дискуссиях в рамках и вне гражданских ассоциаций³.

В политической дискуссии теория дискурсивной демократии, включая противопоставление частного и публичного в границах концепции публичной сферы, должна скорее выступать как возможность более точного объяснения функционирования демократических институтов. Дискурсивная теория демократии не является теорией в поиске практического применения, скорее это теория, которая стремится к объяснению некоторых аспектов логики существующих демократических практик⁴. В частности, расширенное понимание демократии (*expansive democracy*) может помочь в объяснении характера легитимности современных авторитарных политических режимов с номинальным наличием демократических институтов. Данная легитимность будет в данном случае основываться не на использовании предпочтений граждан как фиксированного знания, но на принципиальном допущении условности данных предпочтений, детерминируемой современным характером социализации в условиях данного политического режима. Таким образом, допущение адаптивного характера рациональности относительно рефлексии собственных нужд позволяет более определённо ответить на вопрос о методологии исследования легитимности: необходимо фокусирование дискурсивного пространства формирования идентичностей, институциональных условий, обеспечивающих символическое становление личности. Сказанное однажды Хабермасом в защиту *позитивных свобод* демократии посредством коммуникативного *arrangement* — «для того, чтобы политические права обрели силу, эти права должны коммуницироваться»⁵, — особенно актуально в условиях политического транзита.

Можно сказать, что легитимность политического режима в России состоит в консервировании *негативной свободы* и предупреждении развития навыков *свободы позитивной*. Примером тому служит сознательная деградация ин-

¹ Dryzek J., Holmes L. Post-Communist Democratization: Political Discourses Across Thirteen Countries. Cambridge: Cambridge UP, 2002, p. 7.

² O'Donnell G. Op. cit., p. 10.

³ O'Donnell G. Op. cit., p. 12.

⁴ Benhabib S. Deliberative Rationality and models of democratic legitimacy// Constellations, 1994, vol. 1, №1, p. 42.

⁵ Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992, S. 132.

терпретации демократии и демократического сегодняшними представителями власти, сводящими их лишь к акту соблюдения законов, к интерпретации демократии как законности. Выхолащивание коммуникативной составляющей демократии в сегодняшней России усваивается массовым сознанием, становится устойчивой символической формой¹. Между тем, именно позитивная свобода как коммуникативная защита и приумножение демократических свобод есть решающее условие эволюции политической системы и общества. Реализация позитивной свободы это процесс, который заставляет граждан учиться и изменяться когнитивно, в отличие от свободы негативной, которая не побуждает ни к действию, ни к коммуникации. Отсутствие понимания важности позитивной свободы и практик её широкого применения обнаруживается на примере отношения россиян к правам мониторинга реализации данной позитивной свободы в политической практике России. Институты политической коммуникации — партийная конкуренция и критические масс-медиа — не востребованы у широких слоёв населения. Отказ кандидата в президенты Путина от участия в политических дебатах не вызывает протеста, поскольку не является фактором формирования политического поведения и политических предпочтений россиян. Обесценивание публичной сферы и её институтов есть результат обесценивания фигуры обобщенного Другого и его мнения. Рациональное недоверие к Другому в условиях деинституционализации экстраполируется гражданами на политическую коммуникацию, институты которой и являются конститутивным оформлением мнения Другого.

Публичность и «согласование форм жизни». В своей статье Борис Дубин² удачно отметил неспособность населения не только приумножить, но и сохранить поддержку демократических реформ: с 1991 по 2010 гг. число признающих значимость срыва попытки государственного переворота в августе девяносто первого уменьшилось почти на 50%. Дубин называет деинституционализацию ответственной за неспособность сохранить «демократические настроения»: «процесс изменений не приобрел ... институционального воплощения и

¹ Характерно недопонимание приоритетов проблематики демократического реформирования в интервью Бориса Титова (председателя организации «Деловая Россия») радиостанции «Свобода»: «... сначала нам нужно правовое государство, а не демократия» // <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24544691.html>

² Дубин Б. Символы возврата вместо символов перемен // Pro et Contra, 2011, сентябрь-октябрь, с. 6.

развития»³. Важно, однако, заметить, что «демократические настроения» носили только общий характер желания перемен, они не являлись адресной поддержкой демократических институтов, не могли ею быть, поскольку граждане не обладали знанием о сути данных институтов. Такие «демократические настроения» могли бы перерасти в подлинно демократические тогда, когда появились бы другие, аутентичные изменившемуся времени и пространству культурные инструменты. Проблема деинституционализации как дефицита публичной сферы — в том, что в обществе не происходит накопления нового знания: «социально изолированный индивид не развивает язык или какую-либо другую форму символического мышления и не имеет действительных символов любого рода... символов, способных к медиации трансакций между двумя или большим количеством сознаний, чем только к операциям одного сознания»⁴.

Несмотря на то, что подлинно демократическая точка зрения и либеральная идеология имеют площадки для артикуляции демократического знания, за двадцать лет ни демократическая мысль в общем, ни либеральная идеология, в частности, не получили сколько-нибудь значимого распространения и признания. Аудитория «Эха Москвы» и прочих площадок свободного обмена мнением (некоторые печатные издания и еще более редкие телевизионные каналы), в том числе и как трибуны политической оппозиции, практически не расширяется. В обществе совершенно не сформирован запрос на демократическую символику. Проблема не только в том, что знание о демократии не имеет обращения в российском общественном пространстве, но гораздо больше в другом: данное знание не имеет возможности быть интернализированным на фоне коммуникационной доместикации и культурной фрагментации современного российского общества. Культурная гомогенность примордиальных групп исключает встречу (контрафактичность) с иным мнением, мнением Другого, а отсутствие институционализированной публичности не позволяет сделать включение мнения Другого в собственную мотивацию рациональным. Только публичное пространство делает «концептуально невозможной артикуляцию эгоцентричных аргументов» по поводу общественно релевантных проблем и «психологически сложной артикуляцию по поводу предпочтений Других без неизбежного признания/принятия данных

³ Там же, с. 9.

⁴ Donald M. A Mind so Rare: The Evolution of Human Consciousness. New York: W.W. Norton, 2001.

преференций»¹. Знание демократии и демократические ценности отдельных частей социума не становятся достоянием большинства, общество не аккумулирует новые знания.

К. Вердери и С. Ушакин убедительно продемонстрировали дефицит культурных инструментов россиян в процессе интерпретации социально-политических изменений последнего времени². На фоне постоянно изменяющегося социально-политического пространства у большинства населения отсутствовала дискурсивная возможность участвовать в его интернализации. «Смысловая неопределённость» и «когнитивный вакуум» привели к тому, «что поиск адекватных символических форм стал все чаще подменяться использованием уже готовых символических конструкций. Неопределённость языка (и состояния) преодолевалась «через реставрацию пределов и границ, знакомых по прошлому опыту»³. Как результат, символический дефицит большинства компенсируется *паттернами потребления* — смысловыми структурами, в наименьшей степени зависимыми от качества социальных изменений.

Приватизм в интернализации социальных изменений выражается в формировании закрытых культурных анклавов, артикулирующих общественно значимые проблемы в своих собственных терминах: «разные группы населения» вкладывают «в одни и те же идеи разный, порой взаимоисключающий смысл»⁴. Отсутствие публичной сферы как процедуры коллективной интернализации социального предотвращает возможность выработки общих культурных оснований, способных обусловить процесс взаимопонимания: для согласия мнений сначала необходимо иметь согласие по поводу используемого языка⁵. Взаимопонимание не понимается нами в данном случае как результат имплицитной коммуникации, как культурная гомогенность (*like-mindedness*), но

¹ Elster J. The Market and the Forum: Three Varieties of Political Theory // *Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics* / Bohman J., Rehg W. (eds.). Massachusetts Institute for Technology, 1996, p. 12.

² Verdery K. The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Postsocialist Change. New York: Columbia UP, 1999; Oushakine S. In the State of Post-Soviet Aphasia: Symbolic Development in Contemporary Russia // *Europe-Asia Studies*, 2000, vol. 52, №6.

³ Ушакин С. Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии // *Новое литературное обозрение*, 2009, №100, с. (<http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/ush55.html>).

⁴ Кутковец Т., Клямкин И. Русские идеи: Возможно ли согласие в расколоте общества? // *НГ—Сценарии*. 1997. 16 января

⁵ Характерно утверждение Витгенштейна о том, что для согласия мнений сначала необходимо иметь согласие по поводу используемого языка. Другими словами: «согласие мнений» есть там, где есть согласие «форм жизни». — *Витгенштейн Л.* Философские работы. М.: Гнозис, 1994, с. 241.

как минимальное условие восприимчивости к мнению Другого и, в результате, способности к социальному обучению. Взаимопонимание есть результат публичного обсуждения и аргументирования, способ сузить возможность эмоционализации и радикализации противоречий.

Одним из удачных исследований на эту тему заслуженно является анализ публичной сферы Герхардсом на примере дискуссии об абортах в германском обществе⁶. На материалах дискуссии 1979-1984 гг. в центральных печатных изданиях ФРГ («*Süddeutsche Zeitung*» и «*Frankfurter Allgemeine Zeitung*») автор проследил обмен аргументами между различными общественными акторами: отдельными гражданами, их ассоциациями, профсоюзами, церковью, представителями политических партий. Проверая тезис Хабермаса о неизбежности влияния дискурсивного формирования общественного мнения на политическую повестку дня, автор приходит к выводу, что скорее имеет место процесс «аргументативного обсуждения» (*argumentative Auseinandersetzung*) всех «за» и «против». Подобный процесс не влияет на политиков непосредственно, но оказывает *рефлексивное давление* (*Reflexionsdruck*). Кроме того, важнейшим результатом публичного процесса аргументативного обсуждения является «де-фундаментализация противоречий» и «цивилизованные обсуждения». Вторым важным выводом исследования было признание необходимости участия в дискуссии всех релевантных общественных акторов: только это условие способно обеспечить проблематизацию всех релевантных деталей дискуссии и, тем самым, увеличить вероятность компромисса. И третий вывод исследования: важнейшая роль политических партий в процессе. Роль последних не выразилась во властном и стилистическом доминировании дискурса, но, прежде всего, в выполнении интермедиарной функции: на шкале ценностей «либеральных-консервативных» ценности политических партий расположились между ценностями общественных групп и организаций, а также ценностями центров принятия политических решений.

Понятно, что при современных политических условиях в России подобный режим публичного обсуждения невозможен. Между тем, подобные процессы коммуникативного поиска приемлемых компромиссов на основе общих

⁶ Gerhards J. Soziale Positionierung und politische Kommunikation am Beispiel der öffentlichen Debatte über Abtreibung // *Kommunikation und Entscheidung. Politische Funktionen öffentlicher Meinungsbildung und diskursiver Verfahren* / Daele Wolfgang, Neidhardt Friedhelm (Hrsg.). Berlin, 1996, S. 83-102.

языковых и символических оснований могли бы помочь в интернализации исторического прошлого и настоящей политической действительности, а также в цивилизовании дискуссии. В действительности же мы имеем крайнюю поляризацию политических позиций.

Выводы. Концепция публичной сферы позволяет расстаться с моделью социального контракта в процессе изучения и объяснения легитимности современного политического режима в России. Социальный контракт при отсутствии конституированной публичной сферы не может существовать, поскольку предпочтения граждан (артикулированные) представляют собой пре-политически (вне сферы инситуционализированной политики) формируемые предпочтения без проверки аргументативной рефлексией. Порядок достижения согласия в публичной сфере скорее контрафактический, а не актуальный. Обе политические конструкции — публичная сфера и контракционизм — основываются на допущении консенсуса подданных относительно легитимности актуальной формы правления. Но если природа согласия контракционизма трансцендентна, то в публичной сфере — рациональна (т.е. контрфактична/условна). Проблематизация *рациональности* поэтому представляется валидным средством определения политического поведения россиян: она указывает на необходимость выделения *нерационального* как неизбежного воспроизводства старых паттернов сознания в отсутствии коллективных форм рефлексии. Противопоставление *рационального* и *нерационального* как *публичного* и *приватного* меняет методологическую парадигму исследований: предметом изучения становится не мнение россиян, а интерпретация данного мнения через призму влияющих на него институциональных условий.

Соответственно источник легитимности режима не объявляется более предметом социального контракта, но делает символическое наполнение выбора россиян зависимым от современных форм социального взаимодействия. Социальный контракт, будучи холистской теорией, склонен ставить политические предпочтения/легитимность власти в зависимость от изменения «условий контракта»: изменение экономической ситуации — одного из основных условий контракта — должно, как считают сторонники данной теории, неизбежным образом отразиться на отношении к данному контракту со стороны граждан, легитимность данного режима уменьшается. Однако, несмотря на отчаянную бедность широких слоёв населе-

ния в России, граждане не обнаруживают сомнений в легитимности авторитарной системы власти. Условность легитимности политического режима в России состоит сегодня в наличии не валидированных коллективно общественно-политических проблем, разность мнений относительно которых не позволяет достичь ни выработки общих оснований для обсуждения, ни понимания сближения позиций.

Фрагментация языковых и культурных оснований идентичности на фоне отсутствия институционализированной политики в форме публичной сферы не позволяет включить Другого в процесс постижения и формулирования собственного интереса. Поддержка сегодняшней власти большинством как условие её легитимности это фрагментированная сумма меньшинств, объединяемая по принципу деполитизации¹. Деполитизация как отсутствие интермедиарного пространства для коммуникации между политическими институтами и гражданским обществом не позволяет данному большинству признать это пространство рациональным и полезным. Политические предпочтения россиян формируют не политическая конкуренция и свободные СМИ в условиях аргументированного противостояния мнению Другого, а вновь и вновь имплицитно воспроизводимые старые символы и стереотипы сознания внутри групповых культурных анклавов.

В этих условиях природа легитимности существующей власти заключается в девальвировании Другого и публичности в глазах большинства, в девальвировании процедурной демократии (универсальной коммуникации). Поэтому выбор большинством россиян сегодняшней авторитарной политики это не столько выбор в пользу авторитаризма, сколько непризнание процедурной демократии как значимого фактора политики. При обесценивании публичной сферы в глазах большинства вытеснение на политическую периферию института политической конкуренции, института присяжных и ограничение свобод собраний и коллективного волеизъявления не вызывают возмущения граждан. Даже при очевидной неудовлетворенности большинства россиян своим социально-экономическим положением их политический выбор не приходит в противоречие с существующей персоналистской системой власти в России.

¹ *Каширских О.* Деполитизация политических предпочтений в России // Пути России: новые языки социального описания. Москва: Московская высшая школа социальных и экономических наук: Новое литературное обозрение (в печати).

Денис ВОЛКОВ

ПРОТЕСТНЫЕ МИТИНГИ В РОССИИ КОНЦА 2011 — НАЧАЛА 2012 гг.:

запрос на демократизацию политических институтов

На следующий день после выборов в российский парламент, состоявшихся 4 декабря 2011 года, в Москве и ряде крупных городов страны произошли митинги против фальсификаций результатов голосования в пользу партии власти. Очень быстро численность участников протестных акций выросла до десятков тысяч человек, превысив уже к концу декабря, по подсчетам организаторов, цифру в сто тысяч — акции такого масштаба в столице не видели на протяжении двух десятилетий. Довольно скоро требования пересчета голосов и отставки главы центральной избирательной комиссии сменились требованиями перевыборов и отставки Владимира Путина. Не затихая, протестные мероприятия продолжались всю зиму и весну. Последняя многочисленная акция на момент выхода статьи — шествие и митинг на проспекте Сахарова 12 июня 2012 — собрала не меньшее число участников, чем акции в декабре. Также отметим, что параллельно митингам, организованным оппозицией, прошли несколько массовых акций противников перемен: многотысячный «антиоранжевый митинг», шествие сторонников Путина и митинг-концерт в Лужниках с участием премьера (и кандидата в президенты) в феврале, а также «стояние» у храма Христа Спасителя в поддержку церкви и патриарха, подвергшихся «гонениям».

Данная статья представляет собой попытку ответить на ряд вопросов. Во-первых, почему протесты произошли после выборов, или почему проведение российских выборов прежде не вызывало возмущений? Как представляется, для ответа на этот вопрос необходимо понять, что нового принесла прошедшая избирательная кампания по сравнению с предыдущими: президентскими и парламентскими выборами в 2007 и 2008 годах и выборами в Мосгордуму в 2009 году. Во-вторых, почему акции имели мирный, гражданский характер, хотя еще недавно многим исследователям казалось «маловероят-

ным», что социально-политический протест в России может войти «в русло гражданской солидарности и гражданского творчества»¹ или что «экстраординарные по своему характеру массовые организованные движения протеста оказываются возможными только как... явления «редукции сложности», возвращения к более примитивным социальным формам»². В этих целях, протестные акции последнего полугодия сравниваются в статье с российскими протестами последних 5-7 лет. В-третьих, чтобы понять, почему митинги и шествия продолжались так долго, подробно будут рассмотрены: логика развития событий, основные действующие силы и репертуар игроков.

Эмпирический материал статьи составляют различные количественные репрезентативные опросы Левада-Центра и материалы двух крупных качественных исследований, проведенных Центром в 2010-2012 годах³.

Портрет российского протестующего. Исходя из желания представить вначале исходные данные нашего анализа, рассмотрим здесь социальный портрет участников митингов и шествий. Для этого мы располагаем двумя основными источниками информации: (1) состав органи-

¹ Паин Э. На смену Николаю II должен прийти Кеннеди // Новая Газета от 25 января 2011.

² Гудков Л. Инерция пассивной адаптации // Pro et Contra, 2011 январь-апрель, с. 38. Отчасти публикуемая мною статья является отложенным продолжением полемики, завязавшейся на конференции Левада-Центра в январе 2011 года между указанными уважаемыми исследователями и автором.

³ Использованы следующие исследования Левада-Центра последних лет: регулярные инициативные всероссийские опросы, опросы москвичей, опросы на митингах 24 декабря 2011 г. (по заказу организаторов мероприятия) и 4 февраля 2012 г. (по заказу Новой газеты), а также материалы углубленных интервью с руководителями российских НКО, лидерами неформальных гражданских инициатив, организаторами и участниками московских протестных митингов, проведенных в рамках качественных исследований «Перспективы гражданского общества» и «Перспективы общественного движения» в 2010-2011 и 2012 годах при поддержке фонда National Endowment for Democracy.

заторов, участников Оргкомитета и других координирующих объединений, выступающих со сцены и материалы интервью с некоторыми из них, (2) колонны политических и гражданских объединений со своими флагами и транспарантами (3) результаты опросов на митингах — для характеристики рядовых участников¹.

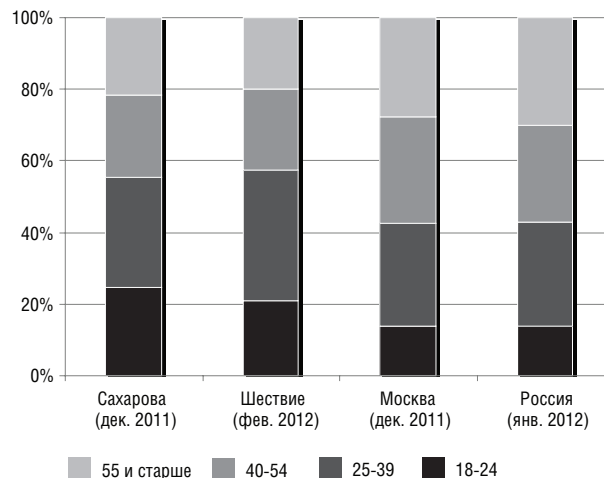
Анализ состава организаторов и выступающих позволяет сказать, что в подготовке протестных мероприятий участвовали (а) оппозиционные политики, прежде всего несистемные (Борис Немцов, Владимир Рыжков, Гарри Каспаров, Михаил Касьянов, Григорий Явлинский, Сергей Удальцов, Геннадий и Дмитрий Гудковы, Илья Пономарев, Илья Яшин, и др.), (б) гражданские активисты (Алексей Навальный, Евгения Чирикова, Елизавета Глинка, Татьяна Лазарева, Дмитрий Орешкин и др.) и (в) представители творческих профессий: журналисты, поэты, писатели, музыканты (Виктор Шендерович, Сергей Пархоменко, Ольга Романова, Леонид Парфенов, Юрий Шевчук, Борис Акунин, Дмитрий Быков, Артемий Троицкий и др.).

Отметим, что во время шествий формировались различные колонны, объединявшие участников шествия в зависимости от их политических пристрастий (колонны различных партий, политиков, движений, в т.ч. националистов, анархистов и проч.), идентичности (ЛГБТ), гражданской позиции (научно-образовательная, в поддержку Pussy Riot и проч.).

Что касается состава рядовых участников, то на митинге на Чистых Прудах, да и на Болотной площади 10 декабря, по общему убеждению, преобладала молодежь. (Рис. 1) Однако на акциях 24 декабря на проспекте Сахарова и 4 февраля во время шествия по Якиманке и второго митинга Болотной площади, согласно опросам Левада-Центра, большинство составили люди среднего возраста. Самые молодые (18-24 лет) насчитывали около одной пятой собравшихся, как старшая возрастная группа (55 лет и более). Среди митингующих люди с высшим образованием составляли около 80% (в среднем по стране — менее трети), среди них было больше мужчин (до 65%), тогда как большинство населения страны — женщины.

¹ Цитируется опрос участников митинга на проспекте Сахарова в Москве 24 декабря 2011 года, проведен по заказу оргкомитета митинга «За честные выборы» среди 791 человека, погрешность 4,8%. <http://www.levada.ru/26-12-2011/opros-na-prospekte-sakharova-24-dekabrja> и опрос участников шествия по Якиманке и митинга на Болотной площади 4 февраля 2012 года проведен по заказу «Новой газеты» среди 1346 чел., погрешность 5,2%. <http://www.levada.ru/13-02-2012/opros-na-mitinge-4-fevralja>

Рисунок 1
ВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ УЧАСТНИКОВ МИТИНГА В СРАВНЕНИИ С ВОЗРАСТНЫМ СОСТАВОМ НАСЕЛЕНИЯ МОСКВЫ И РОССИИ

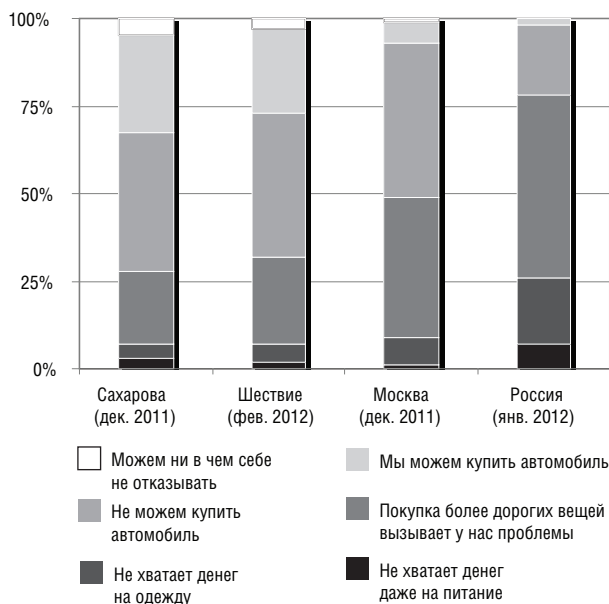

Подробнее рассмотрим материальное положение участников указанных митингов. (Рис 2) Преобладающей группой на обеих акциях были те, кто «может позволить себе дорогие вещи, но покупка автомобиля вызывает у них затруднение» (40% в декабре и 41% в феврале). Около четверти протестующих (28% в декабре и 24% в феврале) были в состоянии купить автомобиль, 5% и 3% составляли те, кто «ни в чем себе не отказывает». В сумме эти три группы составляли 78% участников митинга на Сахарова и 68% участников шествия. Для сравнения в Москве они составляют около половины населения (50-51%), в России — лишь около одной пятой (22%). Три наименее обеспеченные группы (те, кому «не хватает денег на продукты», «денег хватает на продукты, но покупка одежды вызывает затруднения» и «денег хватает на продукты и одежду») составляли в сумме 28% митингующих в декабре и 32% — в феврале. Отметим, что в столице людей этого уровня достатка насчитывается порядка половины (49%), а в масштабах всей страны это большинство населения (79%). Изнутри и с точки зрения москвичей ситуация выглядела так, что на митинг вышли «все»² или «очень разные люди»³ (в том числе потому, толпа была чрезвычайно пестрой, были разные флаги, лозунги, требования, костюмы, одежда), но для среднего россиянина, наблюдавшего акции по телевизору, происходящее должно было выглядеть как мероприятие «богатеньких».

² Левинсон А. Наше «мы»: Это не средний класс — это все // Ведомости от 21 февраля 2012.

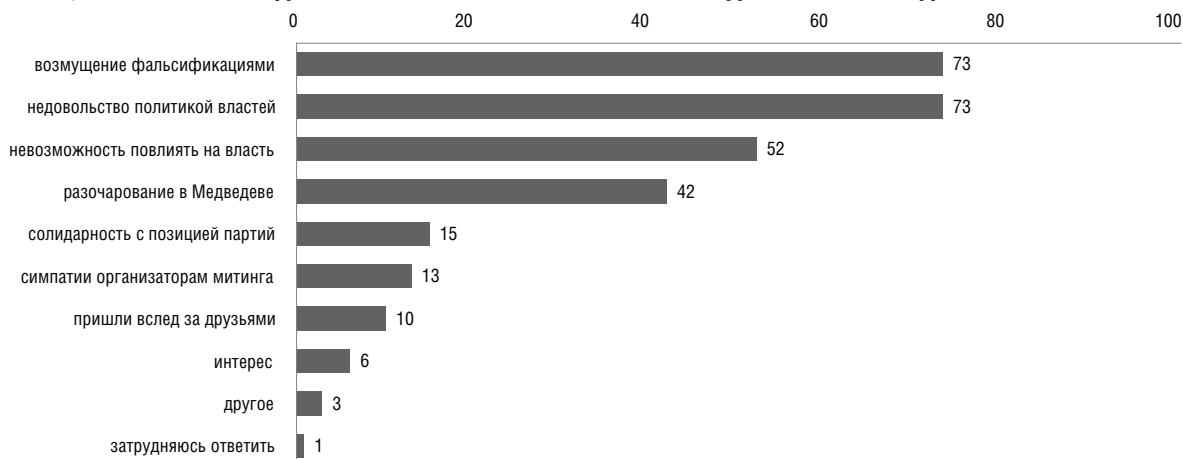
³ Дубин Б. О безальтернативности и альтернативах. Опыт последних месяцев в социальной истории России // Гефтер.ру от 25 июня 2012 (<http://gefter.ru/archive/5100>).

Рисунок 2
**МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УЧАСТНИКОВ МИТИНГОВ
 В СРАВНЕНИИ С МАТЕРИАЛЬНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ НА-
 СЕЛЕНИЯ МОСКВЫ И РОССИИ**

Главным источником информации о митингах для протестующих были интернет (около 70%), друзья и знакомые (около трети), радио (около четверти) и только потом телевидение

Рисунок 3
ПРИЧИНЫ, ПО КОТОРЫМ ЛЮДИ ПРИШЛИ НА ПРОСПЕКТ САХАРОВА 24 ДЕКАБРЯ 2011 ГОДА

(17-18%) и газеты (15-18%) — несмотря на то, что к тому времени телевизионные каналы уже частично начали освещать протестную активность. Большинство населения, напротив, узнает о происходящем прежде всего по ТВ (81%), по интернету около 13%, из остальных источников — и того меньше. Да и в самом интернете сторонники протестных действий не составляли большинства: готовых выйти на акции протеста было среди интернет-пользователей столько же, сколько среди всего населения в целом (около

13-14% в декабре и 8-9% в марте), а структура поддержки интернет-пользователями политических партий перед выборами в Думу была сходна со структурой политических предпочтений населения в целом¹.

На рассматриваемых митингах преобладали те, кто аттестовал себя как «демократов» (38% в декабре и 30% в феврале) и «либералов» (31% и 27%). Следующими по численности были «коммунисты» (13% и 18%), «националисты» (6% и 14%) и «социал-демократы» (по 10%). При этом о солидарности с оппозиционными партиями акции как о мотиве своего участия в митинге на проспекте Сахарова говорили лишь 15% респондентов, о симпатиях организаторам митинга — 13%. Среди главных причин, которые привели людей на протестную акцию, стали «недовольство положением дел в стране» (73%), «возмущение фальсификацией выборов» (73%), недовольство тем, что «решения в стране принимаются без их участия» (52%), и разочарование в Медведевской модернизации (42%). См. рисунок 3.

Можно предположить, — и отчасти это подтверждается на сериях фокус-групп и глубинных интервью с участниками митингов² — что предшествующие митингам события мобилизовали

¹ Например, согласно общероссийскому опросу Левада-Центра, проведенному в ноябре 2011 года, за «Единую Россию» готовы были голосовать 34% всех респондентов и 34% интернет-пользователей, за КПРФ — 4% и 9% соответственно, за ЛДПР — 10% и 11%, за «Справедливую Россию» — 7% и 8%, «Яблоко» — 1% и 2%, «Правое дело» — по 1%, партию «Патриоты России» — 1% и 0%. Также об особенностях поддержки партий в интернете см., например: Волков Д. Интернет и политическая ангажированность в России (по данным массовых опросов) // Вестник общественного мнения, 2010, № 4(106).

² Имеется в виду интервью и фокус-группы, проведенные Левада-Центром в рамках проекта «Перспективы гражданского движения в России» при поддержке National Endowment for Democracy.

значительное число людей, которые задумались о политике впервые и еще только начинают разбираться в происходящем. Автоматически записывать их в лагерь оппозиции, вменять им ценности и установки организаторов было бы неправильно. Например, не менее трети респондентов-участников митинга на проспекте Сахарова, заявивших о своем голосовании за «Яблоко» на парламентских выборах, в условиях равного доступа к выборам для всех политических сил выбрали бы другую партию¹. При этом наибольшим доверием среди участников пользовались не профессиональные политики, а журналист, гражданский активист, писатель и музыкант: Леонид Парфенов, Алексей Навальный, Борис Акунин и Юрий Шевчук.

Требования, которые звучали со сцены, участники митинга на проспекте Сахарова поддержали практически единодушно, чего нельзя сказать в отношении населения России в целом. Так отставку главы ЦИК Чурова готовы были поддержать 97% участников шествия и только 39% россиян, освобождение политических заключенных — 84% и 35% соответственно, проведение новых парламентских выборов — 95% и 29%, лозунг «Ни одного голоса Владимиру Путину!» — 89% и 24%.

Как видно из представленных данных, протестующие сильно отличались от большинства российского населения: по своей активности, образованию, характеру коммуникаций и вклю-

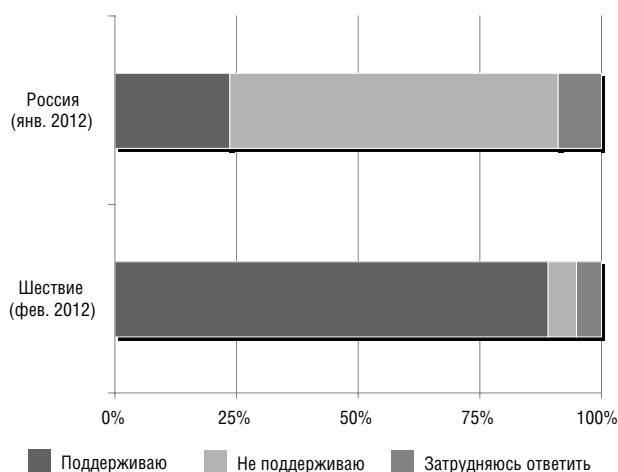
ченности в различные коммуникативные сети, благосостоянию, политическим пристрастиям. Даже в столице (что уж говорить о стране) они составляли, по выражению Бориса Дубина, «меньшинство меньшинства»².

Сравнение с предыдущими избирательными кампаниями. Перейдем к анализу причин, собравших на протестные акции описанную публику. Результаты многолетнего мониторинга российских выборов показывают, что прошедшую предвыборную кампанию отличало нарастающее чувство *неопределенности*, вызванное экономическим кризисом, отсутствие привычного для периода предвыборной мобилизации *организованного консенсуса* (состояние общественных настроений, для которого характерны «подъем общественных надежд на улучшение жизни, повышение жизненного уровня, рост оптимизма» и проч.), *падение рейтингов* партии власти и первых лиц на протяжении всего 2011 года, *неудачная избирательная кампания* «Единой России», которая не смогла мобилизовать своих сторонников (после кратковременного увеличения их числа в сентябре-октябре, к ноябрю количество сторонников партии вновь опустилось до 34% населения)³. Ощущение экономической стабильности — основное достижение «тучных лет» путинского правления и главный козырь, который использовала власть на выборах в 2007-2008 годах, — исчезло.

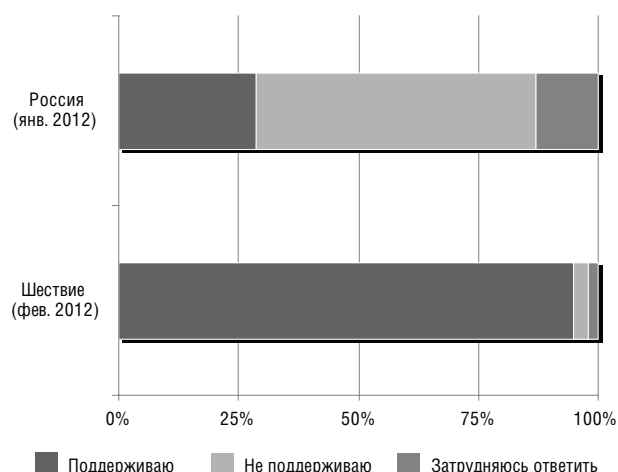
Рисунок 4

РАЗЛИЧИЯ В ОТНОШЕНИИ УЧАСТНИКОВ ШЕСТВИЯ И МИТИНГА НА БОЛОТНОЙ 4 ФЕВРАЛЯ 2012 ГОДА И НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ К ЛОЗУНГУ «НИ ОДНОГО ГОЛОСА ВЛАДИМИРУ ПУТИНУ» И К НАЗНАЧЕНИЮ НОВЫХ ВЫБОРОВ.

«Ни одного голоса Владимиру Путину»

Новые выборы

¹ 38% опрошенных заявили о том, что проголосовали за «Яблоко», но только 24% выбрали бы эту партию, если бы «все оппозиционные партии и движения получили бы возможность участвовать в выборах в Государственную Думу».

² Дубин Б. О безальтернативности...

³ Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме // Вестник общественного мнения, 2012, № 1(111). С. 10-11, 18.

Вместе с тем, выросло *беспокойство и чувство незащищенности*, охватывая как широкие (относительно бедные) слои населения, так и находившиеся в привилегированном положении обеспеченные слои, столичных жителей. Все единодушно сетовали на произвол властей и милиции, невозможность защитить свои права в суде, невозможность повлиять на положение дел в стране. И если для большинства населения, ограниченного в ресурсах и наборе жизненных стратегий, а потому привыкшего к постоянной адаптации, характерно состояние постоянной неудовлетворенности и рассеянного недовольства, то у меньшинства, находящегося в лучшем положении, разрыв между материальным благополучием, высокими запросами и практически полным отсутствием политического влияния может рождать агрессию, толкать их от пассивного недовольства к активному неприятию положения вещей. Характерно, что убийство Приморскими партизанами нескольких сотрудников милиции летом 2010 года вызвали «сочувствие» и «одобрение» именно у москвичей и обеспеченных слоев населения (в 2-3 раза выше, чем в среднем по стране). Таким образом, опросы общественного мнения фиксировали *высокий уровень общественного напряжения* уже тогда. Вопрос был в том, «как будут развиваться события: по типу мирной гражданской акции «войны с мигалками» или по приморскому варианту»¹. Последующие беспорядки на Манежной площади и гражданские протесты зимы 2011/2012 годов показали, что вполне возможны оба варианта.

Одновременно нарастал общий *кризис легитимности* государственных институтов. Желание любой ценой удержаться у власти, регулярное использование в этих целях административного ресурса (не обязательно прямых фальсификаций) от выборов к выборам

¹ Так, большинство россиян признавали неудовлетворительное положение дел в правоохранительных органах (по ряду предыдущих опросов от 60 до 70% россиян были согласны, что можно говорить о полном распаде и разложении российской милиции, которое уже невозможно скрыть), но не принимали убийства как способ борьбы с происходящим. Большинство, но далеко не все. В целом по стране сочувствие приморским стрелкам выражали 22%, одобрение – 3% респондентов. В отдельных слоях российского общества симпатии были еще сильнее: до 42% наиболее обеспеченных россиян (которые «способны приобрести дорогие вещи, товары длительного пользования») и 46% москвичей говорили о сочувствии, еще 10% москвичей – одобрении. При этом взрослые самостоятельные люди выражали большую агрессию по сравнению с молодыми (до 25 лет) и представителями старшего поколения; см.: Волков Д. Нападения на милиционеров в Приморье: комментарий // Публикация на сайте Левада-Центра от 30 июня 2010 года (<http://www.levada.ru/30-06-2010/napadeniya-na-militsionerov-v-primore-kommentarii>).

в республиках Северного Кавказа, Москве и по всей стране в долгосрочной перспективе подтачивали доверие к институту выборов и основание всей политической системы в целом. Уже в августе 2011 года большинство опрошенных ожидали «клеветы», «махинаций с бюллетенями» в ходе избирательной кампании, а 57% считали, что все манипуляции будут производиться в пользу партии власти.

Предвыборная кампания 2011 года была отмечена скандалами с самого начала. В мае с поста председателя Совета Федерации был снят лидер партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов, а прохождение самой партии в парламент оставалось под вопросом. Все это сопровождалось публикациями в прессе с историями об участии Кремля в создании партии. Скандал получил своеобразное продолжение летом. Для того чтобы назначить на освободившийся пост Валентину Матвиенко, были проведены довыборы в муниципалитеты Санкт-Петербурга, на которых политик получила более 95% голосов. Выборы проходили с откровенными нарушениями и злоупотреблениями административным ресурсом, что широко обсуждалось в независимой прессе. В сентябре разразился скандал с отстранением Михаила Прохорова с поста председателя партии «Правое Дело» спустя лишь два с половиной месяца после его «избрания»².

Публичный отказ Медведева от участия в президентских выборах в пользу Владимира Путина, объявленный на съезде «Единой России» 24 сентября 2011, так называемая «рокировка», оскорбил и подорвал надежды на перемены у тех, у кого они были. С открытым осуждением такого шага выступила часть российской элиты³. А через день из-за разногласий и после публичной перепалки с президентом был отправлен в отставку с поста министра финансов Алексей Кудрин.

«*Рокировка*» заслуживает того, чтобы остановиться на этом событии подробнее. С самого начала, нежелание Владимира Путина идти на третий президентский срок в 2008 году породили надежды на эволюционную трансформацию российской политической системы⁴. Весь

² О приходе Прохорова в «Правое дело» см., например, рассказ Л. Гозмана в радиопередаче «Крах правых и гражданское общество офф-лайн» // Азбука перемен с Ириной Ясиной, эфир от 21 сентября 2011 года (<http://ria.ru/videocolumns/20110921/441083969.html>)

³ См., например, достаточно резкую статью Михаила Дмитриева: *Дмитриев М.* Вошли в стадию саморазрушения // Ведомости от 20 октября 2011 (http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1397603/kradenoe_solnce).

⁴ Фурман Д. Хороший сценарий // Независимая газета от 5 апреля 2010 (http://www.ng.ru/ideas/2010-04-05/9_2018.html).

срок президентства Медведева сопровождался постоянными поисками раскола элит (например, смотри публикации журнала «New Times» за соответствующий период), звучали призывы дружить с президентом против премьера¹. Часть российской элиты, объединившейся вокруг ИНСОРа, Президентского совета по правам человека, проекта подготовки Стратегии 2020 и проч., пытались закрепить новый статус-кво, в котором у них было бы влияние на формирование государственной политики. Любые сомнения в самостоятельности Медведева, в том, что эволюция авторитарного путинского режима возможна, встречали гневную отповедь «модернизаторов» и их союзников². И если для 42% рядовых участников митинга на проспекте Сахарова, не вовлеченных в политику, «рокировка» могла стать неожиданным разочарованием, неожиданно «открыла глаза» на происходящее, то для представителей элиты, делавших ставку на Медведева, она стала поражением их стратегии, необходимостью признать свою ошибку и правоту их критиков. В этой ситуации *любой результат выборов, означающий победу кандидатов от власти, становился для них автоматически неприемлем (как и результаты социологических опросов, указывающие на вероятность такого исхода событий)*³. Для большинства населения, напротив, рокировка означала конец неопределенности: сразу после того, как было объявлено о решении Путина идти на выборы, его президентский рейтинг (готовность избирателей поддержать его кандидатуру) вырос с 27% в сентябре до 37% в октябре (согласно открытому вопросу, в расчете от всего населения страны) и в ходе предвыборной гонки менялся уже незначительно⁴.

¹ Чудакова М. Выступление на Пятых Ходорковских чтениях 8 декабря 2009 года // <http://www.civitas.ru/docs.php?part=95&code=110>

² См., например: Lieven A. Russia's Limousine Liberals // National Interest, June 10, 2009 (<http://nationalinterest.org/article/russias-limousine-liberals-3140>)

³ См., например, высказывание Евгении Альбац: «Данные независимых опросов, которые проходили в Интернете, показывают, что никакого шанса у Владимира Путина по данным интернет-опросов в первом туре избраться, собственно, нет. Три большие социологические службы, они, с моей точки зрения, исключительно работают на воображаемую реальность, исключительно для того, чтобы убедить людей в том, что никакой альтернативы нет. А вот Интернет отвечает так: опрос в сети „В контакте“: 500 тысяч человек (нет случайной выборки, понятны изъяны опроса), у Путина 25,8%». Цитируется по аудиозаписи, так как в стенограмме передачи на сайте «Эха Москвы» эта фраза не значится: «Полный Альбац. Если Путин проиграет – что дальше?» // Эфир 27 февраля 2012 года (<http://www.moskva.fm/share/4015/20120227/fromtime:22:14:39>).

⁴ Методология анализа электоральных установок избирателей. <http://www.levada.ru/31-01-2012/metodologiya-analiza-elektoralnykh-ustanovok-izbiratelei> от 31 января 2012

Несколько резонансных событий произошло в последние две недели перед днем голосования, как раз когда часть протестного электората обычно определяется с выбором: 20 ноября Владимир Путин «впервые за свою политическую карьеру был освистан на публике» на стадионе «Олимпийский»⁵. Через несколько дней телеканал НТВ начал травлю ассоциации «Голос», занимавшейся мониторингом выборов по всей стране. В результате, тема наблюдения за выборами оказалась в центре общественного внимания. Тогда же произошли привлекшие внимание читающей публики отставки журналистов Газета.ру и РИА «Новости» из-за разногласий с редакциями по поводу освещения избирательной кампании. В конце концов, эти и другие события, мало интересные для населения страны в целом, но оказавшиеся значимыми для пишущей и читающей публики в крупных городах, переполнили чашу терпения, и стратегия, которую уже некоторое время пропагандировал Алексей Навальный – голосовать «за любую другую партию», кроме «Единой России» (в его формулировке «против партии жуликов и воров»), возымела успех, волна протеста уже начала подниматься.

Протестное голосование состоялось, и системные оппозиционные партии увеличили свое представительство в Думе по сравнению с прошлым созывом: КПРФ – с 57 до 92 мест, «Справедливая Россия» – с 38 до 62 мест, ЛДПР – с 40 до 56 мест. При этом «Единая Россия» потеряла 77 мест в парламенте (их число сократилось с 315 до 238). Следует особо отметить достижение «Справедливой России», и не только потому, что партия заняла третье место по количеству поданных за нее голосов, хотя за несколько месяцев до выборов не было уверенности, что она сможет преодолеть 7% барьер. Важно, что результаты голосования спровоцировали внутрипартийные споры (вероятно, почва для этого была уже отчасти подготовлена предвыборными скандалами и гонениями на Миронова). В итоге часть депутатов, лидерами которых стали Геннадий и Дмитрий Гудковы, Илья Пономарев, понимая, что многие избиратели отдали им свой голос из чувства протеста, попытались «оседлать протестную волну» и участвовали в массовых акциях «За честные выборы», вошли в Оргкомитет митингов, активно поддерживали Олега Шеина в Астрахани (в результате серии компромиссов в итоге он

⁵ Винокурова Е. Путина приветственно освистали // Газета.ру 21 ноября 2011 (http://www.gazeta.ru/politics/elections2011/2011/11/21_a_3841382.shtml).

стал депутатом Госдумы от «Справедливой России»), пытались противостоять принятию нового закона о митингах и вновь сделать парламент «местом для дискуссий».¹ Вряд ли кто-то мог заранее ожидать такого развития событий. Ни одна другая оппозиционная партия, улучшившая на выборах свой результат (в том числе и «Яблоко», по официальным данным преодолевшее 3% барьер), не внесла сопоставимого вклада в дальнейшее развитие протестного движения.

Наблюдение и фальсификации. Нарушения на выборах не должны были стать неожиданностью. Большинство населения заранее было уверено, что выборы пройдут «грязно». В 2009 году выборы в Мосгордуму прошли со значительными злоупотреблениями², однако это не вызвало серьезного общественного резонанса. Кроме того, данные социологических опросов скорее свидетельствуют о том, что фальсификаций на думских выборах было не многим больше обычного³. Однако предвыборные скандалы привлекли внимание и обеспечили симпатии общественности к организациям наблюдателей, прежде всего к ассоциации «Голос», ее поддержали другие некоммерческие организации, независимая пресса. Ролик в сети youtube со ставшей знаменитой фразой в адрес НТВ «Вы – сурковская пропаганда» собрал несколько сотен тысяч просмотров. К тому времени эта организация действовала уже 11 лет, координируя работу своих партнеров в 40 регионах страны. К выборам в Думу была впервые запущена интерактивная «Карта нарушений», позволяющая агрегировать и визуализировать сообщения о нарушениях на выборах от рядовых граждан. В декабре на карте были опубликованы около 7800 сообщений о нарушениях⁴.

¹ Характерно, что сопоставимый успех Михаила Прохорова на президентских выборах не имел таких последствий для развития гражданского протеста, как представительство в Думе «Справедливой России».

² См. «Мониторинг электоральных предпочтений на выборах 2009 года в Московскую городскую Думу» // <http://www.levada.ru/books/monitoring-elektoralnykh-predpochtenii-na-vyborakh-2009-goda-v-moskovskuyu-gorodskuyu-dumu>.

³ См.: Гудков Л. На зеркало неча пенять, коли рожа крива // Вестник общественного мнения, №1(111), 2012. С. 109; то же самое в итоге признает Дм. Орешкин: Орешкин Д. Московское брожение // Огонек №24, 18 июня 2012.

⁴ Первоначально «карта» располагалась на сайте Gazeta.ru, именно из-за желания руководства информационного издания убрать «карту», произошла отставка заместителя главного редактора газеты. Подробнее об истории проекта см.: Малочерьян Ю. «Голос» снова запускает «Карту нарушений» на выборах // Русская служба BBC от 25 января 2012 (http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2012/01/120125_golos_president_karta.shtml).

Кроме того, в Москве образовалась инициативная группа «Гражданин-Наблюдатель» (несколько сотен человек), объединившая социологов и активистов, намеренных участвовать в мониторинге выборов. На волне общего раздражения к кампании подключились независимые информационные издания (Новая Газета, Коммерсант и др.), принимавшие сообщения о нарушениях и моментально публиковавшие их на своих сайтах, частично дублируя работу карты наблюдений, которая (как и сайты самих изданий) подвергались постоянным хакерским атакам. Сотни фактов нарушений – описания происходящего на участках, фото и видео отчеты – публиковались наблюдателями в социальных сетях и моментально расходились среди их друзей и знакомых. Совместные действия активистов и журналистов позволили не только зафиксировать, но и предъявить факты нарушений разгоряченной публике. Согласно опросам общественного мнения, недовольные и активные россияне были готовы отстаивать свою точку зрения публично (в разговорах с друзьями и коллегами, с незнакомыми на улице и в транспорте, в интернете) в несколько раз чаще, чем сторонники партии власти. Это создало обманчивое впечатление, что мнение первых преобладает.

Предвыборная ситуация в 2011 году (и в этом ее основное отличие от предыдущих электоральных кампаний) сложилась таким образом, что активная часть населения крупных городов, прежде всего москвичей, с самого начала не готова была принять результаты голосования. Недовольство, усиленное предвыборными скандалами и общей ситуацией неопределенности, нашло выход сначала в протестном голосовании, повышенном внимании к голосованию и работе наблюдателей, а затем уже в массовых протестах, первый из которых состоялся на следующий день после выборов – 5 декабря 2011 года в Москве на Чистых Прудах. Новостью стали не сами фальсификации, а реакция на ситуацию активной части общества, меньшинства.

При этом недовольство выразилось в конкретных формах коллективного организованного политического действия, которое – неожиданно как для самих активистов, так и для растерявшейся власти – оказалось настолько успешным, что повлияло на общественное мнение относительно результатов парламентских выборов, задало оценку политики властей. Работа наблюдателей стала одной из наиболее успешных общероссийских общественных кампаний последнего времени, к которой в итоге

присоединилось значительное количество жителей крупных городов при поддержке и сочувствии более широких слоев населения.

Мобилизация участников митингов. Первый митинг, положивший начало массовым уличным акциям, состоялся 5 декабря 2011 г. в Москве на Чистых Прудах и собрал несколько тысяч человек — рекордное на тот момент количество участников подобных мероприятий на протяжении последних лет. Помимо описанных выше причин, толкавших людей на выражение недовольства, были и другие¹. Аудитория этого митинга активно рекрутировалась через социальные сети. Видимо, это и определило преобладавший на митинге контингент — активисты, интеллектуальная публика и молодые люди, московская аудитория Facebook, предварительно разогретая событиями последних дней.

Значительный вклад в мобилизацию помимо организаторов — оппозиционного движения «Солидарность» — внесли действия отдельных граждан. Так, один из респондентов рассказывал, как он по своей инициативе разослал «популярным» в Facebook'е людям (тем, что имеют большое количество друзей и подписчиков) несколько десятков писем, в которых обосновывал значимость предстоящего митинга, просил публично приглашать на него своих друзей и подписчиков. Интересно, что он смог убедить многих, и они откликнулись на предложение. Может быть, их и не нужно было особо уговаривать, так как возбуждение витало в воздухе. Возможно, эта частная кампания, подхваченная другими, помогла за сутки собрать на митинг непривычную по составу и количеству аудиторию: многие завсегдатаи оппозиционных акций говорили, что было непривычно много молодых и незнакомых лиц. В толпе можно было слышать разговоры о том, что участники пришли на политический митинг первый раз в жизни. Привычная акция оппозиции 5 декабря оказалась «захвачена», «оккупирована» гражданами, а рядом с политическими организационными структурами начали складываться различные неформальные кружки соорганизаторов будущих митингов — журналистов и гражданских активистов. Без таких частных инициатив этот

и вскоре последовавшие за ним митинги смогли бы собрать лишь обычных, малочисленных сторонников оппозиции.

Сами организаторы, вероятно, оказались подвержены всеобщей атмосфере возбуждения — можно предположить, что к этому митингу они сами готовились иначе, чем к предыдущим. Значение того, что в центре столицы был заранее подготовлен митинг, согласованный с властями, были установлены сцена и экраны, обеспечен звук, не стоит приуменьшать. Присоединившиеся к протесту граждане добавили содержания — «мяса» — на уже существующий «скелет», разнообразив и во многом видоизменив первоначальные замыслы организаторов. Взаимные действия различных участников усиливали друг друга.

Подготовка митинга на Чистых Прудах представляется моделью, описывающей начальную стадию гражданской мобилизации как совокупность независимых (дискретных), но однонаправленных, дополняющих одно другое действий (и даже мини-кампаний) самостоятельных частных лиц, обладающих наборами различных ресурсов, охваченных общим настроением, общими представлениями, связанных между собой множеством коммуникативных сетей. По мере развития событий действующие лица принимают на себя новые обязательства и этим структурируют общее действие, но не они являются его причиной. При этом распространено «оккупирование» политических мероприятий и структур гражданами, перехват инициативы у оппозиционных политиков: точно так, как в какой-нибудь поездке компания собирается у кого-то в гостиничном номере, при этом хозяина комнаты не выгоняют, но никто и не думает, будто это именно он организовал вечеринку.

Сразу после митинга на Чистых прудах стихийно сложилось в Facebook сообщество по подготовке следующего митинга, которое стало одним из главных источников информации о предстоящем событии: будет ли собрание проходить на площади Революции или на Болотной, согласуют ли новое количество участников и т.д. Создателями этого сообщества снова оказались не политики, а журналисты. Позже оно было переименовано в «Мы были на Болотной и придем ещё»². В итоге социальные сети заняли прочное место среди инструментов мобилизации граждан на массовые мероприятия: на приглашение принять участие в первом митин-

¹ Эти и другие подробности организации и проведения протестных мероприятий в столице удалось установить в результате проведения нескольких десятков углубленных интервью с организаторами и активными участниками московских событий в рамках проекта Левада-Центра «Перспективы гражданского движения». Планируется представить результаты исследования летом 2012 г., в первую очередь на сайте Центра www.levada.ru.

² Мы были на Болотной и придем еще // <http://www.facebook.com/moscow.comes.back>.

ге на Болотной откликнулось около 36 тысяч пользователей Facebook, в декабрьском митинге на проспекте Сахарова — 54 тысячи. Исследователи социальных сетей — Марк Грановеттер, Малколм Гладуэл, Николас Кристакис и Дж. Фоулер — указывали на способность сетей необычайно быстро передавать настроения и информацию, которая распространяется подобно лихорадке, истерике, вирусу¹. Слабых связей, которыми связаны между собой участники социальных сетей, недостаточно для мотивации людей к действию. Видимо, сыграла свою роль та же всеобщая атмосфера недовольства положением вещей, растущая делигитимация режима и, одновременно, возбуждение по поводу результатов выборов. Иными словами, публика уже была готова откликнуться на приглашения, которые рассылались по социальным сетям.

Похоже, всеобщее возбуждение является универсальным условием начала массовых действий, причем события могут развиваться как в сторону мирного гражданского протеста, так и в сторону беспорядков, что демонстрируют не только российские, но и зарубежные примеры². Неожиданно большое количество протестующих, множество новых молодых лиц создали, по словам участников, проинтервьюированных Левада-Центром в ходе упомянутого качественного исследования, атмосферу воодушевления, которая в последующие месяцы охватывала все большее число людей. По словам респондентов, именно возникшее воодушевление стимулировало их участвовать в создании, включаться в работу и менять формат разнообразных объединений, таких как Оргкомитет митингов, Мастерская протестных действий, Лига избирателей, а также различных более мелких кружков и инициативных групп разной степени открытости и взаимопроницаемости, внесших свой вклад в организацию и формирование облика протеста.

В результате возникли как минимум два развивающихся параллельно, взаимодополняющих и перетекающих друг в друга направления: привычный политический протест (митинги, шествия, пикеты) и новые формы гражданского действия (кольца, прогулки, гуляния, «бродячие лагеря»). Для данного анализа важно, что с

самого начала включение большого количества гражданских лиц (журналистов, активистов, писателей и проч.) в мероприятия, которые обычно готовили оппозиционные политики, переопределило и расширило привычную оппозиционную повестку дня. Созданные ad hoc структуры способствовали распространению информации, вовлекали в организацию, проведение, участие новых людей. Так, заседания Оргкомитета транслировались в сети в режиме реального времени и комментировались зрителями, а их комментарии, в свою очередь, рассматривались участниками. Мастерская принципиально была открыта для всех, кто хотел включиться в организацию и проведение мероприятий. Здесь родилась и была реализована идея вынести информацию о митингах как можно дальше за пределы интернета: были изготовлены и разошлись по Москве нескольких десятков тысяч листовок и наклеек, которые, несомненно, сыграли роль в расширении состава участников первого митинга на Болотной площади и последовавших за ним.

Кроме того, перед каждым массовым митингом действия властей лишь увеличивали общественное недовольство, приумножая количество протестующих. Несмотря на многочисленные факты фальсификаций, результаты выборов были объявлены уже 5 декабря — перед митингом на Чистых Прудах. Задержания и административные аресты значительного числа участников этого митинга и несогласованной акции на Триумфальной площади 7 декабря раззадорили пришедших на Болотную площадь³. Оскорбительные реплики В. Путина, сравнившего протестовавших 10 декабря с обезьянами из книги о Маугли, а белые ленты — символ протеста — с «контрацептивами», подхлестнули тех, кто собирался выйти на проспект Сахарова и т.д.

Таким образом, характер мобилизации участников митинга определяло множество различных факторов: сложившиеся заранее социально-политические предпосылки, сам ход избирательной кампании, а также конкретные действия политиков и гражданских активистов, применяемые ими инструменты, сложившиеся ad hoc организационные структуры. Кроме того, на какой-то момент произошло совпадение интересов различных политических

¹ Christakis N., Fowler J.H. Connected: the surprising power of our social networks and how they shape our lives. New York: Little, Brown and Co., 2009; Gladwell M. Small Change // The New Yorker, 2010, 4 October.

² См., например, описание общего климата недовольства, предшествовавшего народным волнениям в Аргентине в 2001 году: Farinetti M. New forms of social mobilization in democratic Argentina // Laboratorium. 2010. Vol.2, no. 3, P. 117.

³ 5 декабря было задержано около 300 человек, принявших участие в несогласованном шествии к ЦИК и Лубянке, которое состоялось после митинга. Многие из задержанных, в том числе Навальный и Яшин, получили до 15 суток административного ареста: Вильф А. Дела Яшина и Навального рассматривает Тверской суд // Lenta.ru от 6 декабря 2012 (<http://lenta.ru/news/2011/12/06/tversud/>).

и социальных групп, обладавших разной мотивацией, но объединившихся в своем неприятии российского режима.

Произошло наложение друг на друга разных видов протестной активности: так называемого стихийного протеста, который является «преимущественно эмоциональной массовой реакцией» на ситуацию¹, и достаточно продуманного, структурированного (пусть тоже развивающегося спонтанно) протеста с политическими требованиями. Представляется, что динамика протестной активности в перспективе будет также зависеть как от внешних факторов (социально-экономическая обстановка, действия власти и проч.), так и от внутренних (насколько быстро будут отслаиваться друг от друга группы с разными интересами, насколько устойчивыми будут сложившиеся организационные структуры и проч.).

Зимние акции в сравнении с протестами предыдущих нескольких лет. В 2005 году против отмены льгот протестовали многие российские города. 2007 год принес громкие трудовые конфликты на автозаводах во Всеволожске (в 7 км от Санкт-Петербурга) и Москве². В 2009-м происходили массовые протесты во Владивостоке и моногородах³, в 2010 году – протесты в Калининграде и Химках, общественные волнения по поводу ДТП на Ленинском проспекте в Москве⁴, масштабные гражданские действия по защите культурного и архитектурного наследия в Санкт-Петербурге⁵ и Москве и др. Большинство этих событий привело к оформлению или укреплению независимых гражданских инициатив – комитетов протестных действий, независимых профсоюзов, общества “синих ведерок”, защитников Химкинского леса, защитников Ялтинского парка (Калининград) и др.

¹ Левада Ю. Восстание слабых // Он же. Ищем человека: Социологические очерки, 2000-2005. М.: Новое издательство, 2006. С. 134.

² Подробнее см.: Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. – М.: Три квадрата, 2010.

³ См.: Бизюков П. Динамика трудовых протестов в России (2008–2011) // Вестник общественного мнения, 2011, №2.

⁴ В июле 2010 г. автомобиль вице-президента российской нефтяной компании ЛУКОЙЛ выехал на встречную полосу и столкнулся с машиной, водитель и пассажир которой погибли. Эта авария привела к волне возмущений в социальных сетях, а затем и в СМИ (один из первых таких случаев).

⁵ См., например: Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города. // От общественного к публичному: Коллективная монография. / Науч.ред. О.В. Хархордин. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Изначально многие из этих и подобных им инициатив не имели политического характера. Да и большое количество выступавших со сцены на московских митингах еще недавно упорно заявляли о том, что они вне политики. Для признания своей политической роли понадобилось, во-первых, понимание того, что достижение их целей невозможно в рамках существующей политической системы, и, во-вторых, неудачный опыт сотрудничества с властью, попытки идти на компромисс и соглашения. Характерен пример Евгении Чириковой, которая неоднократно пыталась сотрудничать с «Единой Россией», чтобы остановить уничтожение Химкинского леса, но безрезультатно. В условиях, когда исполнительная власть подчинила себе законодательную и судебную ветви, устранив тем самым барьеры для коррупционных интересов чиновников федерального и местного уровня, уничтожив легитимный механизм разрешения конфликтов (независимый суд), общественные инициативы, сталкивающиеся с властным произволом, начинают ему сопротивляться. В итоге они либо прекращают свою деятельность, либо (если уровень институционализации позволяет им вести работу в неблагоприятных условиях) политизируются. По результатам исследования мнений руководителей российских некоммерческих организаций и лидеров гражданских инициатив, предпринятого Левада-Центром в конце 2010 года, удалось описать, как происходит такая политизация, и указать на то, что «возникновение конфликтов и невозможность их решения, большая вероятность дальнейшего обострения ситуации обусловлены самой композицией власти, угрожают стабильности политической системы в целом», а также показать, что «велика вероятность повторения всплесков массового недовольства», подобных тем, что проходили в разных частях страны в 2005-2010 годы⁶.

Итак, политизация гражданских инициатив происходит в случае конфликта общественного и коррупционного интереса, то есть по вполне конкретному поводу. Это позволяет уточнить распространенное представление о том, что определенный уровень социально-экономического развития гарантированно приводит «к увеличению численности образованного городского среднего класса», который в свою очередь автоматически «предъявляет спрос на гражданские и политические

⁶ Волков Д. Рост общественной активности в России: становление гражданского общества или очередной тупик? // Вестник общественного мнения, №2(108), 2011, с. 14.

права и постепенно выходит на политическую арену»¹. По нашему мнению, запрос на политические права возникает не с выходом на новую ступень пирамиды Маслоу. Добиваться этих прав и бороться за них вынуждает: 1) сознание своих вполне конкретных интересов²; 2) понимание невозможности их реализации в рамках существующей политической системы; 3) готовность и способность к организованному коллективному действию, несмотря на риски. (Поэтому от гражданских активистов так часто можно услышать слова о том, что их «выталкивают», «выдавливают», «вынуждают идти» в политику.) Политизация обусловлена не избытком хорошей жизни, а сложностью ее достижения. В успехе такого действия никакой предопределенности нет.

Кроме того, более высокий уровень благосостояния участников митингов означает исчезновение прямой экономической зависимости от власти и бюджетных выплат, наличие свободного времени, а также возможность собирать деньги на конкретные политические проекты от заинтересованных граждан посредством различного рода членских взносов и интернета, готовность бизнеса поддерживать социальные и политические проекты, несмотря на риски и т.д., а значит, речь идет уже о готовности частных граждан жертвовать деньги, о *доверии*. Забегая вперед (это тема отдельного разговора), можно предположить, что в крупных городах постепенно начинает складываться «экономика независимого политического действия»³.

Различные гражданские объединения, склонные к политизации, появляются по всей стране. Представляется, что в столице их концентрация наиболее высока. За последние годы здесь был накоплен определенный опыт проведения общественных кампаний: 1) коллективного гражданского действия (помощь бездомным, отдельные частные инициативы

помощи больным детям, сбор денег в уплату штрафа организаторам выставки «Запретное искусство», объединенные гражданские усилия по тушению пожаров в 2010 году по всей стране); 2) против властного произвола (защита Химкинского леса, действия «Архнадзора», «Синие ведерки», кампания в независимых СМИ и интернете вокруг ситуации с ДТП на Ленинском проспекте); 3) по борьбе с коррупцией (сбор средств, подготовка и распространение доклада «Путин. Коррупция», инициативы Навального); 4) протестные акции («Марши несогласных», «Стратегия 31», «Дни гнева» и др.); 5) творческие публичные акции (перформансы группы «Война», проект «Гражданин Поэт»); 6) разнообразные образовательные и дискуссионные мероприятия (сотни различных открытых семинаров, круглых столов, конференций, в т.ч. по общественно-политической тематике в Центре Сахарова, на Полит.ру, в Мемориале, на Ходорковских чтениях, в «Уличном университете»); 7) совместные мероприятия политиков, журналистов, художников и др. («Антиселигер», «Последняя осень»); 8) объединения политиков, журналистов и общественников по поводу честных выборов (например, «Комитет-2008»); 9) широкие оппозиционные коалиции (Другая Россия, Солидарность); 10) отдельные инициативы и демарши публичных фигур и др.

Соответственно, большинство героев будущих митингов это не набор случайных лиц: все они уже были на виду и взаимодействовали друг с другом – Доктор Лиза, Татьяна Лазарева, Евгения Чирикова, Петр Шкуматов, Алексей Навальный, Илья Яшин, Борис Немцов, Гарри Каспаров, Эдуард Лимонов, Сергей Удальцов, Юрий Шевчук, Артемий Троицкий, Дмитрий Быков, Виктор Шендерович, Сергей Пархоменко, Ольга Романова, Леонид Парфенов и др. За многими из этих имен – сложившиеся (как формальные, так и неформальные) организационные структуры: партии, политические движения, благотворительные фонды, независимые СМИ, гражданские инициативы, кружки, советы, творческие и музыкальные коллективы и т.д. Массовый протест проявил существовавшие связи и ускорил появление новых.

Так, модель зимних протестов просматривается уже, например, в митинге-концерте в поддержку Химкинского леса в августе 2010 года на Пушкинской площади. Тогда тоже несколько тысяч человек, пришедших на площадь, были настроены крайне миролюбиво, а милиция и омоновцы вели себя корректно, однако сделали все, чтобы концерт не состоялся. При подго-

¹ Гельман В. Трещины в стене // Pro et Contra, январь-апрель 2012. С. 96; Гайдар М., Снеговая М. Дремлет притихший северный город // Ведомости. 2012, 3 февраля; Дмитриев М. Власти и общество в условиях политического кризиса // <http://www.csr.ru/2009-04-23-10-40-41/365-2012-05-23-10-54-10> от 24 мая 2012; а также выступление Дмитриева на круглом столе фонда «Либеральная миссия» 4 июля 2012 года.

² Это кажется справедливым как для российских случаев коллективного действия, так и, например, для Афро-американского движения за права человека, см.: Волков Д. Общественное движение как шанс выхода из политического кризиса // Независимая газета от 02 марта 2012 года (http://www.ng.ru/ideas/2012-03-02/5_new_search.html).

³ Это напоминает то, что Вацлав Бенда называл «параллельной экономикой», которая является составной частью его концепции «параллельного полиса». См.: Гавел В. Сила бессильных // Мораль в политике: Хрестоматия / Сост. и общ. ред. Б.Г. Капустина. — М.: КДУ; МГУ, 2004, с. 287.

товке мероприятия сотрудничали гражданские активисты, политики и музыканты. При этом экологи подняли публично вопрос об общественном благе, а «Солидарность» обеспечивала «административную и техническую поддержку, поскольку ни Шевчук, ни активисты-экологи не были в курсе того, как получают разрешения на митинги, подписываются соглашения, в какие коридоры надо ходить, с кем разговаривать. Известные музыканты — «публичные, успешные, почти гламурные люди» — открыто выступили против властного произвола, отступив «в сторону от государственной кормушки»¹. Вдохновленный атмосферой митинга, Артемий Троицкий объявил 22 августа 2010 года «радостным днем, когда закончились нулевые годы. Закончились годы с нулевой активностью... реально началось новое десятилетие»².

Таким образом, за последние несколько лет был накоплен значительный опыт совместной работы между политиками, гражданскими активистами, журналистами. Большое количество взаимосвязанных гражданских инициатив разной степени институционализации (которые оказались не столь закрытыми, изолированными и «расплывающимися», как одно время представлялось³), их способность к втягиванию в свое поле объединений совершенно разного характера, в том числе националистического толка, к созданию новых объединяющих организационных структур, вероятно, и определили мирное развитие событий, поддерживали активность горожан на протяжении нескольких месяцев. То, что не замечалось или игнорировалось, как раз и предотвратило очередное «возвращение к более примитивным социальным формам»⁴.

Это заставляет вспомнить старый спор о «границах метода». По мнению Т. Ворожейкиной, тот уровень обобщения, «на котором невозможно учесть и проанализировать явления и процессы, которые по каким либо причинам не вписываются в общую теоретическую схему [Л. Гудкова и Б. Дубина]... не только отторгает саму возможность изменений внутри системы, но в ней не поддаются объяснению ни социальные феномены, которые происходят (или могут происходить) на ее периферии»⁵. Но как

¹ Троицкий А. Нулевые кончились // Новая Газета 25 августа 2010 (<http://www.novayagazeta.ru/politics/2067.html>).

² «Экомитинг-концерт #5 - А. Троицкий о срыве концерта» // http://www.youtube.com/watch?v=E1bL_Mx7AY.

³ Дубин Б. Расплывающиеся острова [2008] // Он же. Классика, после и рядом. М.: Новое литературное обозрение, 2010, с.250-265.

⁴ Гудков Л. Инерция пассивной адаптации.

⁵ Ворожейкина Т. Ценностные установки или границы метода // Вестник общественного мнения, 2008, №4(96), с.67.

раз с «неприметного созревания на периферии» новых гражданских структур, «свободного мышления, независимого творчества и политической деятельности» начинается, по мнению В. Гавела, долгосрочное «спонтанное» и незаметное вращение «независимой жизни общества» в существующие структуры (тоталитарного) государства, меняя его изнутри⁶.

Активное участие в митингах интеллектуальной и творческой элиты поднимает еще один вопрос. Юрий Левада, анализируя волну массовых протестов 2005 года против «монетизации» социальных льгот, указывал на «демонстративное молчание демократов», в то время как по всей стране «в различных выступлениях принимали участие около 200 тысяч человек». Оппозиционные партии и их лидеры, писал социолог, «предпочитали осторожно отмалчиваться, видимо, считая, что это действия «чужого» электората... в таких суждениях можно обнаружить оттенок инфантильного *интеллигентского снобизма* и даже некоторую долю опасений в отношении «низовых» реакций». И далее: «...просвещенная публика, опасаясь разгула массовой стихии, обрекала себя на изоляцию и беспомощность. И оставляла социально слабых (пожилых, пенсионеров, льготников) под влиянием консервативного популизма...», поскольку подготовить, просчитать, разъяснить людям программу решения социальных проблем, «рассчитанную на определенную перспективу, способны — а значит, и обязаны — только грамотные либералы»⁷. Подобную реакцию интеллектуалов можно было часто наблюдать в отношении многих других протестов: членов независимых профсоюзов, обманутых дольщиков, жителей, сопротивляющихся точечной застройке, и проч.⁸

Может быть, в последние месяцы мы наблюдали противоположную картину: на улицы крупных городов выходили состоятельные и образованные граждане, «демократы» и «либералы», которые выдвигали свои абстрактные требования власти, в то время как основная масса населения — большинство, озабоченное совсем другими проблемами — смотрела на них по телевидению. Проблема объединения людей разного социального статуса и разных политических взглядов и интересов в одно общественное движение может оказаться глубже, чем представляется. Возможно ли вообще такое объединение, и на каких основаниях? Или слои

⁶ Гавел В. Сила бессильных. С. 296.

⁷ Левада Ю. Восстание слабых. С. 136

⁸ Об этой проблеме см.: Ворожейкина Т. На эти грабли мы уже наступали // Новая Газета, Выпуск № 26-27 от 12 марта 2012.

и фракции, входящие сегодня частями в общее движение, должны, напротив, определиться и разделиться?

Другая проблема видится в том, что, несмотря на ведущую роль оппозиционных политиков, журналистов и других представителей интеллектуальной элиты в зимних и весенних протестах, программы действий на сколько-нибудь длительную перспективу предложено не было. Этот вопрос требует рассмотрения, однако, за рамками данной статьи.

Тем не менее, зимние события имели по сравнению с 2005 годом уже принципиально иной уровень организации и структуры, интеллектуальной поддержки. Несмотря на атмосферу возбуждения (которая, вероятно, является необходимым условием запуска общественного протеста), это уже не было стихийным протестом, простой эмоциональной реакцией на происходящее, как в 2005 году по всей стране и даже как в 2010 году на Манежной площади¹. Это позволило формулировать политические требования, использовать разные формы коллективного действия, хотя планирование на сколько-нибудь длительную перспективу, видимо, снова не удалось. Характерно, что протестовавших на проспекте Сахарова мы изучаем с помощью опроса, проведенного по заказу организаторов митинга, а на Якиманке, — по результатам исследования, заказанного нашему Центру независимым СМИ.

Также стоит отметить, что на этот раз, как кажется, по-новому сложились взаимоотношения протестующих в столице и в регионах. Например, в 2010 году во время волнений в Калининграде приехавших из столицы Немцова, Яшина и др. восприняли в штыки². В 2012-м оппозиционный «десант» в Астрахани встречали по-другому. Может быть, потому, что на этот раз их участие действительно помогло вывести местный конфликт на федеральный уровень. Возможно, сыграли свою роль инициативы наблюдателей — поездки москвичей в регионы, для того чтобы делиться технологиями и опытом наблюдения, и ответные поездки в столицу — на главные протестные митинги. Но пока это лишь предположения.

С определенностью можно сказать, что активность последних месяцев, видимо, пока что по-прежнему ограничена пределами круп-

ных городов. Это так называемая «Россия-1», в которой живет около одной пятой населения страны³. Описываемые процессы происходят прежде всего здесь, где сложился относительно высокий уровень жизни населения, плотная сеть коммуникаций, конкурентная экономика. В «индустриальной», «сельской» и «национальной» частях идут другие процессы, у населения преобладают другие интересы, они будут по-разному реагировать на возможный экономический кризис. Здесь власть может, скорее, черпать поддержку — и активную, и пассивную. Схема Натальи Зубаревич придает проблеме взаимоотношения большинства и меньшинства, уже неоднократно поднимавшейся в статье, дополнительную сложность и социально-пространственное измерение.

Ускоряющаяся групповая эмансипация. В ответ на действия меньшинства, заявившего о своем неприятии ситуации вокруг выборов и политического режима в целом, власть с опозданием, но все же сумела мобилизовать своих сторонников на «Антиоранжевый митинг» на Поклонной горе в Москве 4 февраля 2011 года, шествие сторонников Путина по Фрунзенской набережной 23 февраля, закончившееся митингом-концертом в Лужниках с участием премьера, и менее масштабные мероприятия в других городах. Эти усилия помогли власти перехватить инициативу у протестующих, четко озвучив мнение молчаливого большинства, задав санкционированное властью отношение к происходящему. Одновременно с этим наметилась еще одно направление массовых акций — «стояние» у храма Христа Спасителя в поддержку церкви и патриарха, подвергшихся «гонениям». На каждом направлении (гражданский и политический протест, иницируемая властью и церковными кругами активность) происходит постепенное освоение доступных инструментов проведения общественных кампаний: молодежные объединения, митинги, открытые письма (в защиту группы «Pussy Riot», С. Бахминой, М. Ходорковского, или напротив, в поддержку «судебной системы»⁴, в защиту церкви и патриарха и проч.), публичные высказывания в прессе по любому, в том числе политическому, поводу⁵ и т. д.

³ Зубаревич Н. Современная Россия: география с арифметикой // Отечественные записки, 2012, №1.

⁴ Имеется в виду так называемое «письмо 55-ти», утверждающее, что общественная кампания, сопровождающая процесс М.Ходорковского, дискредитирует российское правосудие.

⁵ См. например: Чаплин vs Бондаренко // Новое время (The New Times), 2012, №22, с. 6.

¹ Волков Д. Опасные повороты общественной мобилизации // Ежедневный журнал от 14 июля 2011 (<http://ej.ru/?a=note&id=11177>).

² Об этом говорили респонденты в Калининграде, проинтервьюированные в рамках проекта «Перспективы гражданского общества» в 2010 году

Если добавить сюда все новые попытки оппозиционных политиков (и националистов), гражданских активистов (разнообразные инициативы Алексея Навального, Школы и Совета муниципальных депутатов, региональные проекты Лиги Избирателей и т.д.), правозащитников в Москве, Перми, Саратове и других городах втянуть в свою деятельность все большее число сограждан, то можно сказать, что российский общественно-политический ландшафт становится все более разнообразным. Самюэл Хантингтон, изучавший условия трансформации политических режимов в развивающихся странах в 1960-х гг., указывал: в процессе модернизации “у всех групп, как старых, так и новых, как традиционных, так и современных, усиливается сознание самих себя в качестве групп и своих интересов и притязаний в отношении других групп”, активные действия одного социального слоя по защите своих интересов влекут за собой мобилизацию других частей общества¹. Но зачастую активные слои оказываются сосредоточены в крупных городах, и весьма распространены случаи, когда авторитарный режим контролирует оппозиционно настроенную столицу, опираясь на широкие слои населения за пределами крупных городов. Возможно, мы наблюдаем сегодня в России что-то похожее.

Как показывал Лев Гудков, описывая “природу путинизма”, российский политический режим до сих пор держался не просто на поддержке большинства, но был возможен только при условии пассивности населения². Если предположить, что все новые группы будут до-

бываться признания своих интересов, притом, что универсального, признанного системой механизма учета и согласования их требований и прав не существует, а механизм решения конфликтных ситуаций (независимый суд) не работает, то всякая новая инициатива вынужденно будет политизироваться и бросать вызов всей политической системе.

Если это так, то представительство и согласование групповых интересов, не имевшее особого смысла в 90-е годы (ни в политике, ни в правозащитной сфере), сегодня, в условиях растущей активности людей, оказывается на повестке дня. Протесты, в которых проявилась готовность меньшинства озвучить и защищать свои интересы и представления о будущем, сигнализируют о необходимости приведения политических институтов в соответствие с меняющимися социальными условиями ради сохранения стабильности политической системы в целом. По сути, речь идет о классическом модернизационном вызове, с которым сталкивались многие страны: экономическое и социальное развитие приводит к групповой эмансипации, что в свою очередь требует адаптации политических институтов. Подчеркнем особо, что запрос на демократизацию обусловлен здесь не общественными представлениями (по поводу прав и свобод, «западного» варианта развития, «сильной руки» и проч.), но необходимостью обеспечить политический порядок. В противном случае, как предупреждал Шмуэль Эйзенштадт³, нас ждут хаос или стагнация.

¹ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. - М.: Прогресс-Традиция, 2004, с.55

² Гудков Л. Природа “путинизма” // Вестник общественного мнения, 2009, №3 (101), с.11.

³ Эйзенштадт Ш. Срывы модернизации // Неприкосновенный запас, 2010, №6.

Антон ОЛЕЙНИК

Кто эти мужчины и женщины на фотографии? Контент-анализ фотографий массовых протестов*

Введение. Недавняя волна массовых протестов на Ближнем Востоке (Иран, 2009; Тунис, Египет, Ливия, Йемен, Сирия, Алжир, Бахрейн, 2011) и странах бывшего Советского Союза (Грузия, 2003; Украина, 2004; Кыргызстан, 2005 и 2010; Монголия, 2008; Молдова, 2009; Россия, 2011) стала неожиданностью для большинства исследователей и практиков (политических лидеров и их советников, например). Даже в тех случаях, когда массовые протесты были ожидаемы и тщательно готовились, их динамика, масштабы и последствия зачастую превзошли самые смелые прогнозы (или наоборот, не оправдали даже самых скромных ожиданий). Никто в Монголии или среди зарубежных специалистов по этой стране не смог предсказать массовые беспорядки 1 июля 2008 г. в Улан-Баторе¹. Массовым протестам ноября 2004 года в Украине, — их еще называют «Оранжевой революцией», — предшествовала тщательная подготовка и серия акций «Украина без Кучмы». Однако «к удивлению самих организаторов, киевляне вышли на улицы в неожиданно большом количестве»².

Осмыслению массовых протестов последнего десятилетия препятствует ряд как теоретических, так и методологических проблем. С одной стороны, список факторов, которые способствуют широкомасштабной мобилизации, остается открытым. Активное участие в протестах представителей обоих полов, большинства возрастных категорий и социально-экономических групп с противоположными

интересами на рынке (например, предпринимателей, студентов и пенсионеров) ставит под сомнение роль таких факторов, как идеология или экономическая ситуация. С другой стороны, нерешенный характер методологических проблем препятствует нахождению более адекватного объяснения причин массовых протестов на Ближнем Востоке и в странах бывшего Советского Союза. Первичные данные, собранные непосредственно у участников протестов, доступны в очень редких случаях. Отмеченные выше трудности с точным предсказанием масштабов протестов и числа их участников делают практически невозможным систематический сбор данных во время протестных действий. Исследователи зачастую оказываются просто не готовы появиться в нужном месте и в нужное время. Что касается западных исследователей, то их ограниченные способности к коммуникации на родном языке участников протестов представляют собой дополнительный барьер. А вот местные исследователи, хотя и не испытывают проблем в коммуникации, зачастую не обладают достаточными навыками и ресурсами для организации широкомасштабного сбора первичных данных.

Данная статья посвящена вопросам сбора первичных данных о массовых протестах вообще и в странах без сильных традиций эмпирического изучения массовой мобилизации в частности (например, в странах Ближнего Востока и бывшего Советского Союза, хотя здесь существует и ряд исключений³). Говоря более конкретно, в статье обсуждается значительный и пока еще недостаточно оцененный потенциал фотодокументов, созданных в период массовых протестов их участниками и журналистами. В отличие от исследователей, у журналистов много больше возможностей для того, чтобы оказаться в нужном месте в нужное время. А распространенность компактных фотоаппаратов и телефонов со встроенными камерами

* Автор благодарен Льву Гудкову, Алексею Гражданкину и Денису Волкову (Левада-Центр) за предоставленную возможность работать с базой данных опроса участников митинга 24.12.2011 и документами, касающимися его организации. Он также признателен Наталье Рыжовой, Татьяне Журавской и Анне Павлишиной (Амурский Государственный Университет, Благовещенск) за их участие в кодировании подвыборки фотодокументов об этом событии на начальном этапе исследования.

¹ *Oleinik, Anton.* Institutional exclusion as a destabilising factor: the mass unrest of July 1, 2008 in Mongolia. // *Central Asian Survey*, 2012 (DOI: 10.1080/02634937.2012.671994).

² *Bessinger, Mark R.* Mechanisms of Maidan: The structure of contingency in the making of the Orange revolution. // *Mobilization: An International Journal*, 2011, 16 (1), p. 25.

³ *Клеман, Карин, Мирясова, Ольга и Демидов, Андрей.* От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. Москва: Три квадрата, 2010.

превращает каждого участника протестов в потенциального репортера. Данный факт признается даже представителями профессиональных СМИ (о чем свидетельствуют программы, аналогичные “iReport” на CNN). Языковой барьер является менее существенным препятствием для зарубежных исследователей, работающих с фотодокументами. В статье показывается, как контент-анализ фотодокументов позволяет получить социальный портрет участников протестов. Он также помогает сформулировать ряд гипотез относительно тех факторов, которые способствуют широкомасштабной мобилизации.

Помимо сугубо методологических преимуществ использования контент-анализа фотодокументов для изучения массовых протестов, эта новация позволяет решить и ряд сугубо практических задач. Оценка числа участников протестов зачастую имеет политическое измерение. Обладатели власти, выступающие в качестве основного объекта критики демонстрантов, имеют тенденцию к занижению числа участников акций протеста, а вот сами демонстранты и симпатизирующие им лица зачастую дают завышенные оценки. Карл-Дитер Опп¹ на примере демонстрации 9-го октября 1989 г. в Лейпциге — первого массового выступления против «реального социализма» в Германской Демократической Республике — показывает, что действительное число участников может отличаться как от официальных, так и от неофициальных оценок. Официальная оценка в данном случае была дана представителями властей, а именно лейпцигской полицией.

Аналогичная ситуация наблюдалась и с оценками числа участников массовых протестов, которые проходили в декабре 2011 — марте 2012 года в Москве и ряде других российских городов. Представители российских властей систематически занижали число демонстрантов, а вот организаторы протестов, наоборот, завышали его. К примеру, московская полиция оценила число участников митинга 24.12.2011 г. на проспекте академика Сахарова в 25-30 тысяч. Организаторы же и представители российской независимой прессы утверждали, что более 110 тысяч протестующих пришли на митинг в тот день.

В статье обсуждаются результаты контент-анализа фотографий, сделанных на проспекте

¹ *Opp, Karl-Dieter.* The Production of Historical 'Facts': How the Wrong Number of Participants in the Leipzig Monday Demonstration on October 9, 1989 Became a Convention. // *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 2011, 231 (5-6): 598-607.

академика Сахарова после полудня 24.12.2011 г. Этот митинг стал одним из самых массовых выражений протеста против российской властвующей элиты и предполагаемого участия ее представителей в фальсификации результатов выборов (парламентских, состоявшихся 4.11.2011 г., и президентских, состоявшихся 4.03.2012 г.) за последние двадцать лет. Митингу 24-го декабря предшествовали две протестные акции, а за ним последовали ряд других. Таким образом, его можно рассматривать в качестве «репрезентативного» для всей совокупности протестных акций декабря 2011 — марта 2012 года.

Статья начинается с обзора в первой ее части различных источников информации о массовых протестах: массовых опросов, фотографий, сделанных журналистами и частными лицами, а также интернета (социальных сетей). Во второй части статьи представлены основные результаты контент-анализа 382 фотографий митинга 24 декабря. Третья часть содержит обсуждение ряда методологических вопросов в свете результатов контент-анализа. Здесь же рассматриваются несколько теорий, призванных объяснить полученные результаты. Особый акцент делается на институциональном исключении как одной из причин массовой мобилизации в странах бывшего Советского Союза и Ближнего Востока.

I. Обзор источников данных. Список основных источников первичной информации о массовых протестах включает в себя интернет (социальные сети), массовые опросы, создаваемые СМИ и частными лицами фотобанки, качественные углубленные интервью и включенное наблюдение. Источники перечислены в порядке, отражающем их доступность для исследователей, которые по какой-то причине не имели возможности организовать «поле» во время протестных акций или же непосредственно после их завершения.

а. Социальные сети. Интернет играет все более важную роль в социальных протестах. Во-первых, он дает их участникам возможность найти людей со сходными взглядами и установить с ними контакт в кратчайшие сроки, а также с минимальными издержками. Виртуальные сообщества неустойчивы, их трудно превратить в реальные². Однако их можно рассматривать в

² *Kujawski, Berni and Abell, P.* Virtual communities? The Middle East revolutions at the Guardian forum: Comment Is Free. // *The European Physical Journal B*, 2011, 83: 525-529.

качестве своеобразного субститута социальным связям, которые слабы или вообще отсутствуют в странах с низким уровнем обобщенного доверия (доверия «обобщенному Другому») и слабыми традициями гражданского участия. Возможно, именно по этой причине массовые протесты на Ближнем Востоке и в странах бывшего Советского Союза зачастую имеют своей основой виртуальные сообщества, созданные в социальных сетях подобных *Facebook*. Например, мобилизация с помощью *Facebook* приняла особенно впечатляющие формы в Египте с его более чем 800 тысячами пользователей *Facebook* по состоянию на 2009 г. 90 тысяч из них заявили о своем участии в ключевой демонстрации 25.01.2011 г. в социальной сети¹.

Во-вторых, социальные сети обеспечивают потенциальных участников протестов доступной инфраструктурой для координации и согласования действий, следующих за установлением первичных контактов. В странах с богатыми традициями массовых протестов (Западная Европа, Северная Америка) координация протестных действий вплоть до последнего времени обеспечивалась главным образом на основе формальных организаций: профсоюзов, политических партий, неправительственных организаций и так далее. Интернет открывает новые возможности для организации согласованных действий, «action in concert», выражаясь словами Ханны Арендт², причем без вовлечения организационных иерархий. «Локус контроля перемещается с организации на индивида. Теперь сообщения о мобилизации передаются и распространяются от одной сети к другой не организациями, а прежде всего индивидами»³.

В-третьих, Интернет способствует низовой мобилизации и на более глубоком уровне. Он предполагает особую конституцию социальной власти, которая отлична от той, что лежит в основе привычных организаций. Интернет дает возможность организовать взаимодействие без вовлечения наделенных властью лиц. Так, любой может опубликовать свои материалы во всемирной сети, обходясь без иерархии редакторов, корректоров и прочих. Любой может соз-

дать новую группу по интересам. Любой может комментировать и критиковать высказанные другими мысли. Участие лица, обладающего властью — редактора, профессионального критика — уже не является абсолютно необходимым. В итоге «изменяется отношение, отношение индивида к власти, а именно формируется пренебрежение к вертикали власти, к устоявшимся иерархиям, вовлеченным в процесс принятия решений»⁴.

Превращение Интернета в место предварительной встречи участников протестов и канал общения между ними объясняет его ценность в качестве источника информации для исследователей массовой мобилизации. Становится возможным собирать большой объем значимой информации с помощью мониторинга интернет-форумов и групп, создаваемых в социальных сетях⁵. *Facebook* является наиболее популярной сетью в большинстве стран мира, однако в России его местный аналог *В Контакте* удерживает лидирующие позиции по состоянию на декабрь 2011 г.⁶. Поэтому для сбора информации об участниках митинга 24-го декабря была выбрана группа, созданная *В Контакте*. В апреле 2012 г. группа «Народ против жуликов и воров» имела 170315 участников, из них 33867 в Москве. Накануне каждой из декабрьских акций протеста, включая митинг 24-го декабря, некоторые СМИ ориентировались на число участников этой группы, объявивших о своем намерении выйти на улицу, в качестве предварительной оценки масштабов этого мероприятия. *В Контакте* имеет опции получения таких агрегированных данных о заявленных участниках акции, как пол, возраст и образование. Совершенно очевидно, что достоверность социального портрета, получаемого на основе анализа создаваемых в социальных сетях учетных записей, нельзя принимать как данное. Степень его достоверности нужно эмпирически проверять посредством сопоставлений с данными из других источников.

б. Массовые опросы. Массовые опросы являются широко используемым в исследованиях социальной мобилизации источником количественных данных. В этом контексте следует различать два типа опросов. К первому типу относятся неспециализированные опросы, включающие ряд вопросов об опыте участия ре-

¹ Attia, Ashraf M., Aziz, Negris, Friedman, Barry and Elhusseiny, Mahdy F. Commentary: The impact of social networking tools on political change in Egypt's 'Revolution 2.0.' // *Electronic Commerce Research and Applications*, 2011, 10: 369-374.

² Arendt, Hanna. *On Violence*. New York: Harcourt, Brace & World, 1969, p. 44.

³ Walgrave, Stefaan, Bennett, W. Lance, Van Laer, Jeroen and Breunig, Christian. Multiple engagements and network bridging in contentious politics: digital media use of protest participants. // *Mobilization: An International Journal*, 2011, 16 (3): 345.

⁴ Hofheinz, Albrecht. Nextopia? Beyond Revolution 2.0. // *International Journal of Communication*, 2011, 5: 1425.

⁵ Kujawski, Berni and Abell, P. Op. cit.

⁶ The value of friendship. // *The Economist*, 2012. February 4-10, 24.

спондента в протестных действиях. Результаты некоторых опросов данного типа (например, *European Social Survey*) находятся в открытом доступе в Интернете, что объясняет популярность их использования среди исследователей, обладающих лишь минимальным знанием языка и культуры конкретной страны, а также не имевших возможности стать очевидцем изучаемых событий. Однако использование лишь данных неспециализированных опросов не оставляет исследователю иного выбора, кроме полагания на далеко идущие обобщения и вольные интерпретации сказанного респондентом. Например, если респондент заявляет о своем участии в акции протеста, это автоматически приводит к его включению в группу участников массовой мобилизации (см., в частности, у Бессинджера¹). При этом исследователь редко ставит перед собой задачу оценки достоверности подобных заявлений, несмотря на высокий риск выражения только социально одобряемых мнений. Лишь в исключительно редких случаях исследователь не только признает проблематичный характер заявлений респондента на тему социально чувствительных сюжетов, но и имеет средства для эмпирической проверки их достоверности².

Ко второму типу массовых опросов относятся специализированные опросы. Их проводят во время акций протеста в форме структурированных интервью или сразу же после их завершения, приглашая участников заполнить и вернуть розданные во время акции анкеты по почте. Организация специализированных опросов требует больших затрат времени и ресурсов. Она также предполагает способность исследователя правильно предугадывать протесты и их масштаб. Однако непосредственный опрос участников протестов снижает зависимость исследователя от сомнительных обобщений и интерпретаций сказанного респондентами.

Впрочем, специализированные опросы тоже не лишены систематических ошибок и искажений в ответах. Стефан Валгрейв и Йорис Верхулст в своем пионерном исследовании на эту тему³ различают три вида искажений в специализированных опросах: искажения при отборе респондентов, искажения при выражении согласия на заполнение анкеты и искажения при ответах на вопросы анкеты. Искажения

при отборе возникают в результате невозможности обеспечить случайный выбор респондентов в толпе. Случайный отбор респондентов на митингах, в отличие от шествий и демонстраций, особенно затруднен ввиду того, что неподвижная толпа с трудом поддается разделению на воображаемые сектора. Искажения при выражении согласия на заполнение вопросов анкеты заключаются в том, что согласившиеся на участие в опросе лица могут отличаться от тех, кто отказался. Наконец, искажения при ответах на вопросы анкеты присутствуют в том случае, если ответившие на конкретный вопрос респонденты отличаются от тех, кто воздержался от ответа.

Руководство Левада-Центра любезно предоставило автору данной статьи доступ к полной базе данных опроса, проведенного во время митинга 24-го декабря в форме структурированных интервью. Интервью проводились силами шестнадцати профессиональных интервьюеров и двадцати одного студента-социолога. Всего было проведено 791 интервью и зафиксировано 215 отказов, что соответствует 71% ответивших на вопросы анкеты (итоговые цифры по отказам могли оказаться выше, учитывая неспособность менее опытных студентов задокументировать все отказы).

Строго говоря, митинг 24-го декабря относится к категории «стоячих» протестных акций. Он был организован на закрытом для движения участке проспекта академика Сахарова. Однако интервьюеры были проинструктированы отобрать каждого пятого проходящего через рамки металлодетекторов участника. При организации митинга был предусмотрен только один ряд металлодетекторов (не считая отдельного выхода для журналистов и организаторов). Иными словами, согласно инструкции интервьюеры должны были отбирать респондентов из движущейся толпы случайным образом.

В данном случае искажения при выражении согласия на участие в опросе представляют собой основную угрозу достоверности результатов. Большинство отказов было зафиксировано в группе участников митинга от 55 лет и старше, что еще больше усиливает сомнения относительно полной достоверности результатов. Согласно предыдущим опросам участников массовых протестов, «представители старших возрастов оказываются наиболее предрасположены к сотрудничеству с исследователями»⁴.

Результаты специализированного опроса участников митинга были затем проанализиро-

¹ Bessinger, Mark R. Op.cit.

² Opp, Karl-Dieter. Op.cit.

³ Walgrave, Stefaan and Verhulst, Joris. Selection and response bias in protest surveys. // *Mobilization: An International Journal*, 2011, 16 (2): 212.

⁴ Walgrave, Stefaan and Verhulst, Joris. Op. cit, p. 219.

ваны с использованием статистического пакета *SPSS v. 19*, разработанного *IBM*. Анализ проводился по таким направлениям, как описательная статистика социально-экономического профиля участников и бинарная логистическая регрессия (логистическая регрессия для бинарного отклика), предсказывающая участие респондента в двух предшествующих декабрьских акциях протеста на основе ряда социальных и политических переменных.

в. Фотобанки

Фотографические материалы активно используются в журналистских репортажах о массовых протестах, однако их значимость и потенциал для использования в качестве источника информации в научных исследованиях остаются недооцененными. Изображения, взятые из журналистских репортажей, образуют первую категорию фотоматериалов. Их легко найти в печатных и интернет-версиях СМИ. Вторая категория визуальных материалов образована фотографиями, сделанными собственными участниками протестных акций с помощью своих камер и сотовых телефонов. Их можно в избытке найти в социальных сетях и в интернет фотобанках, подобных *Flickr.com*. По состоянию на декабрь 2010 г. *Flickr* насчитывал более 40 миллионов членов¹, будучи крупнейшим депозитарием фотографий в мире.

Каждая из двух указанных категорий визуальных материалов обладает отличительными особенностями. Визуальные материалы из журналистских репортажей как правило относятся к жанру документальной фотографии. Законы этого жанра предполагают, что автор не нейтрален, он стремится с помощью фотографий убедить свою аудиторию либо в желательности, либо в нежелательности перемен². По этой причине документальные фото подвержены редактированию и корректированию: их композиция, геометрическая перспектива и цветовая гамма призваны подчеркнуть одни аспекты и оставить в тени другие. Так, эмпирические исследования подтверждают наличие рамочных эффектов (*framing*) в репортажах о второй войне в Ираке, опубликованных в британской и американской прессе³, в изображении страдающих ожирением людей на сайтах ведущих

американских новостных телеканалов⁴, а также в изображении женщин-участниц антиглобалистского движения альтернативными СМИ⁵.

Участники протестов делают фотографии с иной целью. Вместо того, чтобы содействовать распространению с их помощью тех или иных идей, они запечатлевают происходящее для того, чтобы лучше его запомнить. В данном случае фотография становится своеобразным «расширением памяти» участника событий⁶. Такого рода фотодокументы близки по своему жанру к уличной фотографии⁷. По сравнению с документальной, для уличной фотографии характерны более идеологически нейтральные визуальные материалы. Автор изображения в жанре уличной фотографии просто не имеет достаточно времени и навыков для выбора определенного ракурса, перспективы или композиции. Фотограф здесь выступает в роли свидетеля, а не художника.

В настоящем исследовании использованы 382 изображения обоих типов. Они взяты из различных источников: фотографии, сделанные автором во время митинга 24-го декабря, фотографии, сделанные другими его участниками и размещенные в интернете (на *Flickr.com* и *В Контакте*), а также репортажи профессиональных фотожурналистов, подготовленные для ведущих российских СМИ либеральной направленности (*Форбс*, *Ведомости*, *Gazeta.Ru*, *Ежедневный Журнал*, *РБК Daily* и *Большой Город*). 55% изображений можно классифицировать как уличные фотографии, оставшиеся 45% — как документальные фотографии. Критерий включения конкретного изображения в выборку носил сугубо технический характер: фотография должна быть сделана в высоком разрешении (для лучшего анализа деталей) и каждый источник должен содержать как минимум 15-20 фотодокументов.

После создания выборки визуальные изображения были подвергнуты контент-анализу с использованием специализированной программы *QDA Miner v. 4.0.4*, разработанной *Provalis Research* (Монреаль, Канада). Контент-анализ

¹ *Rose, Gillian*. Visual methodologies: An introduction to researching visual materials, Los Angeles, CA: SAGE, 2012, p.84.

² *Rose, Gillian*. Op.cit., p. 23.

³ *Fahmy, Shahira and Kim, Daekyung*. 2008. Picturing the Iraq War: Constructing the Image of War in the British and US Press. // *International Communication Gazette*, 2008, 70 (6): 443-462.

⁴ *Heuer, Chelsea A., McClure, Kimberley J. and Puhl, Rebecca M.* 2011. Obesity Stigma in Online News: A Visual Analysis. // *Journal of Health Communication* 16 (9): 976-987.

⁵ *Kolářová, Marta*. Gender Representation of the Anti-Globalization Movement in the Alternative Media. // *Czech Sociological Review*, 2004, 40 (6): 851-868.

⁶ *Prosser, Jon and Schwartz, Dona*. Photographs within the Sociological Research Process. // *Image-based research: a sourcebook for qualitative researchers*, edited by Jon Prosser. London and Philadelphia: Falmer Press, 2005, p.123.

⁷ *Rose, Gillian*. Op.cit., p. 26.

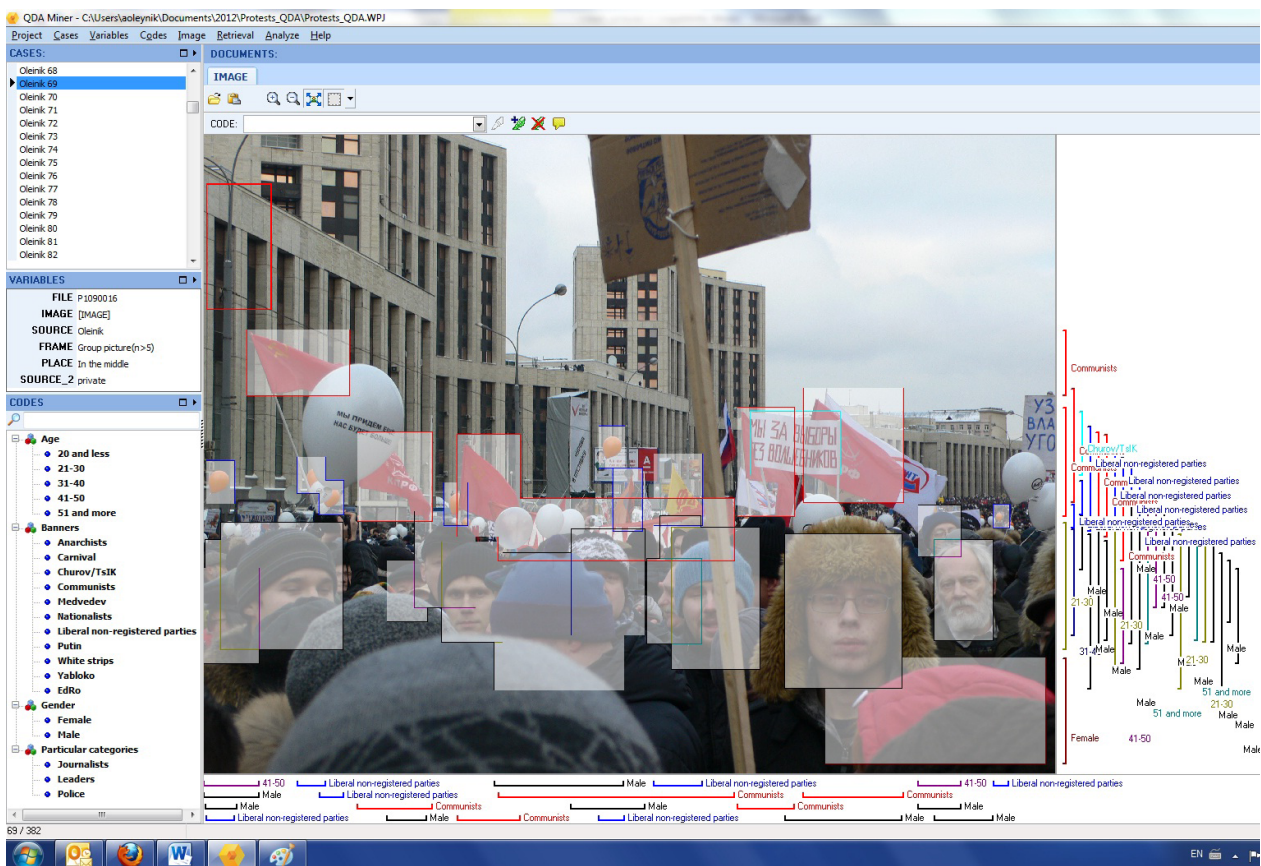
хорошо известен по случаям своего применения к исследованию текстов. Контент-анализ визуальных документов имеет сходную логику. Обычно он предполагает трансформацию изображения в матрицу с переменными (например, дата, источник, пол изображенных лиц) в столбцах и случаями (отдельными фотографиями) в строках. Такой подход позволяет использовать стандартные статистические методы, однако он связан со значительными потерями информации. *QDA Miner* предоставляет исследователю возможность кодировать не только изображение в целом, но и его отдельные фрагменты. В результате множество элементов фотодокумента со сложной композицией (что характерно для уличной фотографии) могут быть закодированы по отдельности, что существенно сокращает потери информации в процессе контент-анализа (рисунок 1). *QDA Miner* имеет опцию одновременного извлечения всех фрагментов, закодированных определенным образом, а также множество опций в области многомерного шкалирования.

В использованной версии контент-анализа фотография выступает в качестве единицы наблюдения, а ее отдельный элемент (чело-

век с идентифицируемым лицом, флаг или транспарант) — в качестве единицы анализа. Книга кодов включает в себя базовые социально-демографические характеристики изображенных на фотодокументах лиц (пол, приблизительный возраст) и индикаторы их позиции в отношении представителей власти (упоминания занимавшего на тот момент должность президента Дмитрия Медведева и занимавшего на тот момент должность председателя правительства РФ Владимира Путина) и политических предпочтений (сторонники анархистов, коммунистов, либералов и националистов). Копия Книги кодов с указанием их частотности прилагается (см. Приложение).

Основное внимание было уделено кодированию социально-демографических характеристик участников акции и легко различимых политических символов (на основе знания партийных цветов и символики), что объясняет использование объективного метода в кодировании. Объективный метод в кодировании следует отличать от латентного, предполагающего субъективную интерпретацию различных символов. Несмотря на использование объективного кодирования, для проверки достоверно-

Рисунок 1
«КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ИЗОБРАЖЕНИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ QDA Miner»

сти его результатов потребовался специальный тест. Митинг состоялся на сильном морозе и большинство его участников были в теплых головных уборах и зимней одежде, что затруднило точную идентификацию их пола и возраста. В случае контент-анализа визуальных документов, сделанных во время происшедших в летний период массовых протестов, определение пола и возраста не вызвало таких трудностей¹.

Четверо кодировщиков независимо друг от друга произвели кодирование подвыборки из 34 фотографий (что составило примерно 10% от всей выборки). В число кодировщиков вошли представители обоих полов и разных возрастных групп (возраст двоих кодировщиков не превышает 30 лет, одного – находится в промежутке от 31 до 40 лет и еще одного – в промежутке от 41 до 50 лет). Первоначально был зафиксирован достаточно невысокий уровень согласия между кодировщиками, измеренный с помощью альфы Криппендорф (Krippendorff's alpha) и пи Скотта (Scott's Pi²). В частности, кодировщики зачастую расходились в оценках возраста митингующих. Поэтому после укрупнения возрастных категорий потребовался второй этап кодирования³. В итоге значения альфы Криппендорф для всех пар кодировщиков находятся в промежутке от 0.61 до 0.71, а для всех четырех кодировщиков ее значение равно 0.44. Затем автор закодировал оставшиеся фотографии самостоятельно, без привлечения других кодировщиков.

г. Другие источники

Другие достойные специального упоминания источники информации включают в себя углубленные качественные интервью⁴, включенное наблюдение (помимо проведения структурированных интервью, профессиональные интервьюеры *Левада-Центра* были проинструктированы отмечать относительное число мужчин и женщин, а также представите-

лей различных возрастных групп на проспекте академика Сахарова), и социологическая интервенция. Под социологической интервенцией понимается особый метод сбора первичных данных в ходе специальным образом организованных групповых интервью. Этот метод использовался для изучения первого случая широкомасштабных протестов в бывших странах «реального социализма», а именно польской «Солидарности» в начале 80-х годов прошлого столетия.

Вопросы достоверности (валидности) данных редко обсуждаются явным образом в случае использования для изучения массовых протестов углубленных интервью и включенного наблюдения. Неявным образом предполагается, что при правильном применении данных методов они обеспечивают высокую степень внутренней валидности (internal validity) и низкую степень внешней валидности (external validity) результатов. В случае социологической интервенции предложен особый тест для эмпирической проверки достоверности получаемых результатов. Если участники групповых обсуждений в конечном счете соглашаются с применимостью разработанных исследователями теоретических рамок для осмысления их собственного опыта участия в протестном движении, тогда достоверность полученных результатов считается подтвержденной⁵.

Каждый из рассмотренных выше источников информации имеет свои недостатки с точки зрения достоверности, доступности и ряда других критериев. Констатация этого факта подсказывает, что предпочтительнее одновременно использовать информацию сразу из нескольких источников. Стратегии триангуляции различных методов сбора и обработки информации позволяют увеличить достоверность результатов исследования, как внешнюю, так и внутреннюю⁶. В частности, триангуляция «между методами» предполагает сравнение результатов массового опроса и итогов серии углубленных качественных интервью при условии, что оба метода применяются для поиска ответа на одни и те же исследовательские вопросы. Валгрейв и Верхулст дают пример триангуляции «внутри

¹ Oleinik, Anton. Institutional exclusion as a destabilising factor: the mass unrest of July 1, 2008 in Mongolia. // Central Asian Survey, 2012 (DOI: 10.1080/02634937.2012.671994).

² См.: Bernard, Russel H. and Ryan, Gery W. Analyzing Qualitative Data: Systematic Approaches. Los Angeles, CA: SAGE, 2010, p. 305; Warner, Rebecca M. Applied Statistics: From Bivariate Through Multivariate Techniques. Thousand Oaks, CA: SAGE, 2008, p. 834.

³ Первоначально Книга кодов содержала пять кодов для возрастных категорий: 20 лет и моложе, от 21 года до 30 лет, от 31 года до 40 лет, от 41 года до 50 лет и 51 год и старше. Впоследствии эти пять категорий были преобразованы в четыре: 24 года и моложе, от 25 до 39 лет, от 40 до 54 лет и 55 лет и старше.

⁴ В российском контексте этот метод сбора информации активно использовался в кн.: Клеман К., Мирясова О., Демидов А. Указ соч.

⁵ Wiewiorka, Michel and Dubet, François. "Touraine and the Method of Sociological Intervention." // Alain Touraine, ed. by J. Clark and M. Diani. London: Falmer, 1996, pp. 55-76.

⁶ См.: Jick, Todd D. Mixing Qualitative and Quantitative Methods: Triangulation in Action. // Administrative Science Quarterly, 1979, 24 (4): 602-611; Oleinik, Anton. Mixing quantitative and qualitative content analysis: triangulation at work. // Quality and Quantity, 2011, 45 (4): 859-873.

метода»: они параллельно используют два количественных метода, а именно структурированные интервью с участниками акции протеста и заполняемые теми же людьми самостоятельно после ее завершения анкеты¹.

Данное исследование имеет своей целью сравнение оценок социально-демографических характеристик участников митинга, полученных из четырех независимых источников информации: (i) социальной сети *В Контакте*; (ii) массового опроса, организованного сотрудниками *Левада-Центра* на проспекте академика Сахарова; (iii) включенного наблюдения интервьюерами *Левада-Центра* (в данном случае исследователь играл роль совершенного наблюдателя) и (iv) выборки фотографий, сделанных как профессиональными журналистами, так и самими митингующими. Говоря более предметно, описательная статистика данных из источников (i), (ii) и (iii) сравнивается с результатами контент-анализа документов из источника (iv). Сравнение осуществляется в логике триангуляции «между методами».

Статья отвечает на три группы исследовательских вопросов. Две из них носят методологический характер, а третья касается теоретических соображений. Во-первых, наблюдается ли конвергенция результатов статистического анализа и итогов контент-анализа визуальных документов по таким параметрам, как социально-демографический профиль участников и их политические предпочтения? Если конвергенция действительно наблюдается, то исследователи массовых протестов получают новый источник доступной информации, а именно фотобанки. Этот источник дополняет информацию из других источников, а иногда и замещает ее.

Во-вторых, отличается ли картина массовых протестов, реконструируемая с помощью фоторепортажей в СМИ, от той, в основе которой лежат фотографии из личных коллекций их участников? Дает ли документальная фотография картину массовых протестов, отличную от той, что получена с помощью уличной фотографии?

В-третьих, можно ли говорить о «нормализации» участников акций протеста в российском случае? Иными словами, наблюдается ли тенденция к более или менее равному представительству полов и разных возрастных групп среди участников протестных акций, как это происходит в Западной Европе²? Если да, то ка-

кие теоретические объяснения этому процессу могут быть предложены предварительным образом?

II. Результаты. Как отмечалось ранее, согласно относительно числа участников митинга 24-го декабря на проспекте академика Сахарова нет. Известные оценки разнятся на порядок: от 25 тысяч (минимальная оценка полиции) до более чем 110 тысяч (максимальная оценка организаторов митинга).

Контент-анализ фотографий, сделанных в разгар митинга (в районе 3-х часов пополудни) – в частности, панорамных изображений различных сегментов собравшейся толпы – показывает, что ее плотность варьируется от 4 человек на квадратный метр вблизи сцены, с которой лидеры обращались к митингующим с речами, до 2,5 человек на кв. метр в середине толпы, 3 перед рамками металлодетекторов и 0,5 в расположенной непосредственно за этими рамками зоне. Общая площадь этих четырех условным образом выделенных секторов проспекта Сахарова точно известна³, что позволяет приблизительно образом подсчитать общее число митингующих. Аналогичный подход использовался для оценки числа участников демонстрации 9.10.1989 г. в Лейпциге⁴. Получаемая цифра – от 85 до 90 тысяч – располагается ближе к верхней границе интервала в оценках. Впрочем, при этом не учтены те, кто пришел на митинг уже после его начала, равно как и те, кто его покинул задолго до его формального завершения.

С чисто количественной точки зрения, митинг 24-го декабря собрал больше участников, чем массовые протесты 1.07.2008 г. в Улан-Баторе (от 10 до 20 тысяч⁵), но меньше, чем октябрьская 1989 г. демонстрация в Лейпциге (более 130 тысяч⁶) и в особенности ноябрьские 2004 г. протесты в Киеве (более 200 тысяч, в разгар «Оранжевой революции» в ней участвовало около миллиона киевлян и гостей украинской

From the normalisation of protest to the normalisation of the protester. // *European Journal of Political Research*, 2001, 39 (4), 461-486.

³ «Инженер-геодезист подсчитал участников митинга на проспекте Сахарова» // РИА «Новости». 2011. Проверено 8.04.2012 (<http://www.ria.ru/society/20111224/525177803.html>).

⁴ *Opp, Karl-Dieter*. The Production of Historical 'Facts': How the Wrong Number of Participants in the Leipzig Monday Demonstration on October 9, 1989 Became a Convention. // *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 2011, 231 (5-6): 604.

⁵ *Oleinik, Anton*. Institutional exclusion as a destabilising factor: the mass unrest of July 1, 2008 in Mongolia. // *Central Asian Survey*, 2012 (DOI: 10.1080/02634937.2012.671994).

⁶ *Opp, Karl-Dieter*. Op. cit., p. 604.

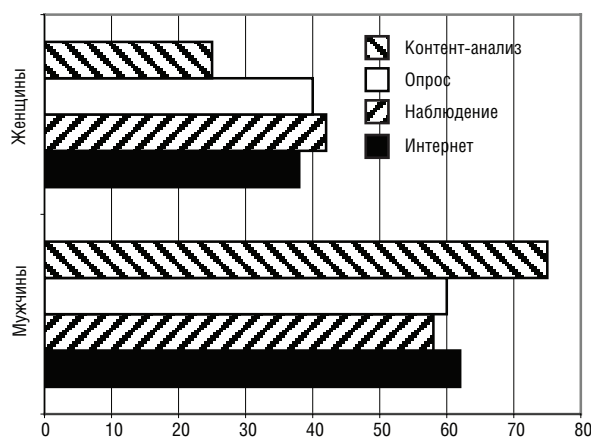
¹ *Walgrave, Stefaan and Verhulst, Joris*. Op. cit.

² *Aelst, Peter van and Walgrave, Stefaan*. Who is that (wo)man in the street?

столицы¹). Если учесть различия в размерах населения данных городов (500 тысяч в Лейпциге, 1,2 миллиона в Улан-Баторе, 2,7 миллиона в Киеве, 11,5 миллиона в Москве), то интенсивность мобилизации в российском случае оказывается достаточно низкой.

Информация из всех четырех источников указывает на существование гендерного дисбаланса (рисунок 1). Однако дисбаланс относительно больше, если для его оценки использовать контент-анализ визуальных документов. Для сравнения можно привести аналогичные данные по массовым протестам 1.07.2008 г. в Улан-Баторе. Контент-анализ фотографий, сделанных в их ходе, указывает на существование еще большего гендерного дисбаланса: 89% участников были идентифицированы как лица мужского пола и только 11% – как лица женского пола². Возможное объяснение заключается в более традиционном характере монгольского общества.

Рисунок 1
«РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МИТИНГУЮЩИХ ПО ПОЛУ, СРАВНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ ИЗ ЧЕТЫРЕХ ИСТОЧНИКОВ, %»

Аналогичная операция, проделанная в отношении распределения митингующих по возрасту, показывает, что информация из социальных сетей дает однозначно выбивающуюся из общего ряда картину (рисунок 2). Если судить по информации, полученной из *В Контакте*, то среди участников митинга однозначно преобладала молодежь.

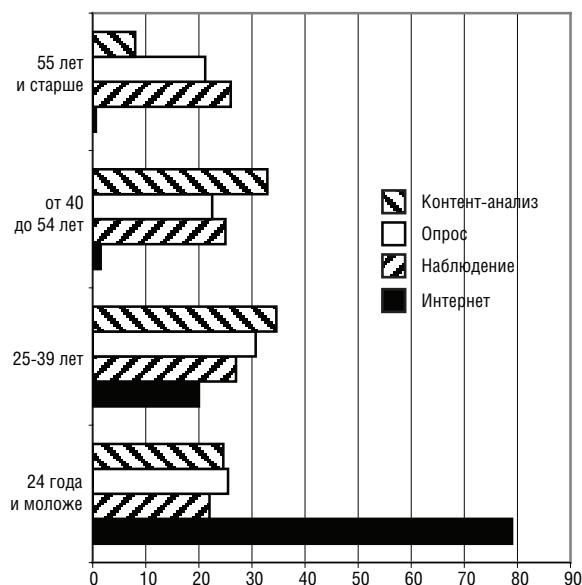
Если оставить в стороне однозначно «девиантный» случай данных из социальной сети, то нет однозначных оснований предпочесть один из оставшихся источников информации другим в качестве единственного достоверного. На-

¹ Bessinger, Mark R. Op. cit., p. 25.

² Oleinik, Anton. Institutional exclusion as a destabilising factor: the mass unrest of July 1, 2008 in Mongolia. // Central Asian Survey, 2012 (DOI: 10.1080/02634937.2012.671994).

пример, учитывая относительно более высокий процент отказов участвовать в опросе среди представителей самой старшей возрастной категории, эта возрастная категория оказывается второй по численности (после группы 25-39-летних). Если в России, как и в Западной Европе, «представители старших возрастов более активны в массовых протестах»³, тогда остается непонятным, почему они, в отличие от своих западно-европейских сверстников, при этом наименее предрасположены к сотрудничеству с исследователями⁴?

Рисунок 2
«РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МИТИНГУЮЩИХ ПО ВОЗРАСТУ, СРАВНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ ИЗ ЧЕТЫРЕХ ИСТОЧНИКОВ, %»

Результаты бинарной логистической регрессии дают дополнительную почву для сомнений в том, что представители самых старших поколений превалировали на проспекте академика Сахарова в относительном, если не в абсолютном выражении. Регрессионный анализ был осуществлен для предсказания шансов участия пришедших на митинг 24-го декабря как минимум в одной из предшествующих акций протеста в декабре 2011 г. Зависимая переменная «Участник предшествующих акций» была закодирована как 1 = Участвовал (как минимум в одной из декабрьских акций протеста, предшествовавших митингу 24-го числа), 0 = Не участвовал. В модель были включены шесть неза-

³ Walgrave, Stefaan, Bennett, W. Lance, Van Laer, Jeroen and Breunig, Christian. Multiple engagements and network bridging in contentious politics: digital media use of protest participants. // Mobilization: An International Journal, 2011, 16 (3): 340.

⁴ Walgrave, Stefaan and Verhulst, Joris. Op. cit., p. 219.

висимых переменных. Первая из них касается пола респондента (1 = мужской, 0 = женский). Вторая – возраста респондента (1 = 30 лет и моложе, 0 = 31 год и старше). Третья – образования респондента (1 = лица как минимум с незаконченным высшим образованием, включая студентов вузов, 0 = лица без какого-либо высшего образования). Четвертая переменная отражает ответ на вопрос о том, получил ли респондент информацию о митинге 24-го декабря из интернета или из других источников (1 = получил из интернета, 0 = получил из других источников). Пятая переменная касается уровня относительного благосостояния респондента (1 = лицо, которое может себе позволить приобрести автомобиль, 0 = лицо, которое не может себе этого позволить). Наконец, шестая переменная указывает на идеологические предпочтения респондента (1 = лицо с либеральными взглядами, 0 = лицо с иными взглядами).

Для осуществления регрессионного анализа была использована опция бинарной логистической регрессии в *SPSS*. В качестве метода включения переменных использовалось отношение правдоподобия (Likelihood Ratio). В анализе использовались данные о 791 случае (респонденте). На Первом шаге была включена переменная Пол («Мужчина»). Ее включение привело к увеличению псевдо R^2 Кокса и Шелла (Cox and Snell's R^2) на .01 и псевдо R^2 Нагелькерке (Nagelkerke's R^2) на .014. На втором шаге была включена переменная Возраст («Молодой»). Ее включение привело к увеличению псевдо R^2 Кокса и Шелла на .007 и псевдо R^2 Нагелькерке на .009.

Сравнение полной модели с двумя независимыми переменными, Мужчина и Молодой, с базовой моделью, соответствующей нулевой гипотезе, показало, что отличия между ними статистически значимы, $\chi^2(2)=13.748$, $p=.001$. Включенные в модель переменные, с одной стороны, Участник предшествующих акций и, с другой стороны, Мужчина и Молодой, связаны с собою слабо: псевдо R^2 Кокса и Шелла

равен .017 и псевдо R^2 Нагелькерке равен .023. В таблице 1 приведены коэффициенты логистической регрессии, статистика Вальда и оценка изменения вероятности участия в предыдущих акциях протеста для мужчин по сравнению с женщинами и для молодых людей по сравнению с представителями более старших поколений. Отрицательные значения обоих Бета-коэффициентов требуют специального комментария. Бета-коэффициенты используются для оценки разницы в вероятности участия женщин и митингующих из более старших возрастных групп в предыдущих акциях протеста в декабре 2011 г. по сравнению с референтной группой (мужчины и молодые митингующие). Мужчины и молодые люди были несколько более активны в декабрьских протестах, чем женщины и представители старших поколений, хотя различия и не так существенны. Данный результат интересен в ином плане: он укрепляет сомнения в том, что представители самой старшей возрастной группы относительно превалировали (вслед за группой 25-39-летних) на проспекте академика Сахарова.

В зависимости от источника своего происхождения визуальные документы можно подразделить на те, что хранятся в личных коллекциях, в том числе размещенных в интернете, и те, что включены в фоторепортажи, опубликованные в СМИ, в том числе на их сайтах в интернете. Различий в изображении мужчин и женщин между двумя категориями фотодокументов не обнаружено: различия в частоте, с которой мужчины и женщины оказываются на фотографиях митинга, не достигают статистической значимости (для оценки значимости различий использовалась F -статистика). Не выявлено различий между двумя категориями фотодокументов и в изображении представителей старших возрастных групп (митингующие в возрасте от 40 до 54 лет и от 55 лет и старше). Молодые участники митинга чаще запечатлены на фотографиях из частных коллекций: $F(1, 528)=17.011$, $p<.001$ для людей в возрасте 24 года

Таблица 1

«БИНАРНАЯ ЛОГИСТИЧЕСКАЯ РЕГРЕССИЯ: ПРЕДСКАЗАНИЕ УЧАСТИЯ В ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ АКЦИЯХ ПРОТЕСТА В ДЕКАБРЕ 2011 Г. В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОЛА И ВОЗРАСТА»

Независимая переменная	В (Бета)	Стандартная ошибка	Тест Вальда χ^2	Р	Exp (В)	
Шаг 1	Мужчина	-.427	.149	8.268	.004	.652
	Постоянная	.674	.098	47.220	.000	1.962
Шаг 2	Молодой	-.351	.151	5.424	.020	.704
	Мужчина	-.421	.149	7.955	.005	.657
	Постоянная	.876	.133	43.634	.000	2.401

и младше, $F(1, 742)=26.735, p<.001$ для возрастной группы от 25 до 39 лет.

Однако наиболее примечательное различие в отображении того же самого события средствами документальной и уличной фотографии касается политических предпочтений митингующих. Политические предпочтения оценивались с помощью такого индикатора, как количество флагов, транспарантов и лозунгов с партийной символикой и идеологией. Российские СМИ либеральной направленности уделяют относительно меньше внимания в своих фоторепортажах идеологическим «противникам», коммунистам и анархистам (таблица 2). Что касается массового опроса, то его характеризует искажение другого рода: в выборке *Левада-Центра*

Таблица 2

«РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МАНИФЕСТАНТОВ ПО КРИТЕРИЮ ИХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ, СРАВНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ ИЗ ЧЕТЫРЕХ ИСТОЧНИКОВ, %»

	Опрос	Контент-анализ, все фото	Фотографии в зависимости от их источника			
			Частные коллекции	Фоторепортажи в СМИ	F-статистика	P
Анархисты	2.8	5	6.2	2.7	3.699	0.055
Коммунисты	25.7	28.6	33.7	20.7	5.416	0.02
Националисты	6.1	22.2	22.6	21.9	0.649	0.421
Либеральные незарегистрированные партии	69	40.7	33.5	52.1	0.433	0.511
«Яблоко»		3.5	4	2.5	1.991	0.159

оказалось значительно меньше националистов, чем этого можно ожидать на основе подсчета флагов, ленточек и транспарантов с националистической символикой на фотографиях. И документальная, и уличная фотография свидетельствуют о том, что националисты образуют третью по размерам группу участников митинга 24-го декабря. При этом лишь незначительная часть респондентов *Левада-Центра* призналась в своих симпатиях националистическим идеям¹. Это расхождение между результатами массового опроса и итогами контент-анализа фотографий предположительно имеет своим источником либо искажения при отборе респондентов (сторонники националистов оказываются менее доступными для исследователей или интервьюеры прилагали меньше усилий для их рекрутирования), либо искажения при ответах на вопросы анкеты (сторонники националистических идей неохотно в этом признаются ввиду социального чувствительного характера данного сюжета)².

¹ Отвечая на вопрос о своих идеологических предпочтениях, респондент мог выбрать несколько вариантов. Поэтому итог по столбцу «Опрос» превышает 100%.

² Результаты бинарной логистической регрессии показывают, что

III. Обсуждение. Приведенные выше результаты статистического анализа и контент-анализа характеризуются как сходством по ряду параметров, так и различиями по другим. Например, они сходятся в том, что среди участников митинга либеральные идеи были относительно более популярны, чем коммунистические или националистические. Сходятся они и в том, что абсолютное большинство митингующих крайне критически относятся к двум ключевым представителям российской властвующей элиты – В. Путину и Д. Медведеву. Однако наличие расхождений касательно половозрастной структуры митингующих, а также абсолютной доли сторонников националистических идей на проспекте академика Сахарова говорит о том,

шансы молодых и малообразованных участников митинга оказаться сторонниками националистических идей выше, чем у представителей других социальных групп. В качестве зависимой переменной была использована Поддержка националистических идей (0 = Поддержка не выражена, 1 = Поддержка выражена). В модель были включены шесть независимых переменных – те же самые, что и в ранее обсужденной модели (с одним исключением: переменная Возраст теперь закодирована как интервальная). Для осуществления регрессионного анализа была использована опция бинарной логистической регрессии в SPSS. В качестве метода включения переменных использовалось отношение правдоподобия. В анализе использовались данные о 791 респонденте. На первом шаге была включена переменная Возраст. Ее включение привело к увеличению псевдо R² Кокса и Шелла на .02 и псевдо R² Нагелькерке на .055. На втором шаге была включена переменная Образование. Ее включение привело к увеличению псевдо R² Кокса и Шелла на .01 и псевдо R² Нагелькерке на .025. Сравнение полной модели с двумя независимыми переменными, Возраст и Образование, с базовой моделью, соответствующей нулевой гипотезе, показало, что отличия между ними статистически значимы, $\chi^2(2)=24.105, p<.001$. Включенные в модель переменные, с одной стороны, Странник националистических идей и, с другой стороны, Возраст и Образование, связаны с собою достаточно слабо: псевдо R² Кокса и Шелла равен .03 и псевдо R² Нагелькерке равен .082. Знак Бета-коэффициента для Возраста отрицателен, для Образования – положителен. Иными словами, относительное превазирование митингующих старших возрастов в выборке *Левада-Центра* могло быть результатом недостаточной представленности в ней молодых людей, симпатизирующих националистическим идеям.

что ни один из источников информации не является абсолютно достоверным и самодостаточным. Когда это возможно, данные массовых опросов лучше дополнять информацией из других источников, в частности фотобанков. Потребность в контент-анализе визуальных документов особенно велика при анализе таких социально чувствительных сюжетов, как идеологические предпочтения участников массовых протестов.

Визуальные документы представляют собой по-прежнему недостаточно используемый и недооцениваемый источник информации. Контент-анализ фотодокументов дополняет данные массовых специализированных опросов, а в отдельных случаях и частично их заменяет. Диапазон гипотез, которые можно проверить с использованием данной методологии исследования, скорее ограничен. Однако гипотезы о «нормализации» протестов и участников протестных акций вполне проверяемы посредством контент-анализа фотодокументов. Что же касается информации, полученной из социальных сетей, ее достоверность остается под большим вопросом. Социальные сети популярны прежде всего среди молодежи. Ценность социальных сетей как источника информации для изучения протестного потенциала молодежи требует специального исследования, предпочтительно с использованием методов триангуляции.

Визуальные документы не образуют однородной категории. Документальная фотография обычно принимает форму фоторепортажей о массовых протестах в СМИ. Данная категория фотодокументов зачастую подвергается редактированию, в них заметны рамочные эффекты. Уличная фотография составляет основу частных коллекций и интернет фотобанков. Эта категория фотодокументов находится ближе к ситуации «полного соответствия оригиналу», то есть исходной картине фиксируемых событий¹.

Данное исследование подтверждает, что журналистские репортажи о массовых протестах действительно дают картину событий, отличающуюся от той, в основе которой лежат сделанные самими участниками акций фотографии. В фоторепортажах о демонстрации 24-го декабря, подготовленных для ведущих российских независимых СМИ, уделяется недостаточное внимание представителям таких сегментов политического спектра, как коммунисты и анархисты. Поэтому особое внимание исследователей массовых протестов следует обратить на уличную фотографию.

¹ Rose, Gillian. Op. cit., p. 5.

В фоторепортажах также уделяется относительно больше внимания лидерам, а не рядовым митингующим: $F(1, 96)=30.753, p<.001$. Включенные в выборку для контент-анализа фотографии из частных коллекций вообще не содержат ни одной фотографии лидеров и организаторов протестов. Иными словами, несмотря на ряд ограничений документальной фотографии, ее не стоит полностью исключать из анализа массовых протестов. Некоторые исследовательские вопросы попросту не могут быть должным образом рассмотрены исключительно на основе данных уличной фотографии. Журналисты имеют доступ в те места, куда рядовые участники протестов не могут попасть при всем желании. Например, российские журналисты сделали основное число фотографий сцены и непосредственно примыкающих к ней сегментов толпы (такие изображения составляют 30,4% содержания фоторепортажей СМИ по сравнению с только 2,8% содержания частных коллекций фотографий о данном событии). Журналисты также сделали большинство панорамных фотографий (5,8% изображений, включенных в фоторепортажи, по сравнению с 1,4% изображений из частных коллекций).

Что же касается третьего вопроса исследования, то действительно можно говорить о тенденции к нормализации участников протестов в России. На проспекте академика Сахарова было легко заметить и мужчин, и женщин. Гендерный дисбаланс среди участников массовых протестов сохраняется даже в Западной Европе и Северной Америке, где мужчины по-прежнему относительно преобладают во время протестных акций. Если же сравнивать с более традиционным обществом (например, в Монголии²), то гендерный дисбаланс в российском случае менее выражен.

Все четыре возрастные группы, образованные в процессе анализа, широко представлены среди участников митинга. Можно спорить о конкретных пропорциях четырех возрастных групп (так, согласно контент-анализу фотографий, преобладали лица в возрасте от 25 до 54 лет, а опрос указывает на две несколько иные группы с наиболее широким представительством: лица в возрасте от 25 до 39 лет и в возрасте от 55 лет и старше), но эти расхождения в деталях вряд ли ставят под сомнение тезис об отсутствии возрастного дисбаланса среди участников митинга 24-го декабря.

² Oleinik, Anton. Institutional exclusion as a destabilising factor: the mass unrest of July 1, 2008 in Mongolia. // Central Asian Survey, 2012 (DOI: 10.1080/02634937.2012.671994).

Тот факт, что среди митингующих представлены все сегменты идеологического спектра – либеральный, коммунистический, националистический и даже анархистский – служит дополнительным подтверждением гипотезы о нормализации протестующего населения. В отличие от мобилизации начала 90-х годов прошлого столетия¹, массовые протесты декабря 2011 г. не позволяют говорить о существовании разделительных линий по идеологическому признаку. В этом смысле декабрьские протесты сходны с первой волной массовой мобилизации против советской политической системы в конце 80-х годов прошлого века. Тогда представители обоих полов, всех возрастов и социальных групп были объединены общим неприятием сложившегося политического порядка².

Полноценное обсуждение возможных теоретических объяснений тенденции к норма-

лизации участника декабрьских 2011 г. акций протеста выходит за рамки данной преимущественно методологической статьи. Однако стоит кратко упомянуть несколько возможных подходов к объяснению этого феномена. Во-первых, среди политологов вообще и исследователей массовых протестов в частности становятся все более популярными подходы, почерпнутые у экономистов-неоклассиков. Один из них касается влияния макроэкономической ситуации. Согласно данным Нового Российского Барометра (New Russian Barometer) за десятилетний период, интенсивность поддержки россиянами сложившегося в России политического режима зависит от их оценок текущей макроэкономической ситуации в стране³. Макроэкономическая ситуация оказывает влияние на представителей всех социально-экономических групп, что обуславливает ее рассмотрение в качестве

Таблица 3

«КЛЮЧЕВЫЕ ИНДИКАТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, 2008-2011»

	2008	2009	2010	2011
Общая численность населения, миллионов	142	141.9	142.9	142.9
Общая численность населения, в % к предыдущему году	99.9	99.9	100.7	100
Среднемесячная зарплата в текущих ценах, в % к предыдущему году	118.1	106.5	105.2	104.2
Прожиточный минимум, в месяц, в расчете на одного человека, в % к предыдущему году	119.4	112.2	110.4	112.9
Среднегодовые темпы инфляции, %	113.3	108.8	108.8	106.1
Валовой Национальный Продукт, в % к предыдущему году	105.2	92.2	104.3	104.3
Валовой Национальный Доход на душу населения, в долларах США по методу Атласа	9710	9290	9900	n.a.
Индекс Человеческого Развития	0.748	0.747	0.751	0.755
Индекс Восприятия Коррупции	2.1	2.2	2.1	2.4
Число подключенных терминалов сотовой связи на 100 человек населения	141	162	166	179
Число регулярных пользователей интернета на 100 человек населения	27.1	29.2	43.4	n.a.
Число зарегистрированных правонарушений, в % к предыдущему году	89.6	93.3	87.8	n.a.
Число зарегистрированных правонарушений на 100000 человек населения	22.6	21.2	18.4	n.a.

Источники: World Development Indicators by the World Bank (<http://databank.worldbank.org/ddp/home.do>); International Human Development Indicators by the United Nations Development Programme (<http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/RUS.html>); Transparency International (http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi); Федеральная Служба Государственной Статистики (<http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/>); Россия 2012: Статистический справочник, Москва: Статистика России, 2012.

Легенда: Индекс Человеческого Развития изменяется в интервале от 0 до 1; Индекс Восприятия Коррупции изменяется в интервале от 0 до 1, где 0 соответствует абсолютно коррумпированному правительству, а 10 – абсолютно прозрачному правительству.

¹ Клеман, Карин, Мирясова, Ольга и Демидов, Андрей. От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. Москва: Три квадрата, 2010, с. 90.

² Там же, с. 86.

³ Rose, Richard, Mishler, William and Munro, Neil. Russia Transformed: Developing Popular Support for a New Regime. Cambridge: Cambridge UP, 2006.

возможного объяснения тенденции к нормализации протестующего.

Ключевые индикаторы социально-экономического развития показывали позитивную динамику на протяжении четырех лет, предшествовавших массовым протестам декабря 2011 г. (таблица 3). ВВП стабильно рос (за исключением 2009 г., однако последствия глобального кризиса 2008 г. ощущались в России значительно меньше, чем в большинстве других стран). Средняя месячная заработная плата тоже возрастала. Годовые темпы инфляции при этом даже сокращались. На сегодняшний день Россия является полноценным членом группы стран со средним уровнем доходов на душу населения. Иными словами, нормализация участника протестов вряд ли связана с тревожной макроэкономической ситуацией.

Во-вторых, теории сетевого общества тоже становятся все более популярными в исследованиях массовой мобилизации. В частности, они утверждают, что «использование цифровых технологий и каналов коммуникации способствует тому, что люди с более разнообразными характеристиками становятся потенциальными участниками мобилизации»¹, что имеет прямое отношение к дискуссии о нормализации протестующего. Число регулярных пользователей интернета на 100 человек населения быстро растет в России, их особенно много в крупных городах (таблица 3). Опрос *Левада-Центра* показывает, что абсолютное большинство участников митинга 24-го декабря — 56% — узнали о нем из интернет-СМИ (газеты, доступные только в интернете, и новостные сайты). На втором месте по популярности такой источник информации, как социальные сети. Их упомянули 33% респондентов². Примечательно, что построение таблицы сопряжения для ответов на два вопроса, о получении информации о митинге из интернет-СМИ и о возрасте (при этом было образовано лишь две группы: лица в возрасте 30 лет и младше, и лица в возрасте от 31-го года и старше) не дает оснований говорить о связи этих двух переменных: $\chi^2(1, 791)=3.529, p=0.06$. Таким образом, на основе доступных данных

¹ Walgrave, Stefaan, Bennett, W. Lance, Van Laer, Jeroen and Breunig, Christian. Multiple engagements and network bridging in contentious politics: digital media use of protest participants. // *Mobilization: An International Journal*, 2011, 16 (3): 345 (выделено мной — А.О.).

² Друзья, родственники, соседи являются третьим по популярности источником информации (33%), радио — четвертым (26%). Крайне незначительная роль телевидения в информировании митингующих объяснима более сильным контролем информационного контента на ТВ со стороны российских властей.

невозможно исключить «нормализующий» эффект интернет-коммуникаций.

В-третьих, заслуживает обсуждения и гипотеза об институциональном исключении (institutional exclusion) как способствующем мобилизации разнородных социальных и экономических групп факторе. Под институциональным исключением понимается отчуждение рядовых граждан от государства, в результате чего они оказываются лишены возможности опираться на закон и предписываемые им формальные процедуры при организации своей повседневной деятельности³. Институциональное исключение не следует смешивать с другими формами исключения: политическим (неравные возможности для участия в политическом процессе, например, поражение представителей конкретных групп в политических правах), социальным (ограничения в доступе к товарам, услугам и отношениям, проистекающие из членства в той или иной социальной группе) или экономическим (ограниченный доступ к редким ресурсам ввиду установления на них прав собственности).

Примером институционального исключения может служить игнорирование требований закона (в данном случае — Правил дорожного движения) участниками дорожного движения. Вместо того чтобы ориентироваться при осуществлении маневров на дороге на официально закрепленные нормы, некоторые из участников движения предпочитают учитывать совершенно незначимые с точки зрения закона факторы. К их числу относятся марка автомобиля (своего и других участников движения), серия номерного знака (своего и других участников движения) и другие. Не случайно, что ФАР — Федерация Автовладельцев России — выступила в качестве одного из организаторов декабрьских 2011 г. акций протеста. Ее флаги было легко заметить и вблизи сцены на митинге 24-го декабря. Автовладельцы, в частности, протестовали против привилегированного статуса на дороге машин, обслуживающих высокопоставленных чиновников (у них номерные знаки особых серий) и против применения сотрудниками ГИБДД двойных стандартов. Один, более мягкий, стандарт зарезервирован для чиновников и приближенных к ним лиц (например, отдельных бизнесменов), а другой — по всей строгости закона — применяется ко всем остальным.

³ Oleinik, Anton. Institutional exclusion as a destabilising factor: the mass unrest of July 1, 2008 in Mongolia. // *Central Asian Survey*, 2012 (DOI: 10.1080/02634937.2012.671994).

Собранные данные не противоречат гипотезе институционального исключения. В отличие от экономического или политического исключения, институциональное исключение испытывают на себе представители обоих полов, люди самого разного возраста, образовательного уровня и политических предпочтений. Метафора песочных часов помогает лучше понять аргумент относительно институционального исключения как общего условия повседневной деятельности представителей самых различных социальных и экономических групп. В обществе, принимающем форму песочных часов, «узкая перемычка отделяет рядовых граждан от государства. Рядовые граждане лишены возможности как-то повлиять на государство, а государство способно вмешиваться в их повседневную жизнь весьма ограниченным образом»¹. Каждый обитатель «нижней полусферы» — бизнесмены без привилегированных контактов с чиновниками, офисные работники, студенты, пенсионеры — находят больше общего с другими ее обитателями, чем с теми, кто живет и действует в «верхней полусфере». Трения между представителями двух полусфер возникают при любой вынужденной встрече: на дороге или во время выборов (ср. аргумент о нарушениях при подсчете голосов как «фокальная точка» для коллективных действий всех тех, кто нетерпим по отношению к коррупционным практикам²).

Выводы. В статье обсуждаются преимущества и недостатки использования относительно нового источника информации о массовых протестах, а именно банков визуальных документов, созданных как профессиональными журналистами, так и самими участниками акций протеста. Сделанные участниками протестов фотографии относятся к жанру уличной фотографии. По сравнению со сделанными профессиональными журналистами документальными фотографиями, уличные фото точнее передают запечатлеваемую на них картину. Выражаясь более техническим языком, внутрен-

няя достоверность уличной фотографии выше, чем внутренняя достоверность документальной фотографии.

Современные технологии позволяют фиксировать происходящие события, в том числе массовые протесты, с наименьшими затратами ресурсов и времени. Компактные фотоаппараты и сотовые телефоны с встроенными камерами вместе с нами повсюду, что объясняет их ценность в качестве носителей внешней и расширенной памяти. Интернет облегчает задачу сохранения и обмена фотодокументами, созданными сотнями и тысячами участников одной и той же протестной акции. По состоянию на апрель 2012 г. поиск по ключевой фразе «митинг 24 декабря 2011» с помощью *Google Картинки* дает ссылки примерно на 12 тысяч изображений. На *Flickr.com* хранится более 26 тысяч изображений с тэгом «Тахрир» (название площади, на которой происходили основные события «Арабской весны» в Египте)³. Эти данные легко доступны исследователям, изучающим массовые протесты, и ждут своего часа.

В контент-анализе визуальных документов можно использовать такие стандартные переменные, как возраст, пол, а иногда и политические предпочтения (их операционализируют с помощью флагов, транспарантов и других политически значимых символов). Точное определение пола участников акций протеста редко представляет трудности. Корректное определение их возраста более затруднено. Участие в кодировке не одного, а нескольких представляющих разные возрастные группы исследователей способствует увеличению степени внутренней достоверности при кодировании переменной «Возраст». Использование методов триангуляции имеет тот же эффект, причем не только в отношении возраста участников массовой мобилизации. Степень внешней достоверности может быть увеличена посредством работы со случайными выборками изображений. Существование в интернете обширных фотобанков, подобных *Flickr*, делает задачу построения случайной выборки технически решаемой.

¹ Rose, Richard, Mishler, William & Haerpfer, Christian. Getting Real: Social Capital in Post-Communist Societies. // *Studies in Public Policy*, 1997, 278. p. 9

² Высокий уровень коррупции продолжает оставаться константой в постсоветской истории России (таблица 3). Коррупцию можно интерпретировать как одно из проявлений институционального исключения. Обитатели «нижней полусферы» не понимают происходящих в «верхней полусфере» процессов и воспринимают их как «непрозрачные» и оторванные от своих повседневных нужд. См.: *Bessinger, Mark R. Op. cit.*, p. 36.

³ См.: <http://www.flickr.com/photos/tags/tahrir/>.

Приложение

Таблица
«КНИГА КОДОВ ДЛЯ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА ВИЗУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ О ДЕМОНСТРАЦИИ 24-ГО ДЕКАБРЯ»

Категория	Код	Описание	Частота	% Кодов	Случаев	% Случаев
Возраст	24 и моложе	Участники демонстрации в возрасте 24 лет и моложе	528	6.0	192	50.3
	25-39	Участники демонстрации в возрасте 25-39 лет	742	8.5	248	64.9
	40-54	Участники демонстрации в возрасте 40-54 лет	695	7.9	256	67.0
	55 и старше	Участники демонстрации в возрасте 55 и старше	164	1.9	101	26.4
Символы	Анархисты	Флаги, транспаранты с анархистскими символами	83	0.9	30	7.9
	Карнавал	Элементы карнавала (маски, костюмы и т.д.)	27	0.3	23	6.0
	Чуров/ЦИК	Изображения В. Чурова (председатель ЦИК), упоминания его имени	28	0.3	28	7.3
	Коммунисты	Флаги, транспаранты с коммунистическими символами	494	5.6	100	26.2
	Медведев	Изображения Д. Медведева, упоминания его имени	25	0.3	24	6.3
	Националисты	Флаги, транспаранты с националистическими символами	386	4.4	83	21.7
	Либеральные незарегистрированные партии	Флаги, транспаранты с символами либеральных незарегистрированных партий (Парнас, Солидарность и т.д.)	701	8.0	130	34.0
	Путин	Изображения В. Путина, упоминания его имени	124	1.4	105	27.5
	Белые ленточки	Белые ленточки как символы протеста	271	3.1	134	35.1
	Яблоко	Флаги, транспаранты с символами партии «Яблоко»	59	0.7	32	8.4
	ЕдРо	Упоминания «Единой России»	17	0.2	15	3.9
Пол	Женщины	Женщины	974	11.1	282	73.8
	Мужчины	Мужчины	3055	34.9	360	94.2
Особые категории	Журналисты	Журналисты при исполнении обязанностей (с видеокамерами, микрофонами, специальными значками)	112	1.3	37	9.7
	Лидеры	Политические лидеры, организаторы митинга	96	1.1	42	11.0
	Полиция	Люди в форме при исполнении обязанностей	183	2.1	33	8.6
Всего			8764		382	

Сергей МИЦЕК

Российский гражданин сквозь призму экономических показателей

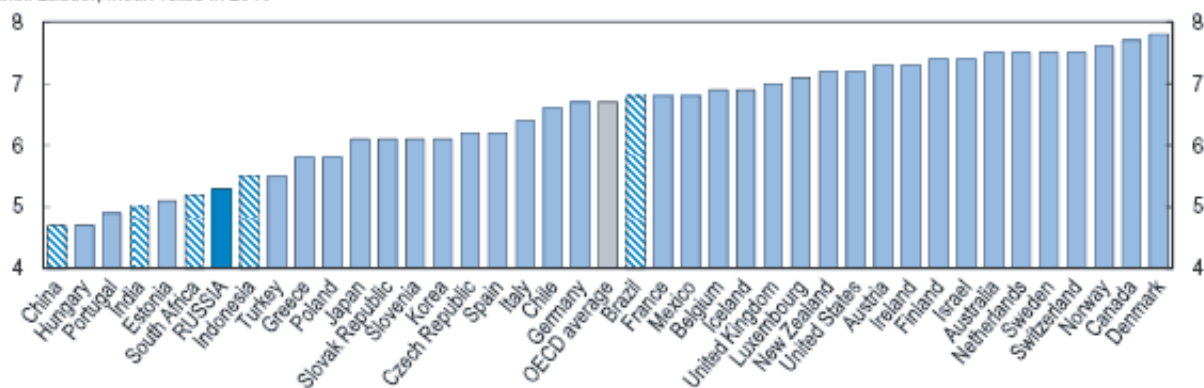
Согласно традициям, сложившимся за последние двести лет, экономический анализ имеет дело преимущественно с цифрами, отражающими производство и затраты, цены и доходы. Тем не менее, уже ко второй половине прошлого века экономисты поняли, что благополучие человека нельзя оценивать лишь показателями его материального богатства. И тогда в экономическую науку было введено понятие «качество жизни», включающее не только материальные блага, но и состояние окружающей среды, здоровья, социальные индикаторы и психологическую обстановку в обществе. Поэтому мы начнем статью с несколько неожиданных для экономиста критериев, а именно индикаторов **счастья**.

Насколько счастлив российский человек? Воспользуемся оценкой экспертов из Органи-

Рисунок 1

A. Life satisfaction

Cantril Ladder, mean value in 2010¹

зации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которые рассчитали индекс удовлетворенности жизнью, т.н. «лестницу Кантриля». Она дана на рис. 1. Представленные здесь результаты отражают ответы граждан, которым предлагают в опросе выбрать балл, соответствующий степени их удовлетворенности жизнью от 0 (самый худший) до 10 (самый лучший). Затем эти результаты усредняют, и получается средний балл по стране¹.

¹ Подробное описание данной методики читатель может найти в работе ОЭСР: OECD. How's Life? Measuring Well-being, 2011, с.268-270, на сайте <http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/>

Как видим, граждане России имеют на этой шкале средний балл 5.4, что ниже среднего уровня счастья стран ОЭСР². Самые несчастные, судя по таблице, — китайцы, у них балл равен 4.7, а самые счастливые — датчане, их ранг равен почти 8. У американцев он чуть меньше, чем у датчан, но они все же в верхней трети таблицы.

Поставим себе задачу определить, какие экономические показатели влияют на подобную самооценку граждан России и, возможно, предложить рекомендации того, как ее повысить.

Начнем с традиционных оценок материального благосостояния. Оно, как известно, характеризуется в первую очередь валовым внутренним продуктом на душу населения. Согласно статистике Всемирного Банка³, российский гражданин сегодня почти вдвое богаче

economics/how-s-life_9789264121164-en. Обзор по России см: OECD Economic Surveys. Russian Federation. December 2011, p.28. Ранг более 7 считается «процветанием»: такие респонденты имеют стабильный уровень благосостояния, хорошее здоровье, реже подвержены стрессам, беспокойству и плохому настроению, часто ощущают себя счастливыми. Ранг ниже 4 расценивается как страдание, характеристики данных респондентов прямо противоположны процветающим гражданам. Положение между ними считается «борьбой за лучшее будущее». Такие респонденты борются за то, чтобы улучшить свое положение сегодня или в будущем, они хуже питаются и чаще болеют и подвержены стрессам, чем процветающие граждане, но стремятся изменить свое положение. Обследование проводилось только среди граждан стран ОЭСР и БРИКС, данные получены путем опросов.

² Он равен примерно 6.8 для стран ОЭСР.

³ World Bank Data: <http://data.worldbank.org/indicator>

среднестатистического гражданина мира, имея в 2010 г. 19190 долларов годового дохода по паритету покупательной способности. И последние восемь лет разрыв в доходах увеличивался в пользу граждан России.

В то же время, согласно тем же источникам, по уровню дохода мы отстаем как от самых счастливых датчан, так и почти самых счастливых американцев примерно в два раза, одновременно обгоняя в два с половиной раза несчастливых китайцев. Подобные расчеты показывают, что, по крайней мере, в первом приближении ощущение счастья все же сильно связано с уровнем материального благосостояния.

Русский человек страдает не только оттого, что его доход ниже, чем у граждан развитых стран, но и от более резкого неравенства в доходах. Коэффициент Джини в России в 2009 г. составил 0.42, и он постоянно растет. Его величина, равная 0.42, считается довольно большой, в странах ОЭСР в среднем он равен 0.31¹. Но в Китае, странах Африки и Латинской Америки он выше, чем в России, варьируя в пределах 0.40–0.60², то есть там степень неравенства еще больше.

Рост неравенства доходов на первых стадиях индустриализации в рыночных экономиках — явление типичное для мирового развития. Как показывают исторические данные, в Англии с 1820 по 1870 год коэффициент Джини рос быстрыми темпами, увеличившись с 0.43 до 0.63. Затем, в период 1870–1915 гг. имело место столь же быстрое его падение до величины 0.34 в конце указанного периода³.

В нынешнее время, в XXI веке, тенденции таковы, что неравенство растет в англосаксонских странах и Японии, но снижается в континентальной Европе. Причины роста неравенства, по мнению экспертов, заключаются, во-первых, в техническом прогрессе, который усиливает спрос на квалифицированную рабочую силу. Во-вторых, неравенство усиливается в странах с либеральной налоговой политикой в отношении личных доходов⁴.

¹ Из стран ОЭСР только в Чили и Мексике коэффициент Джини выше, чем в России. По оценкам некоторых экспертов, истинный коэффициент Джини для России равен 0.60. В Москве коэффициент Джини по зарплате был равен 0.56 в 2006, варьируя по регионам от 0.32 до 0.46. См.: OECD Economic Surveys. Russian Federation. December 2011, p.27.

² Комиссия Спенса. Доклад о росте. Стратегия устойчивого роста и инклюзивного развития. М., Весь Мир, 2009, с.127.

³ Galor O. From stagnation to growth: unified growth theory// Handbook of economic growth, F. Agion and S. N. Durlauf, North Holland, eds. Elsevier, 2005, ch.4; Williamson J. G. Did British capitalism breed inequality?, Boston, Allen & Unwin, 1985.

⁴ Подробнее об этом см.: Business Week, 2012, March 12.

Неравенство доходов граждан России отчасти определяется местом их проживания. Так, самый высокий уровень доходов на душу населения в Москве, далее идут регионы, добывающие полезные ископаемые (Тюменская область, Северо-Западный и Дальневосточные округа). Ниже их, но выше среднего уровня доходы в регионах с высоким уровнем технического развития (Свердловская и Самарская области).

Как российский гражданин распоряжается своими доходами? Во-первых, вопреки распространенным представлениям, он довольно бережлив. Норма накопления в России выше, чем в среднем в мире (27% к 19%)⁵. Возможно, дело не столько в прижимистости, сколько в неуверенности — и в завтрашнем дне, и в эффективности и справедливости имеющихся систем социальной поддержки. Характерно, что китаец сберегает еще больше, чем гражданин России, более 50% дохода, и именно потому, что системы социальной защиты там слабее. В то же время датчане и американцы, уверенные в поддержке своего государства, сберегают меньше (21% и 10% дохода, соответственно)⁶.

Приведенные выше макроэкономические показатели нормы накопления отражают накопления трех субъектов, а именно домашних хозяйств, фирм и государства (а также некоммерческих организаций). Если же мы рассмотрим накопления только домашних хозяйств, то увидим, что и этот показатель в России выше, чем в развитых странах. Для России норма накоплений домашних хозяйств равна 12% от располагаемого дохода, тогда как в Европе 5–6%, в США — менее 2%⁷.

Далее, как показывают статистические обследования, российский гражданин тратит все меньшую долю своих доходов на питание и одежду, и все больше — на приобретение транспортных средств, средств связи, лечение, проведение досуга и общественное питание⁸. Иными словами, структура его расходов медленно, но неуклонно приближается к типу потребительского поведения, свойственному гражданам

⁵ Эта величина определяется так: валовой национальный доход минус совокупное потребление плюс чистые трансферты. Источник: World Bank Data: <http://data.worldbank.org/indicator>

⁶ Там же.

⁷ Данные ОЭСР с сайта: www.oecd.org/statistics.

⁸ В 2003 году среднестатистический российский гражданин тратил на питание 38% всех своих расходов, а в 2010 — 30%. Для одежды эти цифры 13% и 11%, соответственно. На покупку и эксплуатацию транспортных средств он тратил 6% и 12%, на лечение 2% и 3%, на средства связи 2% и 4%, на проведение досуга 6% и 7%. См.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), официальный сайт: www.gks.ru

развитых стран. Сегодня на 1000 жителей России приходится более 200 пассажирских автомобилей, это лишь в 1.5 раза меньше, чем у датчан, но почти в 10 раз больше, чем у китайцев. Кроме того, наш человек очень любит сотовые телефоны. Число зарегистрированных сотовых телефонов на 100 жителей в России более чем в два раза превышает среднемировой показатель, и оно больше, чем у американцев и датчан¹.

Но вернемся к уровню дохода: за счет чего российский человек добился его повышения? Причина в том, что стал лучше работать. Производительность труда российского работника выросла в 1.5 раза за период с 2002 по 2008 годы, и росла быстрее, чем в мире в среднем². То, что жизненный уровень зависит в первую очередь от производительности труда, подтверждают и данные по регионам России: коэффициент ранговой корреляции Спирмена между производительностью труда и жизненным уровнем там составляет 0.89 (при полном совпадении он был бы равен единице). Тем не менее, производительность труда российского работника пока по-прежнему в 2.5-3 раза ниже, чем у его собрата из развитых стран³.

Производительность труда зависит, как известно, в основном от трех параметров: наличия природных ресурсов, капиталовооруженности труда и технологического уровня производства. Первых у нас по-прежнему много — по обилию сельскохозяйственных земель и полезных ископаемых Россия, как и ранее, занимает одно из первых мест в мире. Но она отстает по наличию капиталов и развитости технологий.

Росту производительности труда в России способствовало, во-первых, повышение инвестиций в основной капитал в 2.2 раза в реальном исчислении за указанный период (2002-2008). Валовое накопление основного капитала по отношению к ВВП за этот же период выросло с 15% до 22%. Другим фактором, повысившим производительность труда, стало увеличение совокупного спроса в экономике России примерно в 1.5 раза в реальном исчислении в указанный период. Это позволило увеличить загрузку мощностей в экономике России (в промышленности этот показатель вырос с примерно 46% до 60% в среднем за указанный период), что явилось еще одним фактором повышения производительности труда⁴.

¹ Источник: World Bank Data: <http://data.worldbank.org/indicator>

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), официальный сайт: www.gks.ru, расчеты автора.

Есть, однако, еще один важный показатель, от которого зависит благосостояние, а именно трудовая активность граждан.

Российские мужчины не так активны, как их зарубежные коллеги, их коэффициент трудового участия примерно на 12% ниже среднего в мире⁵. Российские женщины демонстрируют более высокую активность, чем это имеет место в мире в среднем (примерно на 10%)⁶, но эти средние данные по миру сложились, скорее всего, за счет мусульманских стран, так как у американок, датчанок и китайнок коэффициент участия выше, чем у российских женщин.

Далее, как показывают индикаторы, российский гражданин довольно законопослушен, по крайней мере, в сфере экономики. Так, доля теневой экономики в России оценивается не выше, чем в среднем по ОЭСР, и ниже, чем в таких странах-членах ОЭСР, как Греция, Мексика и Турция⁷. Российский гражданин платит налоги не меньше, чем средний гражданин мира (примерно 13% ВВП), и хотя меньше датчанина, но больше американца и китайца⁸.

Где живет и чем занимается русский человек? Сегодня он все более являет собой горожанина. В городах живет 73% граждан России, в том числе 18% — в городских агломерациях с населением свыше 1 млн. чел⁹. Россиянин в четыре раза чаще, чем граждане развитых стран, оказывается сельским тружеником, в полтора раза чаще работником промышленности. И все же основное его поприще сегодня — это сфера услуг (там работает более 50% занятых мужчин и более 70% занятых женщин)¹⁰, хотя здесь мы еще сильно отличаемся от развитых стран. И это значит, что в структуре занятости мы также постепенно следуем мировым закономерностям.

Выше мы говорили о законопослушности российского гражданина и о его высокой активности в финансировании своего государства. А как государство относится к нему? Нельзя сказать, что оно отвечает ему полной взаимно-

⁵ Источник: World Bank Data: <http://data.worldbank.org/indicator>. Коэффициент трудового участия определяется как % мужчин (или женщин, соответственно) старше 15 лет, предлагающих свои трудовые услуги.

⁶ Там же.

⁷ OECD Economic Surveys. Russian Federation. December 2011, p. 36. Здесь оцениваются доля работников без формального контракта и уклонение от налогов. Оценка ООН за 2008 дает долю теневой экономики в России в 24%, что выше средней цифры по ОЭСР. См. там же.

⁸ Источник: World Bank Data: <http://data.worldbank.org/indicator> Эта цифра исключает большую часть социальных взносов, штрафы и пени в пользу государства.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

стью, так как тратит на него долю своих доходов несколько меньшую, чем в среднем в мире. Только в 2009, кризисном году эти цифры сравнялись, составив примерно 31% ВВП. Датское королевство тратит на своих граждан гораздо больше, чем Российская федерация (более 40%), США – примерно столько же, Китайская народная республика – много меньше (чуть более 10% ВВП)¹.

Одним из важнейших показателей качества жизни современного человека является среда его обитания. А вот тут условия для наших людей весьма далеки от желаемых. В борьбе за рост материального благосостояния мы пренебрегаем затратами на экологию: как доля ВВП они постоянно снижаются и сегодня в два раза ниже, чем в развитых странах². В результате такой индикатор, как выбросы углеродов на душу населения, в России в 2,5 раза выше, чем в мире в среднем, и этот показатель растет³.

Следующая таблица показывает десять самых неблагоприятных с экологической точки зрения городов России.

Самая тяжелая экологическая обстановка, как мы видим, сложилась в Норильске. Построенный в 1950-е годы, он является вторым крупнейшим в мире после Мурманска городом

Таблица 1.
Десять городов с наивысшим уровнем выбросов в атмосферу на душу населения от стационарных источников, 2009 год⁴

Город	Численность населения, тыс.	Основное производство	Выбросы на душу, кг
Норильск	202	Добыча и производство никеля, меди и кобальта, добыча драгоценных металлов	9692,4
Нарьян-Мар	20	Нефть	4525,8
Междуреченск	104	Уголь	1317,8
Череповец	310	Черная металлургия, химия	981,5
Новотроицк	101	Черная металлургия	839,5
Ангарск	241	Химия, нефтепереработка	765,6
Ленинск-Кузнецкий	105	Уголь	744,0
Орск	240	Цветная металлургия, машиностроение, нефтехимия	602,5
Липецк	502	Черная металлургия, машиностроение	588,6
Магнитогорск	410	Черная металлургия	587,2

дом за полярным кругом и крупнейшим в России производителем меди, никеля и кобальта. Но продолжительность жизни в Норильске на

¹ Источник: World Bank Data: <http://data.worldbank.org/indicator>

² Затраты на охрану окружающей среды в России снизились с 1.3% ВВП в 2003 до 0.8% ВВП в 2010. В развитых странах, и в первую очередь в Дании они в два раза больше – 1.6% ВВП. См.: Pollution abatement control and expenditure: www.oecd.org/statistics.

³ Источник: World Bank Data: <http://data.worldbank.org/indicator>

⁴ Источник: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), официальный сайт: www.gks.ru

10 лет меньше, чем в среднем по России, а онкологические заболевания встречаются там в два раза чаще. В городе имеет место массовое заболевание жителей болезнями органов дыхания, крови, сердечно-сосудистыми заболеваниями, расстройством психики⁵.

Согласно статистическим данным о заболеваемости в России, теми или иными болезнями страдают почти 80% населения нашей страны. Почти 42% всех болезней, которые наблюдаются у наших граждан, это болезни органов дыхания,⁶ что, скорее всего, напрямую связано с экологией. Заболеваемость туберкулезом в России ниже, чем в среднем в мире (105 случаев на 100 тыс. населения против 130), но в 20 раз выше, чем в США и Дании, на 36% выше, чем в Китае⁷!

Важным фактором роста заболеваемости российского человека, по мнению экспертов ОЭСР, являются высокий уровень потребления алкоголя и табака. Возможным направлением снижения их потребления может служить увеличение их налогообложения. Налоги на табак в России самые низкие в Европе, налоги на алкоголь, особенно пиво и вино, в России также относительно низки. Акциз на табак в России составляет примерно 17% от цены пачки наи-

⁵ См. ru.wikipedia.org/wiki/Норильск. Сайт ссылается на данные общественной организации «Красноярский краевой экологический союз». Согласно данным Blacksmith Institute 5 из 30 наиболее загрязненных (воздух) мест в мире находятся в России, и среди них Норильск и Магнитогорск. Загрязненность воздуха является причиной 17% заболеваемости детей и 10% взрослых. Среди стран ОЭСР Россия на втором месте по заболеваемости, связанной с загрязнением воздуха, хуже нее только Турция. См.: OECD Economic Surveys. Russian Federation. December 2011, p.133.

⁶ Источник: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), официальный сайт: www.gks.ru, расчеты автора.

⁷ Источник: World Bank Data: <http://data.worldbank.org/indicator>

более распространенных марок сигарет, а все налоги примерно 37% от цены. В большинстве стран ОЭСР акцизы на табак составляют примерно 50% от цены, а все налоги — 70-80% от цены¹.

В свете этих данных совершенно неприемлемым можно считать то, что, несмотря на рост заболеваемости, российские граждане не очень склонны тратить деньги на здравоохранение. В России на эти цели тратится почти в два раза меньше на душу населения, чем в мире в среднем (около 500 долларов против почти 900 долларов по текущему курсу), и в 15 раз меньше, чем в США и Дании²! Мы не просто тратим меньше на медицину вследствие бедности, но и откровенно пренебрегаем здравоохранением. Так, Россия направляет на здравоохранение лишь 5.5% своего ВВП, тогда как мир в среднем 10%, США 16%, Дания 11%³.

Низкие затраты на здравоохранение и плохая экология приводят (среди прочих причин) к низкой рождаемости и высокой смертности. Но все же первая постепенно растет, а смертность — снижается. Сейчас пока сложно делать выводы, что привело к росту рождаемости в последние годы, более точный показатель — число детей на 1 женщину в фертильном возрасте, а оно улучшается медленно и по-прежнему ниже, чем необходимо хотя бы для простого воспроизводства населения (т.е. сохранения его постоянной численности)⁴.

Взглянем теперь на показатели смертности, они особенно трагичны. Коэффициент смертности в России на 75% выше, чем в среднем в мире, на 50% выше, чем в Дании, на 75% выше, чем в США, в два раза выше, чем в Китае⁵.

Мы попытались разобраться в факторах, влияющих на рождаемость и смертность граждан России, используя региональные данные за 2009 год⁶. По этим данным (всего 80 точек наблюдения) были оценены регрессии зависимости числа родившихся и числа умерших в регионах России от различных факторов. Результаты расчетов приведены ниже.

¹ OECD Economic Surveys. Russian Federation. December 2011, p. 38.

² Источник: World Bank Data: <http://data.worldbank.org/indicator>

³ Там же.

⁴ Число детей, необходимое для простого воспроизводства населения, должно быть равно 2.1 на 1 женщину, в России же оно равно лишь 1.6. Из-за низкой рождаемости сегодня почти 12.5 млн. резидентов России, т.е. почти 9% всего населения — это лица, родившиеся за рубежом. Впрочем, в странах ОЭСР картина сходная, см.: OECD Economic Surveys. Russian Federation. December 2011, p. 30.

⁵ Источник: World Bank Data: <http://data.worldbank.org/indicator>

⁶ Источник: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), официальный сайт: www.gks.ru.

$$\begin{aligned} \text{BIRTH} = & 1594.5\text{DSIB} + 5284.5\text{DSP} + 1519.7\text{DU} - \\ & (5.57) \quad (5.83) \quad (3.14) \\ & - 9.4\text{N} + 23024.4\text{OTHER} + 0.0027\text{Q} + 0.204\text{OLD} + \\ & (-4.64) \quad (2.94) \quad (9.24) \quad (4.36) \\ & + 1.034\text{YOUNG} - 389.1 \\ & (17.22) \quad (-2.31) \\ R^2 = & 0.998 \\ F = & 4998.8 \\ DW = & 2.060 \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \text{DEATH} = & - 56612.2\text{DM} + 1089.8\text{DSIB} - 1431.7\text{DSO} \\ & (-14.68) \quad (2.13) \quad (-2.01) \\ & - 10620.8\text{DSP} - 1986.2\text{DU} - 85368.1\text{FOOD} - 3.99\text{N} \\ & (-6.22) \quad (-2.04) \quad (-3.33) \quad (-4.79) \\ & + 45241\text{OTHER} + 0.0011\text{E} + 0.767\text{OLD} + \\ & (2.68) \quad (2.33) \quad (22.55) \\ & + 0.117\text{VODKA} + 1220.4 \\ & (3.61) \quad (4.14) \\ R^2 = & 0.996 \\ F = & 1510.5 \\ DW = & 2.270 \end{aligned}$$

Обозначения:

BIRTH — число родившихся в регионе, тыс. чел.

DEATH — число умерших в регионе, тыс. чел.

N — численность населения региона, тыс. чел.

Q — объем валового регионального продукта, млн. руб.

OLD — численность населения старше трудоспособного возраста в регионе, тыс. чел.

YOUNG — население моложе трудоспособного возраста в регионе, тыс. чел.

VODKA — продажа водки в регионе, тыс. литров;

E — выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, тыс. кг;

FOOD — доля пищевой промышленности в совокупном объеме промышленной продукции региона;

OTHER — доля прочих производств в совокупном объеме промышленной продукции региона; к «прочим производствам» согласно ОКВЭД относится производства мебели, переработка металлолома и некоторые другие виды производств;

Переменные, начинающиеся на букву D, представляют собой фиктивные переменные для федеральных округов и городов федерального значения. Эти переменные имеют значение 1 для регионов, входящих в данный федеральный округ, и 0 для всех прочих регионов. Соответственно:

DM – фиктивная переменная для Москвы;
 DSP – фиктивная переменная для Санкт-Петербурга;

DSO – фиктивная переменная для Южного федерального округа (без Северного Кавказа);

DU – фиктивная переменная для Уральского федерального округа;

DSIB – фиктивная переменная для Сибирского федерального округа;

R^2 – коэффициент детерминации;

F – статистика Фишера;

DW – коэффициент Дарбина-Уотсона.

В скобках даны t – статистики Стьюдента.

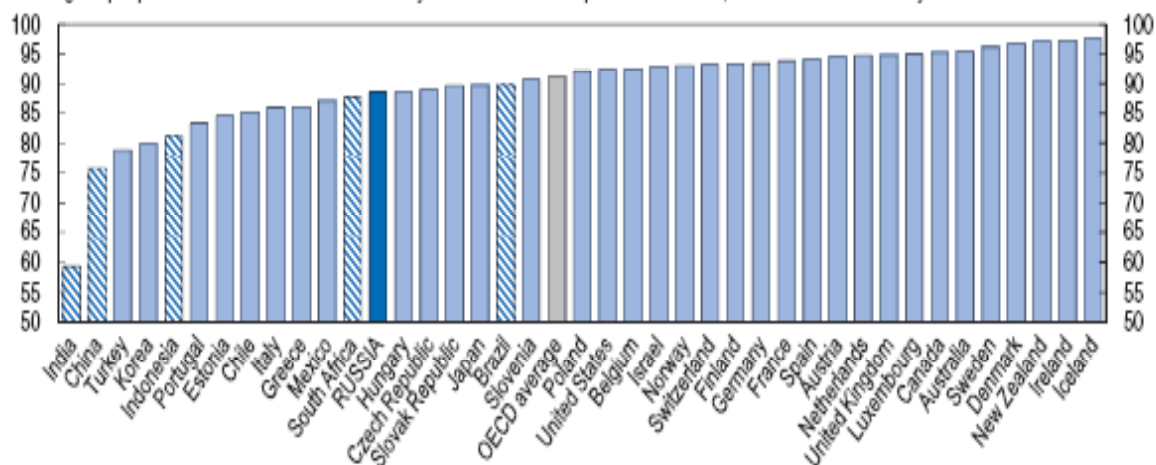
Оцененные регрессии показали, что рождаемость положительно зависит от доли лиц в молодом возрасте (что естественно), а также, что интересно, от доли лиц старше трудоспособного возраста, т.е., надо полагать, от количества бабушек. Также она позитивно зависит от благосостояния (валового регионального продукта на душу населения). Смертность же положительно зависит от доли лиц старших возрастов (что естественно), но также от потребления водки на душу населения. Интересно, что смертность отрицательно зависит от производства продуктов питания на душу населения (иными словами, улучшение питания снижает смертность).

Рисунок 2

УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ: ОЖИДАЕМАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ ПОМОЩИ СО СТОРОНЫ ДРУЗЕЙ И РОДСТВЕННИКОВ В СЛУЧАЕ НЕОБХОДИМОСТИ¹

B. Social network support

Percentage of people who have relatives or friends they can count on for help in times of need, 2010 or latest available year²

Итак, российский человек часто болеет, стареет и не так долго живет. Что еще можно

¹ Источник: OECD Economic Surveys. Russian Federation. December 2011, p. 28.

сказать о его социальном самочувствии в свете экономических показателей?

Российский гражданин активно стремится делать карьеру и познавать мир. Число выпускников школ, поступающих в вузы в России существенно выше, чем в среднем в мире. И это не удивительно: как показывает опыт развитых стран, новые технологии создают спрос на высококвалифицированных работников, и наши люди это хорошо осознают. Но при всем этом платить за свое обучение российский гражданин не особо хочет. Мир (включая бедные страны Африки и Азии) тратит на обучение 4.4% ВВП, а мы лишь 4.1% ВВП; американцы – 5.5% ВВП, датчане – 7.8% ВВП².

Возможно, поэтому российские школьники довольно сильно отстают по тестам PISA по математике и чтению, особенно мальчики. Кроме того, взрослые не особо стремятся повышать квалификацию (что важно при быстрых технологических изменениях): непрерывным образованием в России охвачено лишь 25% работников, а в ОЭСР – более 40%³.

Российский гражданин активно стремится к коммуникациям и познанию окружающего мира. Число пользователей Интернета на 100 жителей в России больше, чем в мире в целом, и хотя пока в два раза меньше, чем в Дании и США, но оно быстро растет⁴.

² Источник: World Bank Data: <http://data.worldbank.org/indicator>

³ См.: OECD Economic Surveys. Russian Federation. December 2011, p. 33.

⁴ Источник: World Bank Data: <http://data.worldbank.org/indicator>

Такая общительность и тяга к контактам дает нашим людям уверенность в предполагаемой поддержке друзей и родственников, см. рис. 2.

Данный результат получается путем опроса граждан, которым предлагалось ответить на вопрос, рассчитывают ли они в случае беды на помощь друзей и родственников. Результат затем усредняется и получается средняя частота ответа по стране¹.

Китайцы, как мы видим на рисунке, в родственниках и друзьях уверены меньше, чем мы, хотя американцы и датчане больше, чем мы. И совсем не хотят полагаться на родственников и друзей индийцы.

Итак, экономические измерители показывают, что российский гражданин становится все более зажиточным, образованным, знающим и коммуникабельным. Он все больше концентрируется в больших городах, лучше знает мир, чем это было ранее. Структура его потребле-

ния неуклонно движется в сторону стандартов, свойственных гражданам развитых стран. При этом граждане России проявляют некоторую легкомысленность в том, что касается расходов на экологию, лечение и обучение.

Увеличение расходов на эти цели позволит улучшить демографические показатели, в первую очередь — снизить смертность, и, что весьма важно, усилить человеческий капитал, которым располагает Россия. В этом свете нам представляется весьма важным переход от узко прагматического подхода к овладению широкими знаниями. Без этого мы рискуем остаться в рамках существующей ментальности, создать себе идола из институтов и способов решения проблем, которые были пригодны в прошлом, но, весьма вероятно, не могут быть использованы в будущем. Накопленный же человеческий капитал будет, в свою очередь, способствовать усилению экономического роста и повышению качества жизни в России².

¹ Подробности данной методики читатель может найти в работе ОЭСР: OECD. How's Life? Measuring Well-being, 2011, с.170-172, на сайте http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/economics/how-s-life_9789264121164-en

² Обзор исследований последних трех десятилетий, посвященных влиянию человеческого капитала на экономический рост, читатель найдет, например, в работе: Galor O. From stagnation to growth: unified growth theory / Handbook of economic growth, F. Agion and S. N. Durlauf, eds. Elsevier, North Holland, 2005, ch. 4.

Ольга КАРАЕВА

«Противоречивые инновации»: восприятие технологий генной инженерии в современном обществе

На протяжении последних двух десятилетий в области биотехнологий было совершено значительное число научных открытий. В настоящее время стали возможными клонирование, использование стволовых клеток и генетической информации при лечении различных заболеваний, создание генетически модифицированных продуктов, биотоплива и многие другие научные разработки. Среди основных областей применения таких инноваций является фармакология, медицина, сельское хозяйство и промышленный сектор. Широкое внедрение биотехнологий затрагивает крайне важные сферы жизнедеятельности человека, которые определяют здоровье и благополучие граждан. В связи с этим восприятие населением новых разработок в области биотехнологий является весомой составляющей на пути к «зелёной» и инновационной экономике. Но все ли инновации так одинаково полезны и нужны?

Одной из таких противоречивых инноваций представляется генная инженерия. Зародившись в 70-х годах прошлого столетия, эта сфера научного знания позволила создавать продукты, исходное строение которых может быть улучшено за счет внедрения генов любых других организмов. Так, картофель с геном токсина бактерии *Bacillus turingiensis* становится ядовитым для колорадского жука, томат с геном антарктической рыбы делается более стойким к низким температурам и т.д. Такие инновационные технологии являются крайне привлекательными для производителей, поскольку позволяют снижать производственные издержки. Противоречивость данных инноваций заключается в том, что на настоящий момент врачи не могут вынести окончательный вердикт относительно безопасности потребления продуктов, произведенных подобным путем. Иными словами, в ситуации с ГМО имеет место неопределенность последствий от использования данных технологий. Как и все научные открытия,

область технологий генной инженерии должна быть легитимизована общественным сознанием. Как показывают опросы общественного мнения, одни и те же продукты, созданные генетически модифицированным путем, встречают крайне противоположную реакцию среди жителей разных стран — от негативно настроенных европейцев до менее критичных американцев. В связи с этим, в данной работе предполагается обрисовать общую картину, связанную с восприятием генетических технологий в России, а также попытаемся объяснить наблюдающиеся различия в отношении к ГМО в странах Европы, США и России.

Современные технологии и «общество риска». Проблематика развития новых технологий достаточно широко затрагивается как в социологическом, так и философском ключе. Специалистами в области социологии науки отмечается качественные различия в научных исследованиях, развитии технологических знаний и инноваций современного периода и тех научных традиций, которые имели место до начала 1970-х гг.

Классический период научного знания характеризуется высоким уровнем доверия к науке, который достигался путем институционального закрепления науки как области, основанной на нормах универсальности, коллективизма, бескорыстности и организованного скептицизма ученых¹.

Отличительной же чертой современных научных исследований являются тенденции коммодификации и приватизации науки², которые размывают истинную ценность научных разработок и вызывают подрыв доверия к ним. Наука

¹ Merton R. K. The Ethos of Science. // On Social Structure and Science, ed. Piotr Sztompka. Chicago: University of Chicago Press, 1996, p. 267–276.

² Sztompka P. Trust in Science: Robert K. Merton's Inspirations // Journal of Classical Sociology 2007,7, p. 211.

перестает быть независимой, что дискредитирует механизмы признания передового знания широкими слоями общественности.

Научно-технический прогресс стал основой для формирования «общества риска», сместив акцент в восприятии самих технологий от стремления к «обогащению» и оценке экономических преимуществ к логике калькуляции рисков, которые могут принести уже используемые или потенциальные технологии в ближайшем будущем¹. Такие риски «модернизации» существенно отличаются от проблем предыдущих столетий, поскольку имея необратимую, разрушительную силу, при этом остаются «невидимыми», т.к. проявляются только в знании (научном или антинаучном), уменьшение или расширение которого зависит от научного сообщества.

В ситуации с генетически модифицированными продуктами экспертное поле в определении безопасности таких продуктов делят специалисты в области генетики и медицины. Тем не менее, данного рода эксперты склонны занимать две противоположные позиции (от полного одобрения до серьёзных опасений) в отношении технологий геной инженерии. Достижение консенсуса в данной ситуации затруднено тем, что вынесение каких-либо окончательных вердиктов относительно безопасности ГМО может быть получено лишь после изучения показателей здоровья нескольких поколений людей. Таким образом, технологии уже существуют, тогда как их возможный вред может быть доказан (или опровергнут) лишь в среднесрочной перспективе. Перед потребителем возникает ситуация неопределенности, в которой именно он несет гипотетические риски от употребления подобной продукции.

Научные исследования современного этапа ставят перед обществом крайне дискуссионный вопрос относительно того, как принимать решения на основе научных знаний, прежде чем достигнут абсолютный консенсус среди научного сообщества?².

Отношение к геной инженерии. Как показывают результаты опросов общественного мнения, на протяжении последних трех лет наблюдается заметный рост осведомленности россиян

относительно генетически модифицированных продуктов (рис. 1). Наряду с этим, отмечаются крайне негативные оценки относительно их использования (рис. 2). Доля положительно настроенных не превышает 6%, а более половины населения имеют не просто негативное отношение, а выражают резко отрицательную позицию.

Рисунок 1
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ИЗВЕСТНО ЛИ ВАМ ЧТО-ЛИБО О ГЕНЕТИЧЕСКИ МОДИФИЦИРОВАННЫХ ПРОДУКТАХ?» (Левада-Центр, N=1600 чел.)

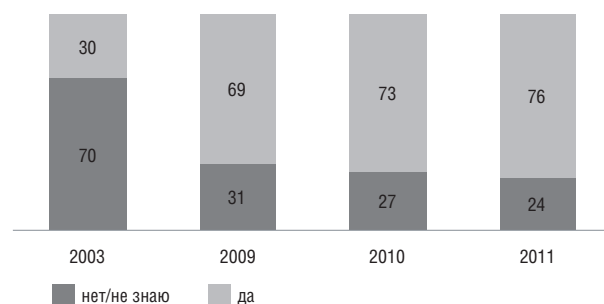
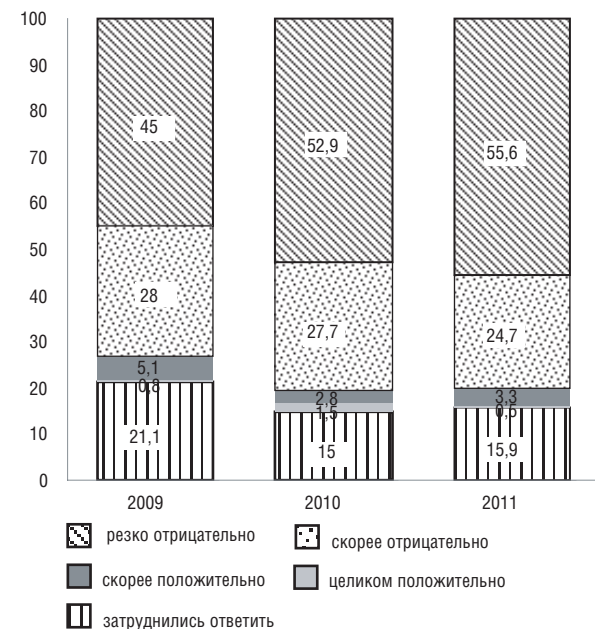

Рисунок 2
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К РАСПРОСТРАНЕНИЮ В РОССИИ ПРОДУКТОВ С ГЕНЕТИЧЕСКИ ИЗМЕНЕННЫМИ СВОЙСТВАМИ?» (Левада-Центр, N=1600 чел.)

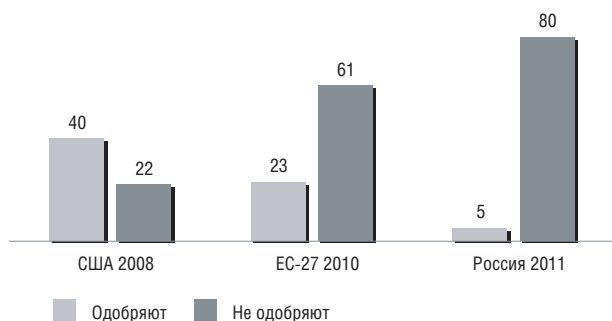
В сопоставительном анализе со странами США и ЕС, можно отметить, что генетически модифицированные продукты находят поддержку 40% населения США и достигает около 20% в европейских странах (рис.3). Иначе говоря, если в США доля сторонников вдвое превышает противников, на европейском уровне име-

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. // Пер, с нем. В. Седелника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. - М.: Прогресс-Традиция, 2000.

² Collins H., Evans R. The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience. // Social Studies of Science, Vol. 32, No. 2 (Apr., 2002),. p. 235-296.

ет место обратная ситуация – доля оппонентов второе превышает долю защитников, тогда как в России о каких-либо сторонниках говорить вообще не приходится.

Рисунок 3
ОДОБРЕНИЕ/НЕОДОБРЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИ МОДИФИЦИРОВАННЫХ ПРОДУКТОВ В США, ЕВРОПЕ И РОССИИ.

На основе данных: Science and Engineering Indicators – 2012. National Science Board; Special Eurobarometer 73.1 Biotechnology, 2010, Левада-Центр «Курьер», 2011.

Таким образом, в отношении к генетически модифицированным продуктам имеют место крайне несогласующиеся оценки, наблюдающиеся в различных странах. Чем же могут объясняться подобные разногласия? В качестве трех возможных детерминант подобных различий в данной работе мы остановимся на рассмотрении следующих характеристик:

1. Научная грамотность населения (уровень общеобразовательных знаний населения).
2. Научная культура, определяемая уровнем доверия к научным открытиям и восприятием возможных рисков и выгод от внедрения научных разработок.
3. Политическая культура, связанная с принятыми мерами регулирования данной области.

Рисунок 4
«ОБЫЧНЫЕ ПОМИДОРЫ НЕ СОДЕРЖАТ ГЕНОВ, А ГЕНЕТИЧЕСКИ МОДИФИЦИРОВАННЫЕ-СОДЕРЖАТ» (доля в % не согласившихся с суждением, т.е. верных ответов)

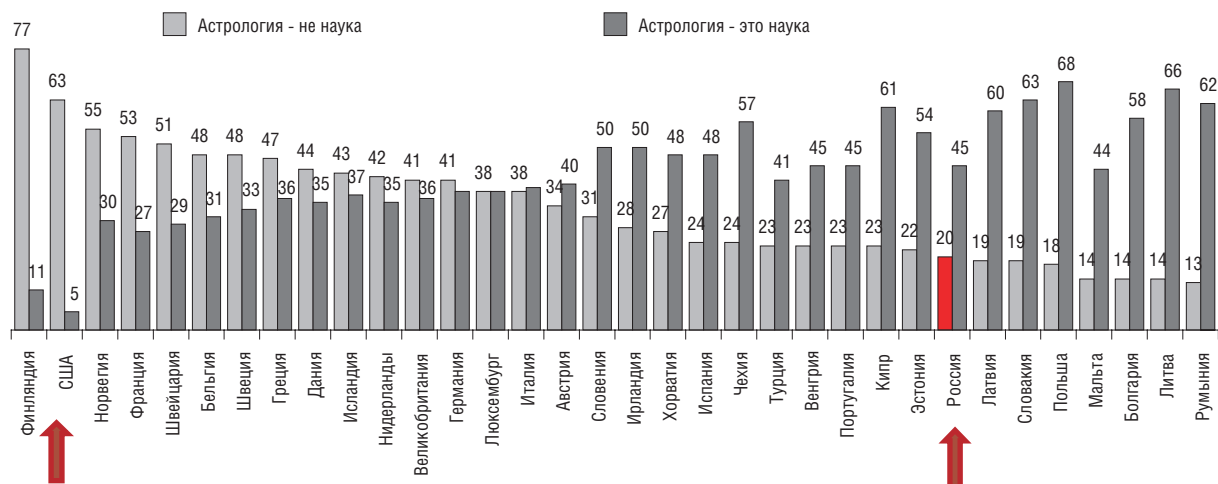
Научная грамотность населения и отношение к ГМО. Сторонники генетически модифицированной продукции активно заявляют о большой пользе ГМО для потребителей и окружающей среды. С их точки зрения, если бы люди были больше осведомлены о технологиях, лежащих в основе генной инженерии, то ГМО были бы восприняты в мире с большим успехом. Отправной точкой для нашего исследования и стало изучение взаимосвязанности научных знаний людей и их отношения к технологиям генной инженерии.

В международной практике для определения научных знаний населения используют различного рода тесты, рассчитанные на уровень образовательной школы. Для выявления знаний в области биологии респондентам предлагают согласиться или не согласиться с суждением о том, что в обычных помидорах не содержатся гены, а в генетически модифицированных – содержатся (рис. 4). По данному вопросу наиболее четкое представление о генетике имеют жители США – доля верно ответивших 47%. Несколько меньший процент имеют европейцы – 41%, однако россияне показали наихудший показатель биологических знаний. При этих невысоких показателях стоит отметить, что россияне проявляют не просто незнание данного факта (каждый четвертый затруднился ответить), но и практически половина из них вовсе заблуждается в этом вопросе.

В качестве еще одного критерия научной грамотности в международной исследовательской практике также используется вопрос о представлении населения о научных и псевдонаучных знаниях. Респондентам предлагается ответить на вопрос: «Считают ли они астрологию наукой?» (рис. 5). Так, 63% населения США верно классифицируют эту область как ненаучную и только 20% россиян не считают астрологию наукой.

Рисунок 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ АСТРОЛОГИЮ НАУКОЙ?»

Иными словами, если в Европе наблюдается негативное отношение к ГМО на фоне относительной информированности об основных генетических процессах, то в России – имеет место критическая позиция при крайне низких знаниях на эту тему.

Научная культура и восприятие рисков. Как уже отмечалось выше, технологии генной инженерии в терминах Шумпетера¹, можно рассматривать как инновацию, поскольку они относятся к новому способу производства товаров. Любые научные разработки обладают своего рода неопределенностью и рисками от их внедрения. Ситуация с генетически модифицированными организмами характеризуется неопределенностью воздействия на организм человека. Перед участниками возникает проблема выбора: экономические выгоды от использования ГМО сопоставляются с потенциальными рисками таких продуктов для здоровья. Данная дилемма формирует две основные логики – научной и социальной рациональности².

В случае с решением в пользу экономических выгод, мы можем говорить о «научной рациональности», когда при сопоставлении рисков технологический прогресс является приоритетным. Представители первой из них занимают позицию свободного использования ГМО в производстве. Получение экономических выгод непосредственно здесь и сейчас перевешивает возможные риски от употребле-

ния ГМ-продукции в долгосрочной перспективе. Этой модели свойственна «презумпция невиновности»³: поскольку вред от потребления ГМО не доказан, использование трансгенных технологий признается приемлемым.

Другой полюс представляет логика, основанная на «социальной рациональности», которой свойственна особая осторожность в вопросах развития науки. Риски от научных открытий могут быть как гипотетическими, так и реальными, поэтому ГМ-продукция требует особого контроля. В противовес первой логике здесь действует «презумпция виновности»: прежде чем применять технологии генетических модификаций необходимо доказать, что такая продукция безопасна.

На основе эмпирического индикатора о позиции населения различных стран в сопоставлении рисков и выгод, можно сказать, что «научная рациональность» в большей степени свойственна американскому обществу, тогда как позиции «социальной рациональности» придерживается большинство европейских стран, в том числе и Россия (рис. 6).

Тем не менее, все же стоит заметить, что научная культура Европы в данном контексте не является однородной (монолитной), находит подтверждение и в рассмотрении следующего момента, связанного с законодательным регулированием.

Политическая культура и государственное регулирование. В ситуации, когда индивиды находятся в разной степени информированности

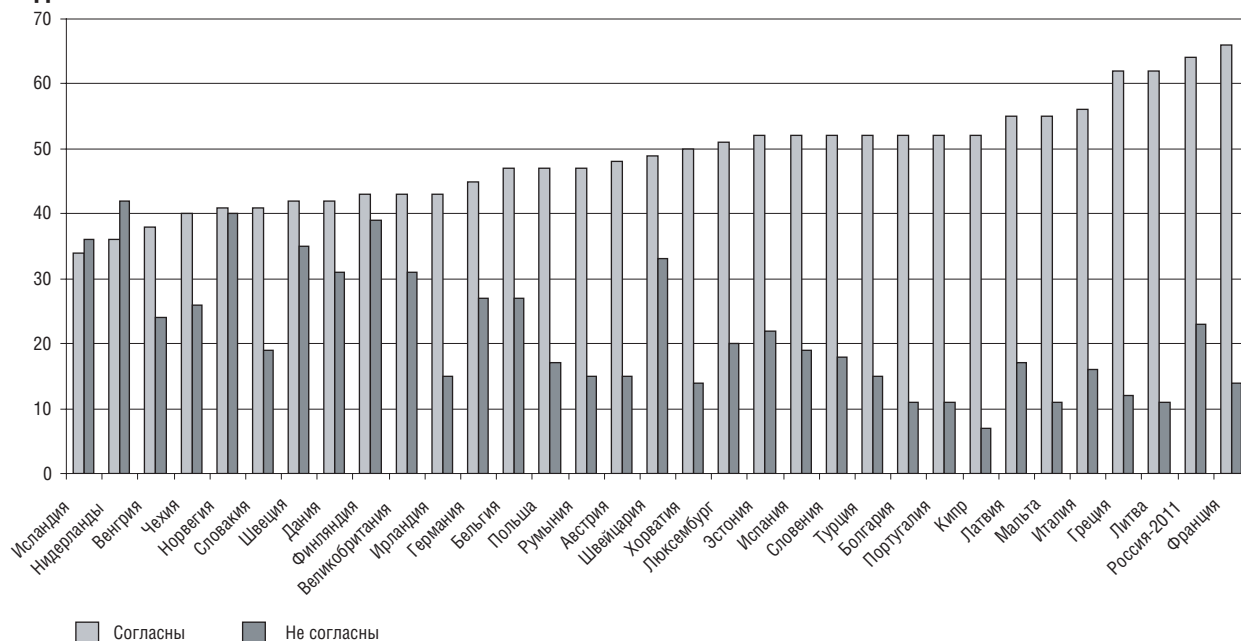
¹ Шумпетер, Й. Теория экономического развития. М., Прогресс. 1982.

² Isaac G. E. and Kerr W. A. Genetically Modified Organisms at the World Trade Organization: A Harvest of Trouble// Journal of World Trade, 2003, Vol. 37, p. 1083-1095.

³ Evenson R. E, Santaniello V. International Trade and Policies for Genetically Modified Products. Wallingford: CAB International, 2006

Рисунок 6

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ЕСЛИ НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРЕДПОЛАГАЮТ НАЛИЧИЕ РИСКОВ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЕЙ, РАЗВИТИЕ ТАКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ДОЛЖНО БЫТЬ ПРИОСТАНОВЛЕНО, ДАЖЕ ЕСЛИ ЕСТЬ ОЧЕВИДНЫЕ ВЫГОДЫ ОТ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ?»

Источники: ИСИЭЗ; Eurobarometer 340, 2010.

(в силу асимметрии или других причин) или некомпетентны, доверие позволяет делегировать ответственность за свою безопасность на других агентов. В качестве такого игрока, обладающего доверием в отношении с принятым решением относительно научно-технических противоречивых разработок, выступает государство. Рассмотрим, как происходит регулирование данных сфер в различных странах на законодательном уровне.

Стратегии государства являются культурно укорененными¹. Таким образом, неудивительно, что политическая культура в данном отношении во многом имеет отражение сложившейся научной культуры. В США в соответствии с «научной рациональностью» провозглашена свободная торговля генетически модифицированными продуктами. В ЕС же меры по регулированию данной сферы вызвали громкие дебаты. В результате, в ряде стран были также приняты меры о свободном обороте подобных продуктов, в других — введен полный запрет для их выращивания на своих территориях, и введена обязательная маркировка товаров, созданных с применением ГМО более 0,9%².

¹ Доббин Ф. Формирование промышленной политики (фрагменты книги) // Экономическая социология, 2004. Т. 5, №1, с. 45-60.

² GMO Traceability and Labelling Law (Regulation 1830/2003). URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2003:268:0024:0028:EN:PDF>

Особый кейс в соотношении позиции неинформированного критичного населения и позиции государства представляет Россия. У нас были приняты два ряда регулирующих мер.

В 2007 году Главным санитарным врачом РФ были установлены санитарно-эпидемиологические правила, аналогичные принятым в ЕС, согласно которым пищевые продукты, содержащие более 0,9% компонентов генно-модифицированных организмов, подвергаются обязательной маркировке об указании наличия в них ГМО³. Однако, в силу особенностей контролирующих структур, с момента действия законодательства в России ни одного случая с подобной маркировкой не выявлено.

Наряду с этим Правительством Москвы было в том же году внесено предложение о добровольной маркировке товаров знаком «Не содержит ГМО!». Получить разрешение на её введение могут любые компании-производители, прошедшие за счёт собственных средств проверку в лабораториях на отсутствие содержания ГМО в предельно допустимых нормах. Предполагалось, что данное правило позволит потребителю лучше ориентироваться в собственном выборе между продукцией с ГМО и без ГМО

³ Постановление Главного государственного санитарного врача РФ 25 июня 2007 г. № 42. Дополнения и изменения № 5 к СанПиН 2.3.2.1078-01 гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов.

и будет служить поддержкой для добросовестных производителей.

Однако в силу слабой информированности потребителей, производители стали злоупотреблять данным положением и манипулировать сознанием потребителя — компании стали вводить маркировку на товарах, которые априори не могут содержать ГМО, и в тоже время остальные производители стали вводить собственные маркировки «натуральный», «без ГМО», не проходя соответствующих процедур контроля. Отсутствие должного контроля привело к тому, что авторитетность и доверие к подобного рода маркировкам было подорвано. Стоит также заметить, что и данная маркировка с апреля 2012 была отменена. Таким образом, на настоящий момент мы имеем законодательные нормы в области ГМО, которые практически ничем не подкрепляются.

Выводы. Таким образом, в ситуации, когда технологии затрагивают вопросы здоровья человека, они начинают вызывать различную реакцию — как сопротивления, так и относительной поддержки. Легитимация становится возможной благодаря более компетентному мнению населения, а также там, где ценность от экономических выгод выше, чем риск возможных негативных последствий.

Среди рассмотренных стран политика государства отчасти согласуется с позицией населения относительно допустимости подобных технологий, однако все же говорить о полном соответствии, пока не приходится. В России же вопрос регулирования этой сферы стоит наиболее остро. Среди россиян наблюдается крайне негативная настроенность относительно использования технологий генной инженерии, сопровождающаяся отсутствием реальных знаний об опасностях и возможностях данных технологий. Государственная политика в об-

ласти регулирования оказывает практически формальное действие на контроль за оборотом ГМ-продуктов на российском рынке. В связи с этим, возникает вопрос, насколько возможно в России инновационное развитие при низкой научной грамотности населения и сопротивлении инновациям?

Если мы ничего не будем делать с низким уровнем осведомленности граждан, первый вариант политики может быть сведен к полному запрету торговли и производству генетически модифицированных продуктов, ограждающему и предостерегающему от возможных рисков. Однако в этой ситуации, с одной стороны, мы, безусловно, выигрываем в плане продовольственной безопасности, с другой — оказывая сдерживающее воздействие на развитие генной инженерии, уже в ближайшем будущем Россия может попасть в зависимое положение в приобретении подобного рода продукции перед ключевыми глобальными игроками, в том числе и перед трансгенными корпорациями США.

В случае же инновационного сценария мы отдаем полный приоритет научным разработкам и технологиям и предоставляем потребителям полную свободу выбора относительно потребления генетически модифицированных или обычных продуктов. Однако без налаженного диалога между научным сообществом и слабо осведомленным населением, достижение рефлексивного потребления россиян в области питания кажется затруднительным.

Принимая во внимание тот факт, что в ближайшие 20-30 лет, вероятнее всего, окончательный вердикт относительно пользы или вреда ГМО вынесен не будет, ситуация с распространением генетически модифицированных продуктов будет во многом зависеть от той государственной политики, которая будет выбрана российским правительством, в частности, в преддверии вступления России в ВТО.

Шестая научная конференция памяти Ю.А. Левады

20 апреля 2012 г. в НИУ ВШЭ при поддержке и участии Левада-Центра прошла Шестая ежегодная конференция памяти Юрия Александровича Левады «Современное российское общество и социология», приуроченная ко дню рождения ученого (24 апреля). В ней, как и в пяти предыдущих, участвовали молодые исследователи — студенты и аспиранты различных вузов Москвы, Новосибирска, Казахстана, сотрудники научных организаций, специализирующиеся в области социологии.

Пленарное заседание открыл декан факультета социологии НИУ ВШЭ А.Ю. Чепуренко, с докладом «Старое и новое в выборах 2011 года», развивающим идеи Ю. Левады об особенностях механизма и функций электоральных процедур в России, выступил Б. Дубин. На семи секциях конференции, работа которых была посвящена как теоретическим проблемам (например, представлениям о человеке в социальных науках), так и анализу эмпирических данных о различных сферах жизни общества, а также вопросам методологии и техники исследований (антропометрии, дискурс-анализу,

многомерному шкалированию), с сообщениями выступили 25 исследователей. Значительное количество слушателей приняло участие в дискуссиях.

Выступления участников группировались вокруг проблем занятости и трудовой мобильности, экономической социологии, социологии рынков (продуктов, лекарственных средств, ювелирных изделий), изучения общественного мнения, деятельности системы образования (дошкольного, общего, специального), внутренних и внешних вызовов современному обществу. Ряд сообщений были нацелены на динамику исследуемых показателей (оценки своего положения населением) и их кросскультурное сравнение (представления о здоровье в России и странах ЕС), на выявление формальных институциональных рамок и неформальных механизмов поведения внутри различных систем социума. «Вестник общественного мнения» планирует опубликовать ряд наиболее интересных материалов конференции и начинает эту серию в настоящем номере статьей Ольги Каравой.

АВТОРЫ НОМЕРА

ВОЛКОВ Денис Александрович (Аналитический центр Юрия Левады)

ГУДКОВ Лев Дмитриевич (Аналитический центр Юрия Левады)

КАРАЕВА Ольга Сергеевна (Аналитический центр Юрия Левады)

КАШИРСКИХ Олег Николаевич (НИУ ВШЭ)

КРАСИЛЬНИКОВА Марина Дмитриевна (Аналитический центр Юрия Левады)

КРАСТЕВ Иван (Институт гуманитарных наук, Вена, Австрия)

МИЦЕК Сергей Александрович (Гуманитарный университет, Екатеринбург)

ОЛЕЙНИК Антон Николаевич (ЦЭМИ РАН; Университет «Мемориал», Канада)

ХОЛМС Стивен (Нью-Йоркский университет, США)

SUMMARY

«Trust» in Russia: Meaning, Functions, Structure (by Lev Gudkov). Sociological researches that have been carried out for more than 20 years by Levada Center demonstrate a narrow scope of trust (the Russians trust only to the very close people: family members, relatives and old friends). Everyday practical mistrust shown towards the people around is combined with high declared trust to three particularly meaningful institutions: Head of the country, the Church, and the army. Other institutions – the Parliament, Prosecutor's Office, Court of Law, political parties, Trade unions, local authorities, financial institutions and others – rouse distrust to a more or less degree. Low level of interpersonal trust correlates with the absence of individual responsibility for the state of affairs in society and lack of civil solidarity, with alienation from politics. Trust is not a psychological phenomenon but an outcome of an individual's socialization into certain spheres of institutional activities. Therefore it's necessary to distinguish different meaningful grounds for typology of trust. Barriers or borders between different zones of trust/mistrust are of particular interest in this respect.

The Strange Death of Managed Democracy (by Ivan Krastev & Stephen Holmes). December's protests destroyed Putin's reputation of being in control; even genuinely competitive elections would be unable to restore his legitimacy. Although they have quieted down as quickly as they flared up, the clamorous protests that followed the dishonest Russian legislative elections in December 2011 have essentially destroyed Putin's regime, the infamous «managed democracy.» In order to unravel the enigma of «managed democracy,» we need to answer a few simple questions: What is the political function of rigged elections for a government that has never really pretended to be a democracy? Why have rigged elections under Putin seemed both meaningless and indispensable? Why has Putin regularly rigged

presidential elections when he has been well positioned to win them even if competition were free and fair? And why did the Kremlin rig elections in a manner so flagrant that nobody could doubt that they were rigged and that the Kremlin was doing the rigging? By siding, for electoral purposes, with the parochial and sluggishly immobile Russia that depends on state subsidies against the internet-savvy and well-traveled Russia that makes the country seem part of the modern world, Putin has lurched impulsively down a cul de sac. He has reoccupied the Kremlin; but he has made himself hostage to the social groups that he cannot afford to subsidize and has lost the support of the social groups that have allowed him to enrich his inner circle while maintaining his image as a modernizer taking Russia into the future. No wonder that one of the signs most prominently displayed in the demonstration held on Pushkin Square after Putin's victory read simply: «Goodbye future!»

Attitude to Authorities in the Structure of Social Being (by Marina Krasilnikova). Changes of indicator «Index of social dispositions» and its components (Expectations index, Index of the authorities' evaluations, etc.) are examined on the data of Levada Center surveys of the 2000-s. The author shows forecasting possibilities of this indicator discovering with its help that the first signs of social uncertainty of 2010-2011 had appeared as far back as in 2006-2007 and became more evident under the influence of 2008 crisis. M.Krasilnikova concludes that in 2011 in Russia the conditions for open manifestation of discontent had been formed, and this situation – lowering of population's evaluations of the authorities accompanied by absence of social well-being improvement on the whole and by decreasing usual pre-election mobilization of public consciousness – has shown itself maximally clearly during all the time of Levada Center sociological observations.

Public Sphere and the Legitimacy of Personalistic Regime in Russia (by Oleg Kashirskikh). According to the given article the main basis of the present political regime's legitimacy in Russia seems to be the absence of institutionalized citizen's communication across differences. In the absence of effective political competition and social critically media there is not public communication. This, in turn, does not generate the collective form of political change's internalization. A consequence is the private character of political preference formation which rationality is aimed not at improvement of own political knowledge, but on improvement of own material welfare. For this reason the public sphere institutions/political communication institutions are devaluated as a basis of preference formation in the opinion of most citizens. The exclusion of the democratic institutions from possible ways to improve one's personal situation does not conflict with interventions of the authoritarianism.

Russian Protests in Late 2011-First Half of 2012: Demand for Democratization of Political Institutions (by Denis Volkov). The author scrutinizes the logic and dynamics of mass protests in Russian capital and major cities in end of 2011 and the first half of 2012 drawing on the results of public opinion polls conducted by the Levada-Center (All-Russia and Moscow surveys, and two surveys of participants of opposition rallies in Moscow), and on the initial analysis of several dozen in-depth interviews with organizers and leaders of the protest movement.

Survey data help to paint a portrait of an active minority – wealthy residents of large Russian cities – which has organized in their opposition to the election results and authoritarian character of the political system. Comparison with previous electoral campaign allows describing the new context in which the expression of mass resentment became possible. The parallel with the Russian protests of 2005-2010 shows that over the years some experience of working together has accumulated, various repertoire of collective action were tested, and the environment for the politicization of various civic associations has developed. Analysis of the events suggests that resentment was increased by the overall situation of uncertainty and a string of election scandals. It resulted first in the protest vote, increased attention to the election results and the work of election observers, and finally in mass rallies.

The organized actions of the opposition-minded minority of the population, the mobilization of supporters of current regime, and rallies organized by

the Russian Orthodox Church, can be interpreted as the gradual mobilization of the various social groups of Russian society. This signalizes the demand for representation and coordination of different group interests, the need for modernization of state institutions. The democratization has for once a chance to become the right instrument to ensure political order.

Who are These (Wo)Men in the Picture? On Content Analysis of Images of Mass Protests (by Anton Oleinik). The article discusses the methodological issues related to the content analysis of visual records of mass protests. Two categories of visual records are differentiated and compared: media coverage (documentary photography) and images from private collections (street photography). A sample of 382 images taken of the December 24, 2011 demonstration in Moscow, Russia is used for the purposes of the content analysis. The outcomes are compared with results of a survey administered among the protesters ($N=791$). It is argued that street photography produces a more valid visual account of the protest. The content analysis of visual records can complement the other methods for studying mass protests (survey research, qualitative in-depth interviews, participant observation, and network analysis of the social networking sites) and eventually replace them, particularly if no other data is available.

A Russian Citizen in the Light of Economic Indicators (by Sergey Mitsek). The author analyzes comparative data about life satisfaction among population of Russia and OECD countries as well as the factor affecting these evaluations (labor activity and productivity, the level of welfare achieved, the amount of savings, expenditures structure, conditions of life, birth rate and mortality rate, ecology, population health, quality of health care system, communication activity, etc.). The author draws a conclusion that in the light of international comparisons a Russian citizen becomes on the average more prosperous, educated, well-informed and communicable. He concentrates in big cities, is more aware of the world around than before. The structure of his consumption is moving towards the standards characteristic of the citizens of the developed countries. However his expenditures on ameliorating surroundings, his health and educational level are evidently insufficient and without their raising it's impossible to expect in future enforcing economic growth and increasing the quality of life in Russia.

«Controversial Innovations»: Public Attitudes Toward Genetic Engineering in Contemporary Society (by Olga Karaeva). In this article the author aims to outline the situation related to the perception of genetic technologies in Russia, as well as attempts to explain the observed differences in attitude to GMOs in Europe, the USA and Russia. As the hypotheses the author put forward suggestions about the differences, first, in the scientific literacy of the population (general educational level of scientific knowledge), secondly, in the scientific culture (the credibility of the scientific discoveries and perception of possible risks and benefits of implementing scientific development), and thirdly, in the political culture (the control measures and government regulation taken in this sphere). The empirical study is based on the public opinion surveys

conducted by Levada Center and on secondary data research results of Eurobarometer and the National Science Foundation. The research findings show that legitimization of such contradicting innovations as genetic engineering is made possible by a competent opinion of the population in science, and in countries where the value of economic benefits is higher than the risk of possible adverse effects.

The Section **«Scientific Life»** presents information about the Sixth annual Conference **«Modern Russian Society and Sociology»** in commemoration of Yuri Levada held on April 20, 2012 and organized by Higher School of Economics with the support and participation of Levada Center.

**ПОДПИСНОЙ КУПОН
ПОДПИСНОЙ КУПОН НА 2012 год**

на комплект из _____ номеров (№1, №2, №3, №4 – нужное вписать)

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

Стоимость 1 номера – 240 руб. (включая НДС 10%)

Мы перевели сумму* _____ (включая НДС 10%) за подписку на «Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии» платежным поручением № _____ от _____ на расчетный счет

40703810100010000119 в банке «Кредит-Москва» (ОАО) г. Москвы.

Корр. счет **30101810700000000501** БИК **044583501** ИНН **7705466756**

Получатель: Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Просим выслать по адресу: _____

Куда. _____

Кому. _____

Телефон (e-mail) для связи _____

Предпочтительный способ доставки (почта, самовывоз)

Заполненный купон и копию платежного поручения отправьте, пожалуйста, по адресу: 125319, Москва, ул. Черняховского, д. 16, или на электронный адрес direct@levada.ru, или на факс (495)229-38-25

Редакция осуществляет подписку на **электронную версию** журнала (файл формата PDF).

Стоимость подписки на один номер — 118 рублей (включая 18% НДС).

По всем вопросам подписки, пожалуйста, звоните по тел. (495) 229-38-10 или пишите на direct@levada.ru

* Стоимость подписки следует уточнить по тел.: (495) 229-38-10 или по электронному адресу

direct@levada.ru

ORDER FORM

for 2012

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussion

1 issue – USD 22

1 year subscription (4 issue) – USD 88

January–March

April–June

July–September

October–December

Subscription fee for _____ issue Quarterly

USD _____ transferred to:

Beneficiary: Levada-Center, RUSSIA, Credit-Moscow

Bank. SWIFT code : CRMORUMMXXX

Acc. № 40703840400010000119

113054, Russia, 6-th Monetchikovsky, 8

Correspondent Bank: Commerzbank, Neue Mainzerstrasse 32-36, 60311, Frankfurt/Main, Germany

acc. № 400/8866709/00 SWIFT code: COBA DEFF

Please send the Journal to:

Name _____

Address _____

City _____

Please fax this order form to: +7(495) 229-38-25 or mail it to direct@levada.ru to Levada-Center, 16 Chernyakhovskogo Str, Moscow, 125319, Russia.

For further information, please contact us via email direct@levada.ru or by phone +7(495)229-38-10